

ФЕСТИВАЛЬ

№ 1 (138) ЯНВАРЬ 1985

С НОВЫМ ГОДОМ!

РАДИ
МИРА
НА ЗЕМЛЕ.

Эрмитаж:
рядом
с удивительным.

НОВАЯ РУБРИКА
«БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ».

ДЕВУШКА, КОТОРУЮ Я НЕ ЗАБУДУ

Джеймс ОЛДРИДЖ,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами»

Специально для «Смены»

Во время войны в составе группы журналистов я посетил Севастополь сразу же после его освобождения. Мы вылетели на самолете из Москвы и приземлились в Симферополе, а оттуда на джипе пересекли Крым. В те дни бойцам Красной Армии еще приходилось наталкиваться на отдельные очаги сопротивления недобитых фашистов. В городах то и дело слышалась стрельба. Когда мы подъезжали к совершенно пустому Севастополю, чтобы затем отправиться в район боевых действий на полуостров Херсонес, который был буквально усеян

трупами немецких и румынских солдат, мы встретили девушку-регулировщицу в красноармейской форме.

На вид ей было лет шестнадцать, хотя, возможно, она была и старше. Там, на подступах к разрушенному городу, в запыленной и выцветшей гимнастерке, в берете и сапогах она своим жезлом так ловко направляла движение грузовиков, джипов, мотоциклов и танков, что напоминала заправского постового с центральной московской улицы. Правда, улицы не было. Город лежал в руинах.

Девушка привлекла меня своей цветущей молодостью. Хоть я и сам в ту пору был очень молод, все же сердце мое наполнилось сочувствием ко всем молодым советским воинам, мужчинам и женщинам, вынужденным посвятить юность жестокой битве с врагом. Вся тяжесть войны, как правило, в значительной степени выносится на своих плечах молодежь, и эта регулировщица не была исключением. Однако в ее глазах, в ее целомудренном лице, в той серьезности, с которой она выполняла свою работу, было что-то особенное. Глядя на нее, я инстинктивно почувствовал, что общество, рождающее таких людей, непобедимо. Она была его воплощением, хотя и не сознавала этого.

С тех пор, когда меня охватывает тревога за судьбу нашей планеты, я всегда вспоминаю эту девушку. Она знала, что ей делать, и, несмотря на молодость, без колебаний несла, как говорится, свой крест.

Вообще-то я не думаю, чтобы молодежь в различных уголках земного шара так уж отличалась друг от друга: все молодые люди и девушки хотят работать, приносить пользу и быть уверенными в том, что в жизни им уготована широкая и светлая дорога. Но разница все таки есть. Особенно сейчас, когда у нас в стране шестнадцатилетние уже не уверены в том, что смогут получить работу. Они знают, что скорее всего не найдут ее. Слишком часто в наших промышленных городах встречаешь молодежь, у которой уже нет юношеского задора, потому что будущее ее беспросветно. Шестая часть английской молодежи в возрасте от 18 до 25 лет не имеет работы, и у нее нет никаких перспектив на ее получение. В ближайшие годы в наиболее промышленно развитых районах нашей страны тридцать процентов молодежи пополнят ряды безработных, а民眾 ее представителям в возрасте до двадцати лет так и не придется работать.

Поэтому, когда я смотрю на советскую молодежь, я вижу не просто молодых людей и девушек. За последние сорок с лишним лет я очень часто бывал в Советском Союзе, и мне доводилось много беседовать с вашей молодежью. И не только беседовать. Я видел, как она трудится и в буквальном смысле слова растет. На моих глазах вместе с ней росло и все советское общество. Забота о молодежи лежит в основе этого общества, и молодежь, в свою очередь, заботится о нем.

Я не встречалась с молодыми строителями БАМа, но я знаю, как молодежь возводит высоковольтные линии электропередач, вдоль этой великой транссибирской магистрали. Я видел, как молодежь трудится на судах дальнего

МИР ОТСТО

ЗЕМЛЯ У НАС ОДНА...

Генрих ГУРКОВ

9 марта 1946 года американский журналист Сульцбергер записал в дневник текст приказа, который он прочитал в штабе воинской части армии США в Вюрцбурге, в Западной Германии.

Вот как он звучит:
«Советское правительство — союзники Соединенных Штатов Америки. И вы вместе или поодиночке — представители нашего правительства. И я не потерплю никаких уничижительных замечаний против наших союзников... Миллионы русских солдат и гражданских лиц погибли, чтобы спасти наши шкуры. Если пропаганда побуждает вас ненавидеть русских, остановитесь и подумайте. Они умирали и за нас...»

Вот еще что я вам скажу. Политически я консервативный демократ, южанин. Мой предок был убит в войне за независимость США.

Русские — наши союзники. Они мужественны. Они спасли нас от немецких орд.

И еще одно — я не хочу больше воевать. Думай, что хватит войн.

Вы предупредите.
Полковник Фрэнк В. Эби.

Запись в дневнике Сульцбергера появилась спустя три дня после того, как в малоизвестном прежде американском городке Фултоне 6 марта сорок шестого, первого послевоенного года, Уинстон Черчилль произнес речь, которую можно считать началом «холодной войны». Приглашение Черчиллю прибыть в Фултон для получения степени почётного доктора прислав президент США Гарри Трумэн, человек, отдавший приказ о применении первых атомных бомб.

На полях сражений второй мировой войны солдаты антифашистского фронта сражались насмерть, веря, что само понятие «война» после разгрома фашизма исчезнет из жизни человечества. Что может быть потом, кроме мира? Какие еще нужны кровавые уроки?

Пройдет совсем немного времени после мая и августа сорок пятого, и президент Трумэн, формулируя доктрину, названную его именем, скажет: «Хотим мы этого или не хотим, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром...»

Беспринципный и безответственный посып по части исключительной «ответственности»

«XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов состоится в год 40-летия победы над фашизмом. Он созывается в стране, народ которой внес выдающийся вклад в разгром гитлеровского фашизма и японского милитаризма. Уроки минувшей войны не должны быть забыты. Миллионы и миллионы антифашистов в разных странах отдали жизнь во имя победы, во имя нашего будущего. И мы призваны сделать все для того, чтобы остановить силы милитаризма и агрессии. Против войны надо бороться, пока она не началась!» Эти строки — из Призыва Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

По предложению
Ленинского комсомола
фестиваль состоится в Москве
с 27 июля по 3 августа 1985 года.
Лозунг фестиваля:
«За антиимпериалистическую
солидарность, мир и дружбу!».
Бывает совпадение дат и событий,
которое представляется случайным.
Бывает и иное,
в котором словно фокусируется
логика истории.
Год 1985-й...
Сорок лет тому назад
советский солдат,
расписавшись на колоннах
и стенах рейхстага,
поставил последнюю точку
в биографии
«тысячелетнего рейха»,
просуществовавшего
двадцать лет
и обрекшего на смерть
пятьдесят миллионов
человек.

Сорок лет тому назад
на борту линкора «Миссури»
была подписана капитуляция
азиатского союзника рейха—
этому предшествовал
стремительный и сокрушительный
разгром Квантунской армии,
основной ударной силы
милитаристской Японии.
Сорок лет тому назад в Лондоне,
в зале Альберт-холл,
состоялась конференция,
собравшая представителей
молодежи из 63 стран.
Родилась Всемирная федерация
демократической молодежи.
Тогда же возникла мысль
о проведении всемирных
фестивалей молодежи—
праздников мира и дружбы.
Но у порога уже стояла
«холодная война»...
И все же всемирные фестивали
начнут свою славную историю—
в 1947 году

17 тысяч молодых людей
из 71 страны соберутся в Праге.
«Дети разных народов,
мы мечтаем о мире живем...»—
 песня эта, ставшая гимном ВФДМ,
прозвучит
в чехословацкой столице
в дни XII Всемирного.
Мечта о мире может и должна
стать незыблой реальностью.
Чтобы стало так,
собирается молодежь планеты
на свои самые
представительные форумы—
всемирные фестивали.
Увидеть и услышать друг друга,
улыбнуться друг другу
и послорить друг с другом,
обменяться рукопожатием
и аргументами,
рассеять предрассудки
и предубеждения
и найти путь к сотрудничеству
во имя мира и гуманизма,
против сил.

угрожающих сегодня
существованию
рода человеческого,—
суть и смысл фестивалей
не меняются,
хотя меняется
порой в лучшую,
порой в худшую сторону
международная
ситуация.
Не пассивное ожидание того,
что может случиться с миром,
со всеми нами,
не бескрылый фатализм,
а активность действий
во имя жизни,
во имя будущего—
к такой позиции зовут
молодежь планеты фестивали.
Земля у нас одна.
И мы должны
позаботиться о том,
чтобы на ней был мир.
Пусть послужит этому
XII Всемирный.

АЛИ. МИР ЗАЩИТИМ

Соединенных Штатов за судьбы послевоенного мира расшифровывается в первые годы после сорока пятого в планах и директивах, предусматривавших всевозможные «карательные операции» против СССР.

Вчера—не иначе, чем сегодня.

Твердят о «советской угрозе» и размещают в Западной Европе «крылатые ракеты» и ракеты «Першинг-2».

О войне еще не научились говорить в прошедшем времени, когда снова потребовались казармы для солдат.

Улицы городов Западной Европы в ту пору все больше напоминали армейские полигоны. Америка вступила в Западную Европу—уверяясь в себе не в роли освободителя, а в роли завоевателя.

Политики и генералы Запада говорили о спасении Европы от советских танков, которые якобы уже изготовились сделать бросок к Ла-Маншу, а тем временем западноевропейские страны покрывались сетью американских военных баз.

Такова была ситуация, в которой возникло фестивальное движение.

У него нет «секретной» истории.

Общеизвестно: фестивали—начиная с самого первого—были вызовом «холодной войны», империализму, колониализму. Они опирались на опыт антигитлеровской коалиции, объединившей против общего врага людей разных политических взглядов и разного общественного положения.

Многое, очень многое разделяло тех, кто искал путь друг к другу в истерзанном, настрадавшемся за годы войны тревожном и противоречивом послевоенном мире.

Но разве не было общим отношение к горю Орадура, к трагедии Лидице, к подвигу Сталинграда?

Преступная параллель между печами Освенцима и атомным крематорием Хиросимы уже недвусмысленно обозначилась—и разве борьба против атомной смерти не утверждала себя первейшим пунктом в жизненной повестке дня поколения, только что сбросившего военную гимнастерку, и другого поколения, еще не успевшего надеть ее?

Во все времена человечество мечтало о мире, но часто, слишком часто писало свою историю на полях сражений.

Вспомним:

в войнах XVII века в Европе погибло 3 миллиона человек;

в войнах XVIII века—5 миллионов;

XIX века—6 миллионов.

Потом наступил XX век со своими масштабами войн и жертв...

Первая мировая война 1914—1918 годов—10 миллионов погибших.

Вторая мировая война 1939—1945 годов—50 миллионов.

Из них 20 миллионов—советские люди. Вряд ли найдешь в нашей стране семью, которой не пришлось бы оплакивать близких.

Память нашего народа—в шрамах войны.

Но как учесть все потери, которые нанесла война, которые увечат нашу жизнь через годы и десятилетия после того, как отгремели победные салюты?

Война—это солдаты, погибшие, не успев стать отцами.

И это неродившиеся дети.

Вот данные из статистического справочника...

В 1954/55 учебном году в советских школах в первых четырех классах обучалось на 6 миллионов 970 тысяч меньше детей, чем в 1950/51 учебном году. На сорок процентов меньше!

Студент пединститута, будущий учитель, пришел в класс с пустыми, горестно пустыми партами и написал пронзительные строчки:

Малютка-класс: одиннадцать ребят, пять лет он не имеет параллельных, большие классы впереди шумят, большие классы сзади зашумели, он катится по жизни, как волна, напоминая, что была война...

Из переписи населения 1959 года...

Мужчин в СССР насчитывается 45 процентов ко всему населению. Женщин—соответственно 55 процентов. Женщин на 20,7 миллиона больше.

Была война...

Подсчитано: Соединенные Штаты Америки за всю свою историю, с 1776 года, потеряли в войнах 650 тысяч человек. Потери среди гражданского населения США в годы второй мировой войны составили 6 человек—они погибли от залетевшей на воздушном шаре японской бомбы.

Ракетно-ядерные реалии полностью изменили ситуацию.

Однако понято ли это большинством американцев, не переживших того, что пережили европейцы в двух мировых войнах, искренне полагающих, что все беды третьей мировой, если таковая разразится, обрушатся на тех же европейцев?

Так уж случилось, что каждый, кому журналистская судьба доверила вписать хоть несколько слов в летопись фестивального движения, вынужден был, хотел он этого или не хотел, коснуться вопроса об «антифестивальщиках». Листа блокнот 1962 года.

Хельсинки...

Фестивальные колонны, утопая в цветах и ульбках, движутся к стадиону. Возле знаменитого Кузнецова—монаумента, символизирующего труд, четко сдирожированная манифестация подстила. Группка разъяренных, подогретых собственным бессилием и одиночеством в фестивальном Хельсинки молодых

негодяев, говорящих на немецком языке, тщет в лицо фестивалю флаги ГДР с вырезанными из них гербом. В гербе этом, как известно, молот, циркуль, колосья. Символы труда, не требующие перевода... Германия вчерашнего дня, надрываясь, рычит Германии новой, сегодняшней: «Я существую!»

Евгений Евтушенко, член советской фестивальной делегации, через несколько часов прочтет товарищам и продиктует по телефону Консольмому написанное в «горячей точке» фестиваля стихотворение «Сопливый фашизм»...

Антифестиваль и антикоммунизм... Они всегда оказывались рядом. «Антифестивальщики» ненавидели фестивали в том числе и за то, что молодые коммунисты играли выдающуюся роль в фестивальном движении. Да, это так, и они гордятся этим. Но ни в один из периодов фестивальной истории молодежные коммунистические организации не рассматривали фестивали как своего рода «семейные праздники». Двери фестиваля неизменно были открыты для всех, кто признавал и признает его девиз, и безусловная примета времени то, что в эти двери постучались многие и многие из организаций, еще недавно скептически относившихся к фестивальной идеи или даже враждебных ей. Жизнь вносила коррективы в планы, уставы, программы.

Сегодня не так уж просто найти волонтеров на антифестивальную баррикаду, хотя таких ищут и будут искать, используя все мыслимые средства морального и материального давления, силы, фестивали ненавидящие. Плыть против течения—занятие, как правило, нелепое, а если это мощный, из года в год набирающий силу поток? С чем иначе сравнишь стремление молодежи к разрядке, к сотрудничеству, к единству действий—во имя мира и дружбы, во имя солидарности, против бездушия войны, против глубочайшей исторической безнравственности, заложенной в самой природе империализма?

Заметим: единство в фестивальном лексиконе никогда не отождествлялось с единобразием. Никому на фестивалях не приходило в голову затушевывать различия во взглядах и позициях. «В споре рождается истина...» Организаторы фестивального движения ни в какие времена ничего против этой классической формулы не имели.

А те, кто представлял себе фестиваль как некий ликующий хор, исполняющий в унисон по заранее написанным нотам нехитрую оду на заданную тему, бывали потрясены, увидев сложный, многокрасочный, пульсирующий молодой мир, вместивший в себя все великие и далеко не однозначные процессы современности, мир, утверждающий свое право на завтрашний день, на будущее, на жизнь, достойную человека, на то, чтобы слово «война» навсегда было выбчеркнуто из политического словаря, чтобы эра конфронтации

полностью, окончательно, необратимо сменилась эрой сотрудничества.

...В дни Мюнхенской европейской встречи молодежи 1970 года по дороге от гостиницы в зал заседаний мне приходилось вместе с другими участниками встречи проходить мимо пестро раскрашенного фургона с рекламными изделиями «антифестивальщиков». Случайность, курьез, ирония судьбы, но пропагандистская телега стояла на тротуаре перед некой лавкой древностей, в витрине которой громоздилось старое оружие—от средневековых дротиков и алебард до эзсовских кинжалов. И на фоне всего этого архаичного хлама—политическая архаика в переплетах всех цветов радуги: брошюры, проспекты, буклеты, носящие договоры о европейском регулировании, политику разрядки.

Я думал об этом позднее, золотой европейской осенью 1975 года, когда вместе с сотнями коллег-журналистов со всех концов света наблюдал с отведенной нам трибуной, как руководители государств и правительства Европы подписывали исторический документ—Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. К слову сказать, год 1985-й вписал в свой весьма многозначительный календарь и дату десятилетия хельсинкского совещания...

А тогда, в 1975-м, в год тридцатилетия окончания войны и разгрома германского фашизма, реакционная пресса ФРГ прошлась по всей клавиатуре националистических страсти и комплексов. И все же... В тот самый год один из солидных западногерманских институтов по изучению общественного мнения задал молодым немцам вопрос: «Ваша оценка итогов войны: что это, поражение или освобождение?» Результаты опроса оказались неожиданными для многих. В возрастной группе от 18 до 20 лет 16 процентов опрошенных ответили—«поражение». А 44 процента сказали—«освобождение». Среди тех, кто окончил гимназию, слово «поражение» произнесли 9 процентов. А 51 процент заявил: «освобождение». И это несмотря на цельную массированную пропаганду, которая отправляла ложью всю сознательную жизнь этой молодежи, будоражила эмоции, раздувала вражду и ненависть...

Фестивали—за диалог, за дискуссию, за откровенный обмен мнениями.

Фестивали—за то, чтобы молодое поколение планеты, заглядывая в завтрашний день и помня об уроках дня вчерашнего, утверждало как жизненный принцип антиимпериалистическую солидарность.

Пусть символом незабываемого сорок пятого станет встреча на Эльбе, а не взрыв атомной бомбы в пустыне Аламагордо.

Пусть народы дружат, а не враждуют. Пусть мир утвердит себя в жизни человечества, а не меч.

БЫЛ ГЕРОЕМ СЫН

Клара ХРОМОВА

Bыросшая в крестьянской семье, она по привычке просыпается задолго до рассвета. Включает свет, окидывает взглядом квартиру. Чистота, уют и... одиночество. Ее взгляд скользит по фотографии сына: большие выразительные глаза, черные брови, волевой подбородок. Толя погиб в первый год войны, навсегда оставшись семнадцатилетним. За мужество и героизм удостоен ордена Ленина. Посмертно...

Я не раз бывала в гостях у Евдокии Степановны в подмосковном селе Осташево. Квартира Шумовой угловая, на втором этаже. Под окном — яблони, вишни, кусты белой акации. Тянутся, норовят достать до ставней. Яркий ковер цветов. Их много, разных — от лиловых колокольчиков и глазастых ромашек до огненно-красных сальвий. По примеру Евдокии Степановны жители соседних домов превратили дворы в сады, разбили под окнами цветники, детей приучают беречь хрупкое зеленое богатство.

Весь день она на ногах. Лишь в сумерки опустилась на стул, придвигнула портрет... «Вот, сынок, еще один день прошел. Наскажу тебе, как его прожила...»

...Толя Шумов родился в 1924-м. Сына мать назвала Анатолием в честь Луначарского. Мечтала видеть его таким же образованным и всесторонне развитым, как первый нарком просвещения. Надеялась Евдокия Степановна, кроме как на себя, было особенно не на кого. Вот и приучала сынишку с первых шагов к самостоятельности. Он не боялся одиночества и темноты, привык к строгому распорядку дня. А примером была мама. Придет с работы уставшая, управится по хозяйству и за книгу. Может, потому и Толя с нетерпением ждал дня, когда отправится в школу. Учиться ему нравилось. Нравилось и делиться своими знаниями с другими. Маме он признавался, что мечтает о профессии учителя.

— На него нельзя было сердиться, — с мягкой улыбкой говорит Евдокия Степановна. — Вспоминаю, как однажды сын пришел домой в грязной чужой майке, сказал, смущаясь: «Мам, ты знаешь, как неважко живут Вишняковы. У Вити всегда одна маечка. Я ему отдал свою чистеньющую, а ты постирай эту, я ему ее потом отдам, вот у него и будет две». Разумеется, что отказать сыну в его просьбе я не могла. Вот таким Толя был во всем...

Перед войной Шумова работала в Осташевском райкоме партии. А в августе сорок первого, когда фашисты приближались к столице, в районе было сформировано три отряда для борьбы с врагом на оккупированной территории. В состав одного из партизанских отрядов была включена и Шумова. 17 октября гитлеровцы заняли Осташево.

Из дневника командира партизанского отряда Василия Федоровича Праскунина: «Вечером 18 октября сорок первого командование Красной Армии поставило нас в известность об оставлении Осташева. Мы с Евдокией Степановной Шумовой выехали на лошади в Судниково, что в двенадцати километрах от Осташева. Отряд был уже в сборе. 24 октября измотанный боями враг пристановил наступление на нашем участке. Мы успели оборудовать землянку для жилья и баню. Евдокия Степановна взяла на себя нелегкие обязанности отрядной хозяйствики и санинструктора. Она вкусно кормила бойцов, раз в неде-

1945-1985
НИВА НАМЯТЬ *

лю топила баню, меняла белье. За время пребывания в лесу никто ни разу не болел».

Меня заинтересовало, почему эта энергичная женщина (ей шел тогда сороковой год) с опытом партийной работы согласилась на скромную хозяйственную должность. Евдокия Степановна объяснила:

— В нескольких километрах отсюда деревня Коняшино, моя родина. Знакомых много. В тридцатые годы я здесь проводила коллективизацию и, естественно, нажила врагов. Если бы, оставшись в подполье, «хвост» привела, подвела товарищей? Это во-первых. Во-вторых, в партизанский отряд принимали лишь мужчин. А мне хотелось быть хоть чем-нибудь полезной.

С ней было надежно. Обязанности по кухне ее не обременяли: Она успевала

приготовить на всех пищу, по утрам пекла хлеб, баловала своих подопечных блинами. К Евдокии Степановне привыкли, ее считали незаменимой, любили за добросердечие. Ее советами дорожили командир и комиссар отряда. Она прекрасно знала характеры и способности каждого бойца. Благодаря «старшой» в отряде появились мастера на все руки: плотники, сапожники, пекари.

...В сентябре 41-го Анатолий пошел в девятый класс. Он заметно повзрослел, еще летом втайне от матери вместе с тремя одноклассниками подал заявление в военное училище. Отказали, остались при военкомате разносить повестки. Но ему, комсоргу класса, рослому, физически крепкому парню, казалось постыдным прятаться за мамину спину. С тревогой слушал он сводки Совинформбюро, нервничал: «Фашисты наши города занимают, а нас, лбов, на фронт не пускают». «Придет и твой черед», — успокаивала мать.

Видя, как сын страдает от бездействия, Евдокия Степановна пообещала взять его с собой в партизанский отряд. С конца октября партизаны оказались в уже довольно далеком тылу врага. Седьмого ноября 41-го они приняли присягу. В одном строю со взрослыми стояли четверо вчерашних девятиклассников Осташевской школы.

В партизанском лесу оборудовали типографию, наладили выпуск районной газеты. Отсюда шли к людям листовки, исполненные уверенности в победе над врагом. В конце каждой — подпись: «Осташевский РК ВКП(б). Райсовет депутатов трудящихся». Каждая строка отзывалась в сердцах тысяч людей

болью и гневом: «Отомстим врагу за слезы наших матерей, жен и сестер, за грабеж, насилие и разрушения, за отнятую у нас мирную жизнь. Пусть горькие слезы отольются пулями врага и разят его без жалости и сожаления. И, как бы ни тяжелы были наши потери, сколько бы нам ни пришлось еще пережить в этой великой борьбе, мы уверены в правоте нашего дела».

Вот такие листовки доставляли из леса Толя Шумов. Один из его маршрутов — на мельницу, где под видом приемной дочери мельника жила партизанская связная Вера Павловна Прохорова. Однажды Толя, выполняя задание, чуть не попал здесь в лапы фашистам. Около мельницы запрудка, обойти ее невозможно, стало быть, не миновать объяснений с часовым, а это опасно — салоны полны листовок. Анатолий уже обдумывал, как в случае столкновения схватить часового за пояс, но неожиданно за спиной послышалось ржание лошади. На мельницу ехали гитлеровцы. Около запрудки повозка застряла. Анатолий не растерялся, бросился вытаскивать телегу. «Гут, гут», — закивали враги и отпустили незнакомого мальчишку.

Девяносто дней оstashевские партизаны находились в тылу врага. И все эти дни наносили ощущимые удары по оккупантам. Внушительные цифры убитых в боях с партизанами гитлеровских солдат и офицеров, взорванных машин с провинцией и боеприпасами, эшелонов с вооружением. В книге «Битва за Москву» подробно говорится об успехах отряда Праскунова. Есть там строки и о шестнадцатилетнем комсомольце Толе Шумове: в партизанском отряде он ходил в разведку на самые трудные и рискованные задания, не раз попадал в руки к гитлеровцам. Далее идет рассказ об одном из эпизодов партизанской биографии Шумова, о котором сын не рассказал даже матери.

Он был схвачен гитлеровцами в деревне Сумароково. На допросе утверждал, что разыскивает свою мать. Приворовившись беспечным весельчиком, Толя своим остроумием, смешными историями расположил к себе гитлеровского офицера, и тот оставил подростка у себя, обещая помочь в поисках матери. Юный разведчик великолепно играл свою роль, а сам зорко высматривал и запоминал, что творилось во вражеском стане. Улучив момент, бежал, прихватив с собой бинокль, офицерскую полевую сумку с документами, пистолет.

В дневнике комиссара партизанского отряда Алексея Васильевича Горячева есть такая запись: «За полтора месяца Толя Шумов сходил в разведку четырнадцать раз».

Конечно, всякий раз при встрече с врагами Анатолию приходилось изворачиваться. Он маскировался под недоучку, рассказывал, что был исключен из пятого класса за неупсеваемость. А сам прилично знал немецкий, обладал тренированной памятью.

...В тот вечер Евдокия Степановна так и не заснула. Анатолий вернулся поздно. Оберегая мать от волнений, сын вспоминал или выдумывал смешные «похождения». По его рассказам, все-то у него получалось просто и весело.

Мать давно откладывала нелегкий разговор, заранее заготовленные слова комом стояли в горле. Толя понял ее состояние, начал первым: «Мама, дай честное партийное слово — не плакать, что бы ни случилось со мной».

Ни мать, ни сын не знали, что видятся в последний раз...

30 ноября сорок первого года Толя схватили фашисты, а 16 января сорок второго в Оstashеве шел последний яростный бой. Вечером того же дня врага выбили из села. 17 января Евдокия Степановна вернулась в Оstashево, превращенное в пепелище. Вся ее последующая жизнь связана с родным селом. Оставшись на партийной работе, она крепко помнила о данном сыну слове. Удочерила девочку, вырастила, вывела в люди, а когда Марина вышла замуж, помогла поднять ей сына и dochku, стало быть, своих внуков...

В 42-м, после возвращения из парти-

занского отряда, Шумова ездила по местам массовых расстрелов гитлеровцами советских людей. К сожалению, сына среди погибших опознать не удалось. Бессспорно одно: Толя умер как герой и никого не выдал. Очевидцы подтверждают: на допросах Анатолий держался мужественно, несмотря на пытки, не проронил ни слова.

По инициативе Шумовой останки погибших перенесли в братские могилы. Фамилии высекли на обелисках. Таких обелисков на территории Оstashевского сельского Совета семь. Один из них в центре села, возле музея.

Музей — детище Евдокии Степановны. Фотоматериалы, партизанские газеты и листовки, воспоминания боевых товарищей — все сберегла «старшая» для потомков. Шли годы, следопыты разных поколений приносили в музей найденные в лесу гильзы, снаряды, каски, детали боевых орудий. Экспозиция постоянно пополнялась.

Слава о музее Шумовой дошла до Москвы. О подвиге героя рассказала книга «Толя Шумов». На центральной площади Оstashева появился памятник юным героям-партизанам, погибшим под Москвой в сорок первом: девочка держит на коленях сраженную пулей подружку. Рядом стоит паренек. На мужественных лицах застыли страдание и ненависть, дети полны решимости мстить ненавистному врагу за погибших товарищей. Если девочка — образ собирательный, то в пареньке старожилы узнают Толя Шумова.

Позднее под музей выделили целый дом. Расширилась экспозиция, появились новые залы, рассказывающие о земляках-декабристах, об экономике села, открылись постоянно действующие выставки детского рисунка и картин местных художников-любителей. В дар музею люди приносят дорогие реликвии, связанные с войной, картины, рисунки, поделки, произведения народного творчества.

Пророческими оказались слова Анатолия: «Ты услышишь обо мне, мама». Через тридцать лет после его гибели Евдокия Степановна узнала, что одному из морских судов присвоено имя «Толя Шумов». Моряки- дальневосточники пригласили ее в гости.

— Стала я собираться в дорогу, а врачи возражают: «Куда после инфаркта?» — вспоминает Шумова. — Пришло проявить настойчивость. Дали мне в провожатые учительницу Любовь Романовну Русслеву. Летели мы самолетом с пересадкой. Наконец объявили посадку. Спускаемся по трапу. Боязно — ни одного знакомого в чужом городе. Вдруг подходит ко мне высокий красивый мужчина в штатском, называет по имени-отчеству. Так я познакомилась с Николаем Михайловичем Шевченко, капитаном теплохода «Толя Шумов». Трогательной была встреча с экипажем, которому я передала комсомольский билет сына и урну с землей, поллит его кровью.

Партизанская слава Анатолия Шумова с годами окрепла. Создан музей его памяти в московской школе № 229. Имя юного героя присвоено пионерскому отряду Затобольской школы № 1 Казахстана. О том, что этот отряд — лучший в области, Евдокия Степановна узнала из кустанайской областной газеты. В весенние каникулы ребята побывали в Москве и Оstashеве. И теперь летят из Казахстана в подмосковное село добрые вести: «Летом мы работали в лагере труда и отдыха. Заработанные деньги перечислили в Фонд мира».

Старинное село Оstashево привлекает многих. Едут сюда любители истории и природы, знатоки старины и художники, неутомимые следопыты. Гости стремятся познакомиться с Шумовой. Подробно расспрашивают о войне, о партизанском движении в Подмосковье, о погибших героях. И, конечно, о ее сыне. А она, прощаюсь с гостями — чаще всего это школьники — ласково, но настойчиво напоминает:

— Ребята, встретятся вам в походе братские могилы, не пройдите мимо — остановитесь, положите цветы...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 1 (1383) ЯНВАРЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
лауреат премии
Ленинского комсомола
актриса
Марина Неелова.

Фото
Валерия
ПЛОТНИКОВА.

- 1 «МИР ОТСТОЯЛИ. МИР ЗАЩИТИМ».
- 4 «СУТЬ ЭТОЙ ИСТИНЫ СЧАСТЛИВОЙ».
Стихи Юозаса НЕКРОШЮСА.
- 6 Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. «ИНАЧЕ ПРОСТО НЕЛЬЗЯ».
- 9 Научно-фантастический рассказ Юрия ГЛАЗКОВА
«ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ».
- 11 Конкурс одного стихотворения
«СЛАВЬТЕ, МОЛОТ И СТИХ, ЗЕМЛЮ МОЛОДОСТИ».
- 12 ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ.
«ДЛЯ ЗАНЯТИЙ И ОТДЫХА».
- 14 Письмо молодого рабочего.
«ПОСЕЕШЬ ХАРАКТЕР... ПОЖНЕШЬ СУДЬБУ».
- 16 «ЭРМИТАЖ СО СЛУЖЕБНОГО ВХОДА».
Фotoочек Леонида ПЛЕШАКОВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 22 Новая рубрика «БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ».
- 24 К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ГРИБОЕДОВА.
Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ.
«УМ И ДЕЛА ТВОИ БЕССМЕРТНЫ...».
- 26 Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ.
«ПОЭТ И ПЛОЩАДЬ».
- 27 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 28 К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ.
КОНКУРС «ПОДВИГ И ПАМЯТЬ».
- 29 Повесть Владимира АЛЕКСАНДРОВА «ВИЛЛА В ЛОЗАННЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заме-
ститель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора),
Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный художник),
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантуров. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

Юозас Некрошюс — талантливый представитель среднего поколения литовских поэтов, которое вошло в литературу в 60-е годы. Это поколение выросло на богатых традициях связанных с именами Саломеи Нерис, Теофилиса Тильвитиса, Эдуардаса Межелайтиса. Традиция — большое подспорье в начале пути. Но это поколение уже само многое сделало, чтобы обогатить традицию открыть новые пути для творческого поиска. Увердиться в сознании читателя. Ю. Некрошюс — автор ряда лирических сборников, известный поэт-сатирик.

Юозас
НЕКРОШЮС

СТАСИС КРАСАУСКАС.
БЕССМЕРТИЕ.

Здесь с грохотом ревет волна
На серых дюнах одичалых...
Янтарик подымает малый —
Его таила глубина.

От пены на песке узор —
Под осень Балтика мятежна.
Зачем ты мечешься
безбрежно?

Неужто жертвы лета вздор?

Нет снова лета моего!
Оно в тумане, как легенда...
В одних часах песочных —
лето.

Вокруг же время
в буре волн.

Ты слышишь? — летят птицы.
Не слышишь?

Так слушай, слушай.
Ползут по земле тени,

Чтоб утром

проснулись надежды.

Ты видишь? — растут деревья.

Не видишь? Смотри, смотри же.

Деревья стонут и плачут.

Скрипят, сгибаются под ветром.

Ты чувствуешь? — тихо в мире.

Так чувствуй же это молча!

Услышишь полет птичий,

Увидишь — растут деревья.

В саду
Под сенью старых яблонь
Сидел мой дедушка.
Лежали на коленях
Огромных две руки,
Похожие на сучья,
Что покрыты
Пушистым мхом.

Я так хотел
Погладить эти руки,
Но разбудить их побоялся.
Руки спали,

Чувствуя во сне
Прохладу
рукоятка плуга,

Вспоминали
Струеное кос
Умершей бабушки
И тяжесть топорища.

Литовку,
Что давно скосила
В ромашках белых
за деревенской луг.

Очнулся дедушка,
Хотел пройти по саду,
Как вдруг

почувствовал —
Не в силах сделать шаг...
Вросли ступни,

как корни яблонь,
В землю.
И вот тогда и умер

Мой старик.

«СТЬ ЭТОЙ ИСТИНЫ»

Его перу принадлежат книги стихов для самых маленьких читателей. За книгу стихов для детей «Четыре слова» ему присуждена Государственная премия Литовской ССР. Поззия — это всегда самые сокровенные слова о жизни, о времени, о человеке. Читатель «Смены», я в это верю, почивает в стихах Юозаса Некрошюса светлую, искреннюю ноту веры, надежды, любви к жизни, ко всему, что окружает нас. И тревогу, призывающую к борьбе за мирное небо над головой. Тоже отзвук сложного нашего времени. Уверен: читатель все это почувствует, запомнит и будет ждать новых встреч с поэтом.

Альфонсас МАЛДОНИС

Хлеб

Раннее утро. Время выпечки хлеба.
И в избе царит
Запах аира
и сладко-кислой закваски.
Материнские руки
Гладят каравай,
схожий с земным шаром.
Пылающие угли
отражаются на корке
Костром восходящего солнца.
Испечем хлеб!
Испечем хлеб, такой простой
и такой святой!
Обступают дети
Горячий поскребыш,
Отдергивают
и облизывают пальцы.
И едят с молоком
Этот вкусный и сказочный пряник.
И кажется,
Что сама Мать-Земля,
Отряхивая муку с передника,
Смотрит
На дышащий паром каравай.

Как все отдалилось

Те старые гумна,
Амбар, сеновал,
брюки в праздник с заплаткой,
Чердаки и скворечня,
Телеги
С травою лекарственной сладкой...
Как все отдалилось!
Как будто в бинокль
перевернутый смотришь...
Смешно!
Точно в сказку попал ты:
Гляди, ты за партой!
И как решето,
В дырках крыша над нею,
В которые звезды,
Мечты
И сны детства просиял.

*

Тот белый, белый сад не забываю.
По склонам Вевирше, искрясь, течет.
Кузнец знакомый косы отбывает,
Я помню, как его кларнет поет.
Со склона мягко яблоко упало
И, падая, стучало о порог.
Жизнь не один металл, а нас ковал.
Мы жили на скрещенье трех дорог!
Они нас подхватили, разметали.
Но терпеливо Вевирше текла...
Казалось, гладила тех, что устали,
И врачевала души и тела.

Тихий разговор

Шел я к отцу...
Так на исповедь ходят.
Спросить я хотел,
Попросить совета,
Что же все-таки
С нами будет,
Если растут, возрастают потери?
С могилы скатился малый комочек.
Малый комочек
Птицкою серой.
Свила она гнездышко
Прямо в руте,
Где билось сердце
Родное,
Живое!
В гнезде разевали четыре клюва
Четыре теплых пищащих комочки...
Быть может, они ответили мне?

Приговор

Когда растоптали любовь —
Молчал.
Когда шельмовали правду —
Молчал.
Когда унизили совесть —
Молчал.
И бой ты с честью не принял —
Сбежал.
Так что же ты плачешь и ноешь?

Предчувствие

Не вырыл еще
Ни колодца,
Не вырыл еще ни могилы.
Еще воды
Умирающему не подал
В последний час.
Это еще предстоит...
Несчастье мое и счастье
Еще гуляют по свету.
Еще предстоит мне вырыть
Колодец в горах,
На вершине.
В нем будет вода
Кристальной,
Холодной,
Звенящей,
Мягкой.
И юю смогу угостить я
В дороге уставшего друга.
А что же могила? —
Спросишь.
Ее не хочу рыть я.
Пусть лучше ее
Когда-нибудь
Другие выроют мне.

Пора медосбора

Святая пора медосбора,
Купы лип освящают полдень,
Осеняют страды великие,
Тяжесть зерен в колосе спелом
И пчел над полями.

Отдалились и ливни и грозы.
Высверк молний скрыт горизонтом.
Человек сидит на пороге.
Пред летками роятся пчелы,
И гудит самолет, точно шершень.
А Земля парит во Вселенной!
А женщины грезят о хлебе,
А женщины хлеб замесили!
И падают, падают наземь
Со стуком румянью яблоки.

Братиславские фрагменты

1

Уютный дом глядит на рестораник,—
Тот как бокал хрустальный над Дунаем.
Вот магазинчик Пикассо. Темнеет.
Бородачи колдуют у мольбертов.

Царят любовь под кронами каштанов.
И поцелуи святы, словно в церкви.
И складки юбки грешно задержали
Таинственно спешащую монашку.

Игрушкой детской травмайчик звякнул.
Звонят колокола. Летят голубки.
И ореол святой любви словацкой
Над древней крепостью восходит, светит.

2

Мне было жалко, что я только гость,
Что в чуткую я не проникнул душу.
И жалость светлая вошла в меня.
Вино в тиши подвалов говорило.

Но нежная предчувствия рука
Плеча коснулась. Вздрогнул я. И солнце
Зайчишкой прыгнуло. В твоих глазах
Желанья тайные уже светились.

Не свой еще, но все-таки не гость!
Теперь твоя лоза мне близкой стала.
Словакия! Ты дальняя сестра
Моей страны, увитой чистой рутой.

3

Нас провожали строем тополя.
Доподлинные, не с цветных открыток.
И были пики гор глазам открыты,
Светились, как во мгле ночной маяк.

Отрок! Там Банска-Бистрицы душа,
Словацкое последнее восстание.
Орла подъем над ником неустанен,
Над бытом — тоже. Не могу дышать...

О птица! Что ты судишь в вышине...
Я снова слова не сдержал, влюбился
В страну чужую и душой забылся,
Хотя моей страны прекрасней нет.

Продлить, продлить еще, хоть на мгновенье,
Коснись рукой и заколдуй меня.
И ощути мое сердцебиение,
Потом я скроюсь за границей дня.

Что было? Блик, огонь, на миг сковавший
Переплетение горячих рук,
Когда смешалось вдруг дыханье наше,
Скажи, что было? Счастья тает звук...

Коснись рукою!.. И ступай... Не смею
Позвать... Страшнее смерти зов!
Я — женщина! Живу тобой! Немею...
Достаточно ль мне этого? Нет слов.

1979—1981. Братислава — Вильнюс

СТАСИС КРАСАУСКАС.
ЖЕНЩИНА.

СЧАСТЬЕ ВОЙ

Признание

Пьет земля дожди по всей округе,
Капли в окна до утра стучатся.
Нужные слова нашли друг друга —
Так же, как и ты меня, — случайно.

Хаос фактов в состоянья не был
Смыть с души восторг и изумление:

Ты такая, что к тебе по небу
Мне идти сквозь радуги сплетены.

Человеку — быть в любви счастливым.
Морю — вечно волноваться бурей.
Двое вновь стоят под кленом в ливень,
Словно на классической гравюре.

СТАСИС КРАСАУСКАС.
СОНЕТЫ.

На страже любви и ульев

Врагов иметь не желаю.
Их в бою убивают.
К чему мне дымное небо,
Чужой ломать черного хлеба?
Зачем мне в кого-то целиться,
Когда

травы
в поле
стелятся...

Хочу жить под небом чистым,
Солнечным, мирным, лучистым.
Любви я твоей желаю,
Медовых сот, урожая...
Желаю!

Но, если надо,
Отчизна,
Не пощажу и жизни.
Встану грудью под пули
На страже любви и ульев.

Вот старые
Добрьесказки,
Как лунные ночи, плынут,
Линяную кудель неустанно
Ловкие пальцы прядут.
Проникли
В кровь мне
И в душу
Забытые очень слова.
Внимают им лоси и волки,
Внимают словам тем трава.
Завыли метели
Грозно.

А ведьмы бежали по снегу...
И матери губы шепнули
Тайну минувших времен:
«Сынок,

Ты знаешь, где правда?
Единственная
И живая?

На дне морском
под камнями
Правда твоя...»

Влекут нас
Морские глубины,
И тайна

Нас странная манит,
И хочется нам
постигнуть пророческие слова,
которые сказаны в сказке:

«На дне морском
под камнями
Правда твоя...»

Ожидание

Парус ждет не дождется ветра,
Ждет скворечня на вишне
Скворушки,
Ждет песчаный холм
Желтого гроба...
А зерно,
В земле стосковавшись,
Разродиться решило
Колосом,
Чтобы в нем
Затем умереть.

Люди тоже в своем ожидании
Повторяют судьбу зернышка!

Я чувствую свою вину.
Но кто закон земли изменит?
Ты, одинокая, грустишь
Над яркой астрою осенней.

Кленовым листьям тихо тлеть
И падать вниз. Темнеть, как пепел.
Дубися волны катят вдаль,
Не кану ль в памяти я слепо?

Да, понял, слишком часто я
Цветок и стебель гладил взглядом.
И нежность с нами умерла,
Оставив только грусть в награду.

Мгновенье

Мне от себя не убежать...
Суть этой истины счастливой
Путь сократит. Ускорит шаг
В край,
Где цветенье белых лиллий,
Где у озер, у ясных зорь
Тропе под солнцем золотая
Направит к правде жизни взор,
И ты поймешь, в чем суть земная.
Мгновенье... Длится тишина...
Багряный шар глубины скрыли.
Мысль серебром коснулась дна
За выскерком упругой рыбы.
Я об одном молить могу,
Природа! В этот миг продленный
Позволь встать деревом зеленым
В тиши, на росном берегу.

Авторизованный перевод
с литовского
Юрия КОБРИНА

ИНАЧЕ ПРОСТО НЕ БЫТЬ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

В ОБСУЖДЕНИИ
СТАТЕЙ
Л. ЖУХОВИЦКОГО
ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ
546 ЧИТАТЕЛЕЙ
«СМЕНЫ».

Когда печатается спорная статья, часто получается, что последнюю ее часть пишут на равных автор и читатель. С моими заметками «Помогите высокой девушке!», «Случай или судьба?», «Неожиданные парадоксы», «Мы выбираем, нас выбирают...» вышло именно так. Журнал опубликовал лишь начало, а уже пошли письма. Их было много, сотни. Читатели соглашались со мной, спорили, просили помочь, предлагали помочь, рассказывали о пережитом, искали выход для себя, но гораздо чаще — для всех.

Поначалу я думал, что не скоро вернусь к теме: казалось, все, что знаю об одиночестве, я уже сказал. Однако письма, телефонные звонки, разговоры со знакомыми и незнакомыми обнажали в проблеме все новые болевые точки. С необходимой полнотой проанализировать почту я вряд ли смогу: тут не обойтись без демографа, социолога, психолога. Но попытаюсь дать о ней хотя бы достаточно ясное представление.

«ЗА» И «ПРОТИВ»

«Автор статьи по-мужски разнес нас, женщин, а мы по-женски распекем его. Меня такие статьи вообще возмущают. Раньше за честь женщины на дуэлях дрались, а теперь носятся с девизом «Берегите мужчин». Девичья гордость не в счет, женская честь не в счет...

Я хочу сказать, что пора снять вопрос одиночества с поля зрения. Нет такой проблемы! Если не выходит замуж, значит, нет того, что надо. А лишь бы выйти... Да любая старая дева этот номер может проделать без труда.

Скажу о себе. Замуж вышла потому, что надоело отвечать на вопросы, короче, из-за общественного мнения. Уговорили на месяц, вот уже 14 лет мучаюсь. И очень завидую старым девам: они не живут от получки до аванса, не пересчитывают каждый день рубли и копейки, что хотят, то и покупают. И временем располагают, как хотят.

Вот так-то!

Н. Л., Нижнеангарск.

«Прочитала ваши последние статьи и подумала, что теперь, пожалуй, действительно не в жены берут, как раньше, — берут в мужья. И самые лучшие достаются далеко не всегда самым достойным и уже точно не самыми красивыми, а самыми предпринимчивыми. Вот этого некоторые красавицы, избалованные вниманием мужчин, понять не могут.

В прежние времена красивые женщины имели преимущество без всяких усилий со своей стороны. Вот и теперь наши красавицы сидят по старинке и ждут, когда прилетят Соколы и их вне очереди выберут. А их менее красивые и менее самоуверенные подруги, долго не раздумывая, отправляются на поиски Сокола сами. Время идет, Соколы не летят, и обеспокоенные этим обстоятельством красавицы начинают писать письма Л. Жуховицкому, жалуясь на несправедливость судьбы.

Да, сегодня ни красота, ни другие достоинства не гарантируют личного счастья, если активно это счастье не искать.

Пишу так потому, что сама я из «спящих красавиц», и, если бы не ваши статьи и еще фильм «Время желаний», наверное, никогда бы все это не поняла или поняла бы слишком поздно. Спасибо вам, что помогли проснуться!

Валентина, Ленинград».

«Вы призываете рожать детей вне брака. А от кого? От чужих мужей? И к чему хорошему это приведет? Дети без отцов глубоко несчастны. А главное, подобного рода женщины подрывают чужую семью, а свою все равно не создают. В результате получается плохо не только им, но и другим. Так что, как ни крутите, а осуждают их справедливо: на чужом несчастье счастья не

построишь. И нужно совсем не то, что вы предлагаете, а совсем наоборот — научить одиноких женщин достойному поведению...

Пилюхина, Новосибирск».

«Мне двадцать два года. Замужем два года. Вы знаете, моя мама решилась родить меня, когда ей было двадцать четыре года, а в жизни у нее никаких перемен не предвиделось. Конечно, трудно ей было ходить на глазах у всего нашего города. Те, кто оказались удачливее и вышли замуж, с удовольствием показывали на нее пальцем, злословили и в общем-то изрядно постарались. Ну, конечно, они замужем, а тут... Но я живу! И я бесконечно благодарна маме за то, что не испугалась, мужественно все перенесла. Страшно представить: поддайся она ганжам, и меня могло бы и не быть...

С уважением, Наталья К.,
Целиноградская обл.,
г. Алексеевка».

НЕ ХОЧУ ТЕБЯ УЧИТЬ...

Порой лучший совет — просто рассказ о собственной жизни. В почте много таких исповедей. Некоторые из них обращены прямо к высокой девушке или медсестре Наде, чьи письма цитировались в моих заметках. Люди делятся прожитым и выстраданным, за строчками — судьбы...

«Здравствуй, Надя из Саратова! Я не хочу тебя учить, просто расскажу немного о себе. Я моложе тебя на два года, но старше на восемь лет — ровно столько я замужем. Итак, о моем Соколе.

Познакомились на комсомольской стройке, на работе — в автобусе он бы не решился подойти. До заявления в загс были на «вы». Красив. Не пьет. Любит вальс. В книгах и кинофильмах между нами расхождения нет. Свою страсть берег до тех пор, пока не прозвучал вальс Мендельсона. Родные не знали, что же это было.

Хорошо? Позавидовала? Можешь взять себе. А я буду искать нахала в автобусе.

Его скромность у меня в печенках. Он живет с нами, но его нет. Боится что-нибудь решить — вдруг не так. Боится что-нибудь сдеть — вдруг мне не понравится. О его зарплате не пишу, чтобы не рассмеять читателей. Нет, он не ленив, но за что ни возьмется, только испортит. Сейчас уже ни о чем и не прошу. Побелить, покрасить, прибить, прочистить канализацию — все сама. Здорово? Чем не марафон? Бежим. С дочкой уже. Она молодец. Моя опора, ведь ей уже шесть. Без нее было бы труднее...

В верности его я не сомневаюсь. Но иногда приходят сомнения: а кто из нас замужем? Так хочется иногда положить голову на сильное плечо, услышать успокаивающее слово, почувствовать себя слабой. Скажешь: а как же любовь? Не знаю. Была. Точно, была. С цветами и клятвами. Была любовь, но, как осенний лист, желтела, желтела да и улетела по ветру. Где ее искать? Да и зачем? Чтобы в книгу заложить?

Ну, как, будешь брат? Алиментов не потребую, не бойся. Посоветуй только, где взять нахала из автобуса, пусть будет маленький, лысый, заикается, лишь бы, как в народе говорят, «за мужской спиной, как за каменной стеной». Пусть спина не широкая, я не собираюсь прятаться, встану рядом. Две маленьких спины рядом всегда больше одной широкой.

Вот и все. Некогда больше писать, на кухне белье закипело. Младшему нужно велосипед починить. Марафон продолжается...

Галина, Новгород».

«Дорогая высокая девушка! Пишу тебе, потому что я тоже высокая девушка, мой рост 176. Мне всего девятнадцать, но я, как и ты, боюсь одино-

чества. Верней, боялась. Год назад я полюбила. Мне очень трудно, потому что я пошла наперекор родным, наперекор нашим обычаям. Но я счастлива уже потому, что мой любимый человек живет на земле.

Послушай свою младшую советчицу: полюби. Пусть безответно, пусть безнадежно, но одиночной ты больше не будешь...

Р. Н., Тбилиси».

«Мой нелеткий опыт подсказывает, в чем сейчас беда многих и семейных и одиноких. Старого стереотипа поведения (парню можно то-то, девушка должна... женщина предписано...) больше нет, а новый не установлен. Вот и не знают, чего друг от друга ждать. Женщина должна поддерживать уют, а она к этому не готова, не умеет и не хочет, раз разны, значит, все пополам. В то же время знает, что мужчина — опора, добычка. А в чем конкретно это должно выражаться, не знают ни он, ни она. Отсюда семейные конфликты: никак не поделят обязанности...

Никитина, Москва».

«Мне тоже 27 лет. Не замужем. Но вот одинокой себя не считаю и никогда по этому поводу не страдала. Может, потому, что несколько раз должна была выйти замуж, но отказывалась сама. До 23 лет не была готова брать на себя семейные нагрузки, потом решила, что все смогу: стирать, варить, бегать по магазинам и т. д. Но тут поняла, что друг мой, как это ни печально, взвалил на себя семейные будни совершенно не готов. И вообще увидела много причин, которые быстро приведут к разладу или разводу... Подруги до сих пор говорят: какого парня упустила! А я ни о чем не жалею. Только противно, что до сих пор существует «гонение на одиноких», хотя и в современной аранжировке.

Ольга К., Чимкент».

«Милые женщины с высшим образованием, где вам набрать мужчин, которых вы хотите? Подай вам Иван-царевичей. А куда же девать Иванушку-дурдуряков? Вы слишком высоко сидите в своих замках. А многие мужчины хотят просто любить жену, женщину, а не выполнять ваши условия...

Я в 18 лет вышла замуж, в 25 осталась вдовой. Много лет жила одна. Но встретила человека на 6 лет моложе. Все было, хорошее и плохое, изменял, но, что же делать. Не вешалась, под поезд не бросалась. Зачем помнить только плохое, ведь было и хорошее: на рыбалку вместе, книги читаем вместе, телевизор, кино, кроссворды, даже готовили иногда вместе. Сейчас у него беда, осудили на два года. Так я не ищу, кто получше, а, наоборот, поддерживаю его, пишу, чтобы не отчаялся, и жду его, как должна ждать любая любящая женщина. Я для него была, есть и буду женой, матерью, сестрой и другом.

Нестеренко Любя».

Простую и, мне кажется, очень мудрую мысль высказала молодая писательница Наталья Стремитина. Она утверждает: семья прочна лишь в том случае, когда человека уважают дома больше, чем вне его.

Справедлива эта формула? На мой взгляд, полностью. Если человека в семье уважают, он торопится домой, чтобы среди близких, понимающих людей отдохнуть от жизненных сложностей и противоречий. Если же дома приходится вести изнурительную борьбу за собственное достоинство, человек рвется из дома — куда угодно, хоть в ту случайную компанию из пивного ларька, где на традиционный вопрос — ты меня уважаешь? — гарантирован положительный ответ.

Уважение к человеку не может заменить ничто, даже любовь.

Но ведь, пожалуй, очень сильное лекарство против одиночества лежит где-то рядом с формулой, предложенной Натальей Стремитиной.

Ведь нередко, пока весьма симпатичная девушка пытается вычислить, где кончается гордость и начинается унижение, молодые люди осаждают ее невзначай подругу — с ней, дескать, интересно поговорить, она умна. Хотя ума ей природа отпустила самую обычную мерку. Просто умеет слушать. Просто честно пытается понять собеседника. Просто принимает его проблемы близко к сердцу. Что в совокупности, вероятно, мы и называем уважением.

Человек, умеющий уважать других, крайне редко бывает одиноким...

САМА Я НИКОГДА НЕ ВЫБЕРУСЬ

...Три года назад мой единственный стал чужим мужем. Я хотела умереть, но, как видите, живу до сих пор. Несколько раз ходила к невропатологу. Но разве здесь лекарства помогут?

Работа у меня хорошая — со школьниками. А меня с моим настроением к ним и близко подпускает нельзя. Сами посудите: как может человек воспитывать, учить, если сам в своей жизни разобраться не может?

А в свободное время — одиночество. Вот уже второй год я живу и работаю в городе Сургуте. Не случайно выбрала этот город. Здесь средний возраст жителей равен моему (26). Думала, встречу здесь человека, которому буду нужна. Но для меня это оказалось невозможным. У меня сложилось такое количество комплексов, что сама я никогда не выберусь из своего одиночества. Вот и прошу вас помочь — смех сквозь слезы...

Очень типичное письмо.

Кстати, «комплексы» бывают не только у женщин. «...Прочитал вашу статью. Все вроде верно. А вот моя судьба не клеится с вашими выводами. Женщин много, а я один. Все очень просто: не нравлюсь. Как же быть? Унижаться? Не умею, да и не поможет. Каяться в чем-то? Нет причин. Гордиться? Нет привычки. Требовать? У кого? Живу в общежитии. Сейчас мне тридцать лет, потом будет сорок. Какая разница?

Я спрашивал многих моих одноклассников: почему вы холосты? Ведь у вас есть и тело, и душа, и деньги. Ответ один: не хотим. А я не верю этому, потому что знаю: не нравятся они женщинам. Они все хотят семью, но никуда не ходят, все вечера в общежитии. Одеть не по моде, не умеют зубы заговаривать, а главное — нет уверенности. Нет уверенности, и это главное...

Это пишет Виталий из Перми.

Ну, а в самом деле — как человеку избавиться от «комплексов»: тоски, неуверенности, привычки к неудачам? Ведь, строго говоря, неуверенность в себе — психологическая болезнь. Кто и как может ее вылечить?

Боюсь показаться неисправимым оптимистом, но уверен, что во множестве случаев неуверенность и неудачливость лечатся, порой даже легко. Лечатся элементарной, пусть даже маленькой удачей.

Как-то мне пришлось быть свидетелем и даже участником неожиданного эксперимента. Ко мне зашел приятель с племянником. Племянник, восемнадцатилетний студент, прекрасно учился, был неглуп и вполне симпатичен. Но, как случайно выяснилось в разговоре, ни разу в жизни не знакомился с девушкой. Почему? А не умеет. Не умеет, и все.

Возмущенные этим обстоятельством, мы с приятелем решили переломить судьбу тут же, на месте. Разработали программу, состоящую из нескольких фраз с последующими вариантами. Наши генеральную идею: племянник неплохо фотографировал и аппарат имел при себе. Короче, наш студент, вишнево-красный, подошел к двум проходившим девушкам и отчаянно, словно ложась на амбразуру, попросил разрешения их сфотографировать.

Первая попытка удачи не принесла: девушки отвернулись незапланированно, студент заморгал мертвым и молчал, пока девушки не ушли. Мы с приятелем учли опыт и внесли изменения в программу. Так повторялось несколько раз. Парень, чувствуя спиной нашу поддержку, заговаривал все уверенней. Не стану утверждать, что с первого урока он стал кавалером хоть куда. Но главное усвоил: что девушки тоже люди, что заговаривать с ними можно и что попытка познакомиться непосредственной опасности несет.

Не сравниваю проблему скромного первокурсника с глухим одиночеством тридцатилетней женщины. Но, может, и ей нужен не столько совет, сколько конкретная помощь, своеобразный «курс лечения», нужно, чтобы кто-то держал за руку или, стоя за плечами, азартно верил в ее успех?

Короче, нужна психологическая помощь. Нужно прийти в клуб не одной, а с кем-то, и на вечеринку с кем-то, и даже по улице вечером пройтись с кем-то. Приним этот кто-то должен быть умным, веселым и компанейским. Да еще и неплохим психологом.

Но где взять этого «кого-то»?

Обычно берут. Для замкнутой девушки находится приятель подруги, для робкого парня — подруга сестры и т. п. В массе своей люди добры, на чужую беду отзыvчивы и при необходимости охотно друг друга «раскомплексовывают». Подчеркиваю: речь идет не о «романе», а просто о психологической помощи.

Ну, а как быть, если нет подруги и нет сестры? Если человек — новичок в чужом городе или глухо одинок в своем? Или загнан неудачами в такое состояние, что никого из знакомых видеть не хочется?

Думаю, хотя бы в перспективе нужна не только психологическая консультация, но и вот такая практическая помощь, ведь и в больницах врачи лечение назначают, а выхаживают человека медсестры. Однако, чтобы перспектива эта состоялась, хорошо бы уже сегодня провести реальный эксперимент, во всяком случае, для студентов факультета психологии лучшей практики я представить себе не могу...

КТО ПОЗНАКОМИТ?

Множество писем о службе знакомств. О том, как ее усовершенствовать. И в большинстве своем письма эти глубоко личные, ведь люди стремятся улучшить службу знакомств, чтобы улучшить собственную судьбу.

«...Я одета, обута, за шею не капает, хлеба вволю, но живу так, что медленно умираю. Мне часто кажется, что я где-то потеряла все краски видения мира, у всех мир цветной, а у меня черно-белый. Чем дальше в лес, тем больше дров, а тут в кино сходить, и то не с кем...

В.Н.

«Не так-то много и надо: один-единственный родной человек. Но где его взять? Вот вопрос века!

Р. Гаврилова».

Есть вполне конкретные идеи. Скажем, такая.

«На основе многолетних наблюдений за прессой по данному вопросу я полагаю, что ничего нового предложено не будет. Единственный практический выход — на мой взгляд, будет создание всесоюзной брачной газеты. Так у людей появится хоть какая-то надежда на реальное осуществление их планов. Пусть лучше синица в руках...

Инга, Москва».

Вот письмо совсем уж резкое — на этот раз негодует и предлагает читатель-мужчина.

«Наши журналы и газеты чуть ли не высмеивают службу знакомств, особенно с подключением к этому делу ЭВМ. Это — преступление! Если бы ЭВМ подключили к службе знакомств в 1974 году, то сейчас, в 1984 году, в стране о разводах уже давно бы забыли.

Необходимо срочно, не теряя ни минуты, исправить эту ошибку. Ученые разработают 1000 вопросов для карточек ЭВМ, и любой гражданин нашей страны сможет купить эту карточку в любом газетном киоске. А потом, заполнив, почтой направит ее в общесоюзную службу знакомств. Так, с помощью электроники, познакомятся психологически и морально совместимые ОН и ОНА.

Прекратите это журналистское захвастство! Да здравствует ЭВМ на службе знакомств! Это принесет неоцененную пользу обществу: не будет одиноких, не будет разводов, квартирных разменов и т. д.

Почему это не сделано до сих пор?

Р.Б., геолог, Кишинев».

А вот письмо на эту же тему, не столь эмоциональное, но более конкретное. Автор его — математик-прикладник, представитель профессии, прямо причастной к проблеме.

«Наилучшим способом организации службы знакомства является создание региональных информационно-поисковых систем на базе ЭВМ, или, как их называют, «электронных свах». Мне кажется, что время, когда над «электронной свахой» потешались неграмотные юмористы, уже миновало. Разве ситуация, когда обратившийся в службу знакомства человек получит два-три адреса готовых к контактам потенциальных партнеров, в наибольшей степени отвечающих его требованиям, более белата, чем если он получит две-три сотни писем от «приятных блондинок» (или соответственно от «не злоупотреблявших алкоголем брюнетов»)?

Лучшим критерием оценки способов решения любой проблемы является, как известно, практика. По-моему, не так уж трудно будет найти группу энтузиастов, пусть даже на общественных началах. Предлагаю свой город и свое участие.

Старший научный сотрудник
Уфимского авиационного института
В. М. Богорад».

Это последнее предложение мне кажется вполне деловым и приемлемым. Впрочем, гораздо важней, чтобы оно показалось приемлемым горсовету Уфы или любого иного города. Не сомневаюсь: рано или поздно такой эксперимент будет проведен, и чем раньше мы его начнем, тем быстрее получим результат. И если даже не решим проблему, то приобретем необходимый опыт.

При этом чрезмерные надежды питать не стоит. Машина, возможно, облегчит знакомство, но все наши беды рычагами не разведут. Даже вполне качественных претендентов электроника вряд ли безошибочно разобьет на идеальные пары.

В нашей печати уже писали об эксперименте, проведенном в Англии. Там ЭВМ подобрала двух молодых людей, у которых совпали, как говорится, все углы и впадины. Причем фирма, владевшая машиной, не поспешила на рекламу: электронным жениху и невесте оплатили совместное путешествие на континент, в Париж. Через месяц молодые люди вернулись и вполне дружелюбно разошлись по сторонам. Оторопевшим журналистам девушка сказала: «Майкл — прекрасный парень, но что делать, если я его совершила не люблю».

Чтобы «электронная сваха» реально вошла в жизнь, не нужно ее переоценивать. От разводов она не застрахует никогда. Счастья не гарантирует. Пусть знакомит — и на том спасибо.

Кстати, ряд читателей упрекнул меня в недооценке службы знакомств — дескать, иронизируя над вечеринками «за тридцать» и газетными объявлениями, я лишаю людей надежды. Но я вовсе не против службы и тем более надежд. Я против иллюзий. Против того, например, чтобы миллионы одиноких мечтали, как о панацеи, о всесоюзном брачном еженедельнике. Ну, сколько объявлений напечатает он в номере? Сто? Двести? Но и в этом случае на публикацию уйдет ровно пять тысяч недель — добрая сотня лет. А ведь одиноких-то не миллион и не десять — больше, куда больше.

Да и сколько лет уйдет на создание и обучение «электронных свах», на организацию «брачных газет»?

Может, поискать такую форму знакомств, чтобы и польза была более реальной, и отдача побыстрей?

НЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ — ПИСЬМО?

В своих заметках я процитировал несколько писем. В том числе от «высокой девушки» и от Нади из Саратова. Девушки разные, письма разные, и комментировал их я по-разному. Но и к той, и к другой полетели десятки, сотни писем.

Передать их адресатам, к сожалению, нельзя — нет адресов, и об этом я уже писал. Но авторов писем это не останавливает. Особенно мужчин. У мужчин, почти всех, вполне практическая цель: хочу познакомиться!

Надя ждет Сокола. Так вот, Соколов налетела

целая стая. Некоторые так прямо и пишут: отзовись, я есть твой Сокол. Минусы Надиного характера их не смущают — она им нужна такая, какая есть.

У «высокой девушки» появилось множество заочных поклонников. Среди них есть очень решительные. Такие, как, например, Сергей из Воткинска:

«Прошу вас, узнайте адрес «высокой девушки». Или напечатайте мое письмо — возможно, она откликается. Конечно, у вас будет полно писем. Но понимаете, вы спасете две судьбы, ее и мою. Если через вас я не познакомлюсь с «высокой девушкой», то придется найти ее самому. Это будет трудно, но надеюсь, что найду. Только на это нужно много времени. А я боюсь опоздать. Прошу вас, помогите мне, и, возможно, вы поможете ей».

Буду рад, если «высокая девушка» отзовется на этот призыв Сергея. Она, кстати, отозвалась на мою первую статью, прислав в редакцию письмо с фотографией. Из него я знаю, что живет Оля в Ульяновске и что она, судя по фотографии, очень даже симпатичная девушка. Письмо Сергея я процитировал не только потому, что хоть и не очень, но все же надеюсь на благополучный результат. Просто вся эта ситуация подсказывает еще одну форму службы знакомств.

Почему сотни людей пишут незнакомой девушке письма не просто эмоциональные, но порой и очень серьезные, проникнутые пониманием, сочувствием и горячим желанием помочь? По разным причинам, но прежде всего потому, что девушка эта не такая уж незнакомая. Ее знают неплохо — по письму.

Письмо не объявление в газете. В письме ведь не просто рост да возраст — еще и интонация, и характер, и боль, и надежда. Словом, все то, что в старину называлось, да и сейчас называется красивым словом «душа». А человек, чья душа открылась, нам уже не чужой.

Если бы вечерние газеты публиковали в приложениях не объявления, а письма, результат, возможно, был бы иной. К сожалению, это невозможно. Газетная площадь стоит дорого, «пропускная способность» мала. Человеческой душе не пробиться на газетную полосу сквозь толпу себе подобных. Но возможен, мне кажется, иной, весьма похожий, вариант.

Не так давно зашел с приятелем по его делам в городское бюро обмена. И пока приятель обходил нужные комнаты и искал нужные столы, я бродил по асфальтированному дворику. Дворик невелик, но по нему вполне можно бродить. Можно и заблудиться. Ибо весь он перегорожен щитами Мосгорсправки. Десятки, сотни, тысячи объявлений. Меняю, меняю варианты.

А теперь представьте: в парке, в скверике, во дворе Дома культуры стоят вот такие же щиты, только вместо объявлений об обмене — письма. Без конкретного адреса — тому, кто прочтет. Любой содержания. С любым предложением. С любой просьбой. Не нужно годами ждать публикации. Не нужно ужиматься до пяти строк. Бумажный лист на щите достаточно просторен, чтобы хоть краешком приткнутьась живая человеческая душа.

Реальное дело?

Мне кажется, вполне. Не предвижу никаких существенных возражений. В конце концов горсправке совершенно безразлично, за какое объявление взимать свои три рубля.

Думаю, такие «скверы знакомств» можно без особых хлопот организовать в любом областном городе. И не нужна долгая подготовка: активисты любого клуба «за тридцать» управляются за одно воскресенье.

Вероятно, и таким путем проблему не решишь. Но, быть может, у одиноких людей появится еще одна отдушина.

О ПУДЕ СОЛИ

«Чему верить?» — спрашивает женщина, перенесшая тяжелую психологическую травму.

Историю эту позволю себе хоть коротко, но пересказать.

Год назад одинокая тридцатилетняя женщина дала объявление через «Службу семьи» — есть такая в одном из приволжских городов. Получила довольно много посланий, ни одно не заинтересовало. А через месяц пришло запоздавшее письмо, которое потрясло. Писал заключенный, врач-хирург, отбывающий наказание. Завязалась переписка, которая для обоих «была больше, чем хлеб» (ее слова). В его письмах были и стихи, женщина их процитировала. Хорошие стихи.

Потом приговор пересмотрели, и состоялась встреча, о которой он писал в последнем письме: «Жду с нетерпением не освобождения, а встречи с тобой». Состоялась встреча, а вскоре после нее разрыв. Ибо женщина представляла мужчину не таким. Он оказался жестче, грубей, в чем-то даже циничней. К тому же выяснилось, что на воле его ждала еще одна «заочница», с которой он тоже переписывался. К этой второй и ушел.

Моя жизнь не была сладкой, — пишет автор письма, — было все. А тающей беды не было. Не справиться мне с ней. Дело ведь не в том, что я не стала женой. Дело в другом — я обмана такого не переживала. В грязь втоптана моя вера, мои идеалы, душа моя. И ведь не сумасшедший это сделал, не убийца с большой дороги, а человек близкий, которому я подставила плечо для опоры в трудную минуту. Не жалею об этом, но мне-то как жить?

Утешить в такой ситуации трудно. Единственное, что остается, — проанализировать происшедшее, извлечь какой-то урок.

Вероятно, во многом виноват мужчина. Вероятно, в чем-то виновата женщина. Но есть, мне кажется, еще и третий виновник — сам способ знакомства, верней,

даже не знакомства (тут любой хорош), а узнавания друг друга.

«Чему верить?» — спрашивает женщина. Отвечу. Соли! Соли в больших количествах, съеденной вместе. Вот наберется пуд — тогда дело ворное.

Люди полгода переписывались. В письме душа человека приоткрывается, у него немало прочих достоинств, но есть и существенный недостаток: при переписке соли вместе не едят.

А теперь представьте себе человека в заключении. Барак, телогрейка, тоска и отчаяние. Связи с нормальной жизнью на девяносто процентов порваны, будущая свобода не только манит, но и страшит: как там встретят? И в письмо «туда» вкладывается столько вдохновения и надежды, что оно не может не тронуть. А письмо «оттуда», да еще от незнакомой женщины, гигантски вырастает в масштабе. Человек в телогрейке всю душу вкладывает в переписку, а во что еще ее вложить?

Кстати, будь его письмо попроще, посложней и пореалистичней, оно, вероятно, осталось бы в груде «незанимировавших». Вообще при знакомстве по переписке надо это учить: каждый стремится другого заинтересовать. Не обмануть — только заинтересовать. Но реальность при этом несколько приурочивается, чаще всего невольно. Ведь не секрет, что большинство людей присуща склонность к себе: других судим по поступкам, себя — по намерениям.

Но вот приговор пересмотрен, человек на свободе. И письма постепенно приобретают свой реальный масштаб. Женщина представляла мужчину не таким. Но ведь и он ее представлял не такой. Человеку вообще трудно совпасть с письмом, особенно прочитанным пристрастными глазами. Письмо не имеет неприятных привычек, не раздражает интонацией, не цепляется к мелочам, не ссорится без повода, не нуждается в деньгах, не грубит и не предъявляет неожиданных претензий. Письмо, наконец, не противоречит нашему воображению — как хотим, так и представляем.

Не столько нас обманывают, сколько мы себя...

Ну, а переписка сразу с двумя?

Увы, и это объясняется достаточно просто.

Прочел объявление, послал письмо. Что это — акт любви или хотя бы дружбы? Да ничего подобного! Человек предлагает свой вариант. Дождется ли ответа, не знает. Возникнет ли взаимная или хотя бы односторонняя симпатия, не знает. Пока узнает, пройдет как минимум несколько месяцев. Вот человек на всякий случай и подыскивает, как при обмене жилплощади, запасной вариант. А порой даже несколько. Ведь ему никто гарантий не дает. Он чувствует себя внутренне свободным.

Конечно, в процессе переписки между адресатами постепенно завязываются какие-то отношения, порой очень близкие. Но ведь и в параллельном варианте что-то развивается...

Да, любое знакомство хорошо. По объявлению, по письму, в дискотеке, в автобусе, просто на улице. Но знакомство — это всего лишь знакомство. Узнавание — оно впереди.

Пуд соли, к сожалению, ничем не заменишь...

Меньше всего хочу обвинять в неискренности тех, кого собственная вина и стечения обстоятельств лишили святого права на свободу. Уж если кто возлагает на переписку максимум надежд, так это они. Повторяю, конечный результат никто не гарантирует, но сомневаться в серьезности первоначальных намерений в большинстве случаев оснований нет.

Таких писем в почте порядочно. Авторы их в основном смотрят на свое будущее с надеждой и готовы строить новую жизнь с фундамента кропотливым многодневным трудом. Вот отрывок из очень характерного письма:

... Мне сорок лет. За плечами несколько судействий. С прошлым покончено бесповоротно. «Друзей» по прежней жизни для меня не существует. Но как подумаю о том, что через год я окунусь в нормальное общество, появляется какая-то неуверенность и даже больше — боязнь.

Я отчетливо осознаю, что по ту сторону забора меня не ждут с распростертыми объятиями. Нужно будет заново утверждать себя среди людей, что потребует немало усилий, как физических, так и духовных. Тут-то и нужна будет рука надежного друга.

Если бы вы знали, как мне хочется человеческой жизни! Хочется заботиться о ком-то, хочется дать счастье человеку, такому же одиночку, как я. Все продумав и взвесив, уверен: я такое счастье могу дать...

В. Т. Семенов,
Архангельская обл.

Оценку этого письма оставляю читателям.

КУДА ПОЙДЕШЬ ЖАЛОВАТЬСЯ?

Никакой общий порядок, будь то закон или мораль, не может учить всего многообразия человеческих натур и судеб. И потому попытка безоговорочно всех подогнать под единый шаблон — дело не только жестокое, но даже подлое. Десятки, сотни, тысячи людей живут не как все не потому, что стремятся выделиться, а потому, что иначе не могут.

Вот несколько писем этих поневоле особенных людей (фамилии, естественно, не назову).

... «Ваша статья для меня лично не просто бальзам на душу. Меня буквально добивала фраза людей: «Еще не заскисла?» Мне уже тридцать лет, холост, что такое девушка или женщина, не знаю. Никогда не хотелось семьяниной жизни. Не пью, не

курю, просто работаю себе потихоньку да живу один. У меня, видимо, какой-то дефект или расстройство, понял это еще в шестнадцать лет, с тех пор так и живу. Куда пойдешь жаловаться? К участковому врачу? Чтобы записал все это в историю болезни, а потом ветром разнесло? Лучше сразу умреть, чем быть опознанным какавки. Уж я-то знаю, что такое длинный язык!

Женатый я не завидую, вижу, как многие живут. Ну, почему я должен следовать их примеру? У меня ведь, наверное, еще хуже было бы».

... Я сама из тех, у кого не складывается личная жизнь. Мне 28, но тревогу я забыла уже давненько, года в 22 и даже раньше, я уже тогда чувствовала, что не пользуюсь успехом. Не то чтобы мне очень хотелось замуж — нет. Просто хотела хоть немного нравиться.

Образование, внешность, характер — все у меня нормальное. Могу быть и веселой, и компанейской. Но что толку? Насколько себя помню, меня никто даже не приглашал танцевать, не говоря уже об ином.

Подсчитывать свои достоинства и недостатки бесполезно, ведь все это узнается лишь в общении или хотя бы при поверхностном знакомстве, а у меня до этого не доходит: антипатии или равнодушные люди проявляются сразу, при первой же встрече.

Вот недавно ездила по туристской путевке на юг. Мы всей группой пошли в ресторан. Нас было 14 девчонок и 6 парней, а там было много местных мужчин (кроме нас, в ресторане женщин не было). Все было очень прилично, вечер мне понравился. Но вернувшись я из ресторана в убийственном настроении. Дело в том, что из 14 девушек отпала только одна за весь вечер никто не пригласил танцевать.

В чем причина моей беды, разгадать не могу...

... Высокой девушке плохо, потому что у нее нет мужа. Мне еще хуже, потому что мне не нужен муж. Нет, я не «старая дева», через силу поставила над собой несколько экспериментов. Но, кроме отвращения, ничего...

Как каждому, мне тоже нужен друг, нужен близкий человек. Но не муж. Как жить дальше? Кто даст мне совет? Рассказала обо всем подруге, но результат получился только один: она стала смотреть на меня с жалостью.

До чего же ужасно быть не такой, как все!

... Мне сейчас 25, я инвалид: шесть лет назад получил тяжелую черепно-мозговую травму. Врачи мне жизнь спасли, но, кажется, зря они это сделали. Три с лишним года я дружил с девушкой, мы любили друг друга, она обещала ждать меня. Но... домой я вернулся в день ее свадьбы. Я ее очень любил. А что теперь? Как жить и зачем жить?

В почте много писем подобного рода. Впрочем, «подобного рода» — неточность. В том-то и сложность, что у этих бед никакого единого «рода» нет и скопом их не решишь: каждая незадача сугубо индивидуальна. Однако нечто объединяющее у авторов писем все же есть: все они честно работают, то есть по мере своих сил заботятся (или заботились) об обществе. И справедливо будет, если общество как-то позаботится о них.

Есть ли такая возможность? Мне кажется, в принципе есть.

Что надо? Как минимум какое-то место, куда могли бы прийти и пожаловаться те, кому некуда идти жаловаться. Что-то вроде «Бюро судеб».

Звучит непривычно и даже нелепо: разве может таким тонким делом, как человеческая судьба, заниматься какое-то бюро? Тем не менее я утверждаю, что может, ибо подобные бюро существуют, работают и даже имеют многовековую историю. Правда, пока конторы эти немноголюдны: в каждой, как правило, служит один человек.

Замечательное бюро судеб в течение нескольких десятилетий работало в Тульской губернии, в Ясной Поляне: люди приходили к Толстому, и Лев Николаевич почти каждому так или иначе помогал. Почитайте письма Тургенева, Чехова, Горького — вот уж были специалисты высочайшего класса!

Конечно, гениальных писателей на всех не хватит — не так их много на земле. Но в трудной этой работе можно обойтись и без великих людей. Кстати, и обходимся: едва ли не в каждом квартале найдется умный, опытный и добрый человек, к которому люди идут со своими нешаблонными напастями и который обладает редким умением разводить руками чужую беду. Иногда это старая учительница, иногда молодой врач, или пенсионер с заслугами, или вахтерша без заслуг, но с добрым сердцем, или студентка, переполненная любовью к человечеству. И ведь помогают — разными путями, но помогают! Ибо человеку не всегда нужно нечто материально-конкретное, порой хватает сознания, что кто-то понимает и разделяет твою боль, что не один на свете, что всегда есть телефон, по которому можно позвонить.

«Специалистов по судьбам» у нас порядочно, но где их в случае необходимости искать? Нет такого адреса...

У нас уже появились психологические консультации. Может, при одной из них и прошло бы экспериментальную проверку такое вот «бюро судеб» на общественных началах?

И в этом случае речь идет о проблеме, до которой сегодня руки не дошли, но когда-нибудь дойдут непременно. И опыт надо копить загодя.

Но вот что можно и нужно сделать уже сегодня — это перестать тиранической нормой

людей, отклонившихся от нормы. Живут по-своему? И пусть живут. Их жизнь. Их дело. А помогать будем, когда попросят о помощи.

Не раньше.

ЧЕЛОВЕК-КЛУБ

Итак, идея хватает. Предложений хватает. Но вопрос вопрос: кто будет всем этим заниматься?

Как правило, люди возникают именно тогда, когда они всерьез нужны. Убежден: появятся они и на этот раз. Уже появились. О ком-то я рассказал. Еще об одном хочу рассказать сейчас.

Зовут его Слава, Владислав Щепкин. Возраст — чуть больше тридцати. В момент, о котором пойдет речь, было чуть меньше тридцати. Преподавал в техническом вузе.

Все началось с подборки писем в газете. Письма были об общении. Так вот, один из читателей, молодой человек двадцати трех лет, печатно предложил всем, кому одноко и муторно, обращаться к нему. Именно так, с указанием фамилии и адреса. Москвич. Студент.

Славе Щепкину муторно не было. Но его так поразило щедрое предложение, что он тут же отправился по указанному адресу посмотреть на обладателя столь отзывчивой души.

Увы, выяснилось, что у двадцати трех летнего студента слегка изменились обстоятельства. Собственно, даже не обстоятельства, а настроение. Когда он обращался к человечеству со своим гуманным воззванием, ему самому было муторно. Но затем как-то утрясся. И возиться с письмами уже не хотелось. Тем более что их пришло довольно много: то ли шесть, то ли восемь тысяч штук. Почти контуженный этим количеством, добросердечный студент сложил нечитанные письма в диван и, чтобы не травмировать психику, старался о них не вспоминать.

Щепкин, увидев эту печальную залежь человеческих драм и надежд, тоже растерялся, но уже по иной причине. Как же так, думал он, люди писали, надеялись, теперь небось ждут...

Кончилось тем, что оба вновь обрели душевное равновесие, а груда писем перекочевала из одного дивана в другой, в восьмиметровую Славину комнатушку.

Слава стал отвечать на письма. Если адресат указывал телефон, звонил. Появились первые посетители. Диван с письмами производил впечатление на всех: просто неловко было не предложить свою помощь.

Постепенно образовалась целая команда из пятнадцати — двадцати человек. Пожалуй, даже не команда, а учреждение со своими идеями, принципами, обязанностями и даже дисциплиной, только без зарплаты. Идеи в ходе работы менялись. Слава быстро понял, что простой ответ на письмо есть в общем-то формальность, пусть даже умная и доброжелательная. Он решил сделать вот что: связать между собой одиноких людей. Пусть для начала хотя бы переписываются друг с другом — ведь человек, ждущий письма, на белом свете уже не один.

Помощники зажигались новым интересом и гасли, приходили и уходили — Щепкин оставался. Он не был ни героем, ни фанатиком, ни чудаком — просто добровольный молодой человек с сильно развитым даром сопереживания, которому отбросить чье-то письмо в сторону было труднее, чем ответить на него. День за днем Слава получал письма, отсыпал и снова получал. Постепенно этот ручей стал мелеть, чему Щепкин только радовался: не потому, что работы стало меньше, а потому, что, видимо, адресаты его то ли направляли письма, то ли иными путями выходили из кризиса...

Меня всегда восхищала мощь слаженного коллектива. Но до чего же много может и один человек, упорный и убежденный в своей правоте!

Вот уже четвертый год продолжается эта уникальная по объему и стимулам переписка. Кто-то к Щепкину приходит и даже приезжает, с кем-то погружались. Кто-то так и остается уже знакомым именем в конце письма.

Словом, человек-клуб продолжает свою деятельность, на моей памяти не имеющую аналогий.

Поскольку Славино поколение любят называть прагматическим, сам собою возникает вопрос: зачем Щепкину это надо? А выгодно! Денег у Славы, правда, не прибавилось, скорее наоборот, ибо конверты с марками ему на почте бесплатно не выдают. Зато в области общения он сегодня человек состоятельный. Один из самых имущих в стране. Такой имущий, что всем желающим готов уделять от своих щедростей.

В конце разговора принято делать четкие и ясные выводы. У нашего разговора конца нет, не будет и выводов. Сложнейшую проблему одиночества, к сожалению, не решишь полностью на журнальной полосе. Дело это — тяжелая, многолетняя работа.

И работу эту необходимо вести. Иначе просто нельзя. В обществе, которое поставил своей целью счастье для всех, иначе быть не должно.

Редакция благодарит всех читателей, принявших участие в обсуждении статей Леонида Жуховицкого «Помогите высокой девушке!», «Случай или судьба?», «Неожиданные парадоксы», «Мы выбираем, нас выбирают...».

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

ЧЕРНОЕ БЕЗОДЫКЕ

Юрий ГЛАЗКОВ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Mчалась в бесконечном пространстве изумрудная планета, планета, несущая жизнь и разум. Цвела планета, радуясь лучам теплого светила, оглашая твердь, небо, моря и космос разноязычным многоголосием. Несущие разум рвались познать мир, в котором они живут, свое место в общей беспредельности. Они обрели власть над энергией своего светила.

Ширились познания, росло любопытство, все глубже проникал пытливый ум в безмолвные волны летящего времени, в глубь беспредельного пространства, разыскивая себе подобных, посыпая сигналы, отправляя в дальние путешествия автоматические аппараты с рассказами о себе, о своих городах, лесах, океанах, о мире звуков и красок, искусстве, письменности, языке. Посланники неслись все дальше и дальше, храня в себе эти знания, ставшие сами за время полета уже далекой историей...

Цивилизация изумрудной планеты уже не раз вступала в контакт с себе подобными, объединившись в межгалактическое содружество.

И вот однажды люди получили сигналы молодой цивилизации, рожденной на периферии спиралевидной Галактики. Ее посланец достиг Земли и рассказал об еще одном удивительном и гармоничном создании природы...

...Наш корабль вздрогнул и остановил свой бег. Мы находились в области планеты, окруженной тонкими кольцами, здесь жили те, кто прислал нам

посланца. Наконец-то корабль мог отдохнуть! Отдыхали и мы, «группа удовлетворения первого любопытства», как нас шутливо называли дома.

Мы не спешили открывать иллюминаторы, опыт научил нас остегаться потока информации, врывающегося в разум, будоража и возбуждая его. Мы стали осторожны.

Пусть сначала осмотрится наша электроника, ее бесстрастные чувства точны и безшибочны, лишены эмоций и потому не подведут.

Нас было пятеро: координатор экспедиции Тим, его помощник Хак и группа непосредственного контакта — пилот исследовательского бота Тод и разведчики Дик и Кет.

Система контроля безопасности не подавала признаков беспокойства: мягкий спокойный свет разливался по отсекам корабля, а музыка, звучавшая в салоне, несла успокоение. Вокруг корабля и внутри него ничто не вызывало тревогу.

Но все же все мы были напряжены, мы ждали разрешения Тима на обзор Вселенной. И Тим, понимая наше состояние, дал разрешение. Защита иллюминаторов стала медленно открывать обзорное поле. Это было похоже на расширяющийся туннель, ведущий в безграничность Вселенной. Перед взором исследователей возникла чужая чернота космоса с незнакомым рисунком созвездий. Звезды дрогнули и поплыли в иллюминаторе — наш корабль начал свое вращение, как бы осматриваясь вокруг.

В иллюминаторе оказалась огромная планета.

— Пятая планета,—подсказал компьютер,—она самая большая по тем сведениям, которыми мы располагаем, она значительно больше планеты, к которой мы летим, вернее, вы летите.—как будто с некоторой укоризной добавил компьютер.

Корабль продолжал свое размеренное вращение.

— Вот она, вот их Звезда!—восхитилась Кет.

Перед нами сияла золотая Звезда, живительная Звезда системы, в которой мы оказались после броска во Вселенной.

Перелет к планете не составил труда. Приближаясь к ней, мы включили все средства приема информации и торжественно передали наше межгалактическое приветствие. Но нас встретила полнейшая тишина. Еще и еще раз мы посыпали обращение к цивилизации планеты, сообщая, что мы здесь, рядом, что мы готовы к встрече на планете или на орбите, просили сообщить нам координаты разрешенной посадки, но все было тщетно. Тишина. Все тревожно всматривались в иллюминаторы, вслушивались в шорохи космоса, но ничто не говорило о готовящейся встрече. Мы проверили координатор пространства, он точно вывел наш корабль в систему, давшую о себе знать, координаты совпадали, структура системы была той же. Мы ничего не понимали.

— Посадка на спутник планеты. Готовьте компьютер к посадке, меры предосторожности максимальные, усильте контроль окружающего пространства.—Голос Тима был тверд и спокоен.

Посадка на спутник, вращающийся вокруг планеты, была делом обычным. Он был как будто специально создан для наблюдения. Рассматривая поверхность спутника, все мы отметили какую-то его опустошенность, не было на нем признаков жизни: бескрайнее каменное море с застывшими в вечном безмолвии глыбами-волнами. Унылая картина. Черно-белый мир, мир, лишенный цвета, царствовал вокруг, куда бы мы ни обращали взгляд. И только планета, позывавшая нас, владела гаммой красок: голубизна морей, белые облака, желтовато-коричневые цвета материков... Планета, величаво вращаясь, показывала со всех сторон свое великолепие. Но долго любоваться мы не имели права — надо было разобраться, понять, что же случилось, что произошло, почему молчит планета. И более детальное изучение планеты вызвало тревогу: на сущее видны были огромные кратеры, не было городов, возделываемых полей, волны океанов и морей омывали безжизненные берега.

— Может быть, что-то случилось и жители ушли вглубь? Или на дно океана?

Вокруг планеты вращались спутники. Мы изучили их орбиты. Компьютер долого анализировал собранную информацию, сопоставляя ее с моделью, построенной на основе сообщения посланника, долетевшего до нас, до нашей Галактики. Казалось, компьютер морщил лоб, напрягая свою гигантскую голову, и, наконец, он дал решение, предупредив о возможных неточностях и ошибках.

— Цивилизация планеты,—сказал компьютер,—достигла умения пользоваться малой частью энергии своего светила и использовала энергетические ресурсы планеты. В космическом развитии был достигнут уровень, позволяющий перелетать к ближнему небесному соседу. Спутниковые системы, видимые вокруг планеты, в основном представляют собой хранилища больших энергий.

Сообщение компьютера еще больше насторожило нас.

— Нужен непосредственный контакт, нужно вести поиск жизни там, в ее недрах или в океане,—сказал Тим.—другого выхода у нас нет. Старт завтра.

Ранним утром мы были готовы к старту. Десантники заняли места в боте и стартовали, устремившись навстречу неизвестности. Приближаясь к планете, мы всматривались в очертания ее материков, веря в лучшее, но взгляды скользили по унылым, безжизненным ландшафтам. Лишь система спутников указывала на принадлежность планеты к обитаемым: спутники были явным творением разума и труда. Они безмолвно мчались по своим орбитам, словно стая хищников, высекавших свою добычу.

— Посмотрите налево, Тод,—сказала вдруг Кет.—Один из спутников напоминает щитинившийся ящик.

Действительно, слева висел длинный, неуклюжий предмет с массой люков, антенн, иллюминаторов.

— Пошутил его радаром, Дик. Может, он откликнется, ведь зачем-то он здесь лежит,—предложил Тод.

Дик включил радар узкого луча и медленно повел им в сторону спутника. Вот луч коснулся спутника, побежал дальше и, скользнув по одной из антенн, уперся в темноту иллюминатора. Спутник вздрогнул, остановив свое, казалось бы, беспорядочное вращение, резко развернулся, один из его люков откинулся, и из него выскоцило веретенообразное тело. Оно хищно, как бы приюхиваясь, повернулось и, взметнув пламя из дюз, рванулось к боту.

— Включить все поля защиты!—прокричал Тод.

Бот, словно звезда, засиял, окутавшись защитными полями. Натолкнувшись на защитный барьер, веретенообразное тело вспыхнуло ослепительным светом и исчезло.

— Следы мгновенного ядерного распада,—сказал Дик,—а спутник ушел на другую орбиту, его координаты в компьютере. Что это, нападение или защита?

— Не знаю, но все-таки явная враждебность,—откликнулся Тод.—Все излучения снять, защитные поля не выключать. Кет, что там у тебя? Может, убраться с орбиты? Этих сумасшедших ящиков здесь более чем достаточно.

— Минуту, командор,—попросила Кет,—компьютер ломает голову, просит еще подумать, ох и осторожен он стал, наш старый Кью. (Так дружески называли мы главный компьютер бота, ставший действительно правомочным членом экипажа.)

Заговорил Кью:

— Приоритета в выборе места посадки нет, поток информации равномерен, скучен со всеми материками, рекомендую идти на посадку сейчас, избежав встречи с другими спутниками, их много, встреча с ближним из них через шесть минут, в большинстве из них заложено много энергии. Посадку можно произвести на материк сразу за океаном, он простирается с севера на юг планеты.

— Ладно,—решился Тод.—Посадку разрешаю. Приготовиться.

Облачившись в скафандры, привычно разместившись в креслах, мы устремились вниз. Все ближе и ближе поверхность планеты, мы рвались к ней, но не могли найти места для посадки. Еще и еще раз отказываясь от нее, мы пролетали все дальше и дальше, уклоняясь то влево, то вправо, а картина на экране внешнего обзора оставалась по-прежнему унылой, однообразной, не обещающей никаких перемен.

И вдруг в тяжелом молчании прозвучал спокойный голос нашей Кет:

— Командор, я на всякий случай включила указатель концентрации энергии и металла, они одновременно чуть отклонились от нуля в квадрате, над которым была сплошная облачность. Надо осмотреть это место, так рекомендует и Кью.

Мы вернулись туда, куда указал нам компьютер, и, осторожно пробив облака,

вынырнули на небольшой высоте. Под нами была та же безжизненная картина. Но, присмотревшись внимательнее, можно было почти интуитивно почувствовать какую-то упорядоченность в кажущемся хаосе нагромождений. Индикаторы вздрогнули и чуть отклонились, показывая сконцентрированное наличие металла и энергии. Под нами было нечто похожее на огромную птицу, привалившуюся на один бок. Мы приземлились неподалеку. Мрачность местности, безмолвие лежащей огромной подбитой серебряной птицы, явно созданной разумом способных творить и созидать существ, настроили нас еще более тревожно.

— Командор, это похоже на наши старые корабли, только меньших размеров. Посмотрите. Тод, у него маленькие крылья, видно, он летал, опираясь на атмосферу. С ним что-то случилось, может, нужна помощь?—взволнованно выпалил Дик.

— Это летательный аппарат,—размеренно пояснил Кью.—Площадь крыла позволяет лететь в атмосфере планеты. Сигналов бедствия нет, он стоит здесь давно. Направлю робота.

— Спасибо, Кью.—улыбнулся Тод.—направь туда номер семь, он потолковее остальных. Помнишь, в шаровидной галактике Ц-8 он распознал в неподвижных столбах разум. Выпускай его потихоньку.

Кью согласно поморгал индикаторами.

Из бокового люка бота осторожно выскоцил шарообразный робот-разведчик. Осторожно, словно подкрадываясь и понимая все напряжение обстановки, он стал продвигаться к неизвестному кораблю.

— Да, здесь давно никто не ходил,—послышался голос в динамике.—Начинаю с осмотра силовой установки, жестких излучений нет. Кью, даю тебе размеры сопел, двигатель явно ракетный,—с гордостью говорил робот,—посчитай, что он может, плотность атмосферы у тебя есть, массу планеты ты знаешь, топливо наверняка химическое, я бы на вашем месте...

— Не мешай считать,—остановил красноречие младшего собрата Кью. Робот умолк, застыл в ожидании расчетов. Мы не вмешивались в их перепалку, зная, что она не мешает работе, что для наших электронных помощников это — своеобразное развлечение.

Кью закончил обработку информации и заявил, что такие двигатели могли использовать только на орбите, они слабы.

Робот двигался дальше.

— Днище обгорело, он явно спустился с орбиты, гасил энергию торможения — корпусом и крыльями, а вот система посадки простейшая, после посадки он катился на колесах, теряя энергию, до полной остановки. Повреждение на левой стороне системы посадки, поэтому он и покосился, но не опасно.

— При этих размерах, при оценочной массе, способе и скорости посадки он может катиться около километра,—вмешался Кью, прервав разговорчивого робота.—Вон там,—продолжал Кью,—впереди, словно голова птицы, кабина и иллюминатор обзора, наверное, там были носящие разум, управляющие аппаратом.

— Поднимись туда, загляни внутрь через иллюминатор, найди входной люк,—приказал он роботу.

Мы молча слушали переговоры машин, настроение было гнетущим, мы ощущали беду, но пока не понимали, где она, откуда она может прийти или уже давно пришла, а мы пока этого еще не замечаем.

Робот добрался до носовой части и, опираясь на растущую телескопическую опору, вышедшую из его днища, стал подниматься все выше и выше.

— Обшивка термостойкая, цель, следов повреждения нет, похоже, что он сел без аварии. А вот и входной люк...

— Не открывать!—быстро скомандовал Тод.—Загляни в иллюминаторы.

Робот продолжал подниматься, вот он оказался на уровне кабины, и его телескопическая нога стала сгибаться, а сам робот, наклонившись к кабине, словно приник к стеклу.

— Темно,— послышался его голос,—взижу много приборов, кресла пилотов, одно пустое, в другом что-то лежит, похоже, скафандр. Все выключено, энергия не расходуется, мои индикаторы не ощущают ее утечки. Одним словом, там внутри слишком тихо.—Последние слова робот подобрал с трудом, явно не жалаясь выразиться определенное.—Что дальше?

— Иди к люку, разберись с ним. Расскажай все подробно, что видишь, ощущаешь, что слышишь, ставь защиту по ходу движения, обеспечь надежный выход и... постарайся без эмоций,—сказал Тод и вздохнул.—будь осторожен.

Робот пополз по обшивке корабля.

— Люк открыт,—доложил он.—Впечатление такое, как будто кто-то специально сделал так, чтобы не было трудно войти...—не сдержался от комментария робот.

— Сообщай пока только факты,—оборвал его Тод.

Робот молча принялся за работу, движения его были обиженными. Люк вскоре был сдвинут, и на экране возникла пещерная чернота входа. Всем хотелось быть сейчас на месте робота и самим шагнуть в эту заманчивую и немного зловещую черноту. Но инструкции строго гласили: «Только после роботов». Немало ловушек срабатывало, унося жизни десантников. Робот замер над зияющей чернотой, ожидая дальнейших команд.

— Ты чего замолчал?—спросил Тод.—Что-нибудь случилось или боишься?

— Страх нам неизвестен. Мы его не знаем. В нас, роботах первого поколения, заложено обязательное требование повышения вероятности успеха поставленной экипажем бота задачи,—официальным тоном, с обидой ответил робот и вошел в чужой корабль.

На экранах мы увидели кабину. Три кресла, явно предназначенные для размещения экипажа. Два кресла были пусты, в третьем лежал скафандр. Робот застыл над ним.

— Осторожно пошевели его,—сказал Тод.

Робот медленно протянул руку, слегка толкнул скафандр. Ничего не произошло, скафандр, тихо качнувшись, снова застыл в неестественной позе.

— Попытайся открыть гермошлем,—предложил Дик.

Задержавшись на несколько секунд, робот занялся гермошлемом.

Стекло откинулось столь неожиданно, что даже робот невольно отшатнулся. Когда робот снова навел свои зрительные анализаторы, то пришла пора отшатнуться и нам, а Кет резко отвернулась от экрана... На нас в упор с немым укором глядела огромные пустые глазницы пилота, давным-давно ушедшего из жизни. Бездонная пустота глазниц носившего когда-то разум навеяла ужас.

— Закрой,—приказал Тод, и робот с быстротой автомата исполнил его команду.

— Займи правое кресло, изучи приборы, попробуй понять управление, найди регистратор голосовой информации и изображения, пойми включение энергии.

Робот послушно устроился в кресле пилота, покосившись на соседнее, где угрюмо лежал безжизненный скафандр.

Приборное оборудование было нехитрым, понятным для нас, понятны были и некоторые надписи, ведь мы были знакомы с алфавитом и письменностью этой планеты. Робот анализировал, сопоставлял, советовался с Кью, запрашивал Тод и Дика, консультировался у Кет. Наконец, общими усилиями была найдена панель, где располагались органы включения энергии и связи.

— Пробуй, — приказал Тод.

Робот утопил клавишу, и в кабине послышались привычные шорохи динамиков, по жилам спящего корабля побежала энергия. Но нас сейчас интересовало другое.

— Подключи хранитель информации, — снова приказал Тод.

Робот нажал еще одну клавишу, и в кабине послышалось сначала легкое шипение, а затем заставивший всех вздрогнуть голос:

«Мое имя Дан Грем, я шеф-пилот воздушно-космической патрульной службы. Рассказать обо всем трудно, для этого нужно вспомнить всю жизнь, а времени уже нет, скоро я погибну, слишком сильная радиация. Видеозапись, наверное, тоже не выдержит, надежда только на защищенный «черный ящик», в нем должно все, что мы говорили, сохраниться. Прощайте и простите нас...»

Несколько минут молчания, и динамики ожили многоголосием:

— Дан, опять мы на орбите и опять все вместе, это прямо какое-то везение, а? Я часто вспоминал тот полет, ну, и натерпелся я тогда, первый раз в космосе — и сразу такая переделка! Я тогда был еще капитаном, молодым, скажу прямо, струсил я тогда, честно признаюсь. Теперь-то я понимаю, что к чему.

— Да, поздравлю тебя, Юджин, ты здорово поумнел за это время, особенно это заметно по твоим плечам, где появились такие красивые и большие звезды, здорово шагаешь! Верно, Вирджил?

— Я тоже тебя поздравляю, Юджин, но еще больше я рад за тебя, что ты стал отцом, я видел недавно Сьюз, она рассказала мне о вашем сыне. Послушать ее — родился гений! И в кого из вас он так ловко считает? Ты давно уже отвык от вычислений, за тебя это делает компьютер. Бизнес получит в твоем сыне умного предпринимателя, а страна — новую звезду учченого мира! Извини, Юджин, я, наверное, неудачно пошутил, на меня что-то плохо подействовал наш сорочный старт. Что за спешка, как на пожар! Я видел, что и другие корабли начали готовить к старту. Скоро конец третьего витка, а эфир молчит, ни единого звука, что за странная манера игры в молчанку?

Вдруг громкий взглас:

— Грем, Вирджил, что это? Все от горизонта до горизонта светится ослепительным светом, что это? Грем? Это не северные сияния, из атмосферы вырываются исполнинские грибы, они похожи... на шапки атомных взрывов...

Гнетущая тишина продолжалась несколько минут, только легкое шипение в динамиках, как змея, вползло в наше сознание пониманием неотвратимой беды.

— Это война, парни, это рвались ракеты, бомбы, это вспыхнуло море, смотрите — внизу ничего нет, словно и не было, под нами сплошные разрывы, нет больше жизни, парни, считайте, остались мы одни, больше никого, никто не ответит нам.

— Что же делать, Грем, Вирджил, что делать? — слышался всхлипывающий голос.

— Читай свои дурацкие инструкции, там ты прочитаешь, что ты сильнее всех, что тебе все можно, да, теперь ты много можешь, когда кругом тишина! — Голос Грема был груб и тверд. — Теперь даже ты, отец, не отличишь жены и сына от камня — теперь все едино, теперь все сначала, все сначала, если есть кому начинать! Господи, прости нас, сильных и слабых, прости нас, неразумных!

Послышился грохот. И тишина. Томительная тишина. Мы вслушивались в шорохи динамика, всматривались в него с надеждой на чудо.

— Грем, очнись, Юджин застрелился, мы остались вдвоем. Очнись же наконец, старина, прошло уже пять витков, внизу ничего нет, одна пустыня, словно и не было ни городов, ни полей, все как будто смыло гигантской волной. Юджин не выдержал, пустил пулю в лоб, я не успел да и не хотел ему помешать, ему теперь легче, чем нам, Грем.

— Грем, старина, что мы будем делать, жизни осталось на трое суток, кислорода больше нет, полет-то планировали туда — сюда, аварийных запасов нет, садиться некуда, да и там смерть, излучение дьявольское, там везде смерть. Наш полет оказался не туда — сюда, а только туда. Дан, мы тоже умрем, только надо выбрать, где... Я уже выбрал, Дан, прости меня. Я выйду из корабля, поднимусь повыше и останусь там, насколько хватит кислорода. Я хочу остаться там, на орбите, один. Навсегда. Я виноват перед всеми, кто жил на нашей несчастной планете. Я ученик, а не сумел помешать всему этому безумию, очень хотел, но так и не смог, все не верилось, что такое может быть, все думали, что кто-то помешает, что кто-то не допустит, что чей-то разум и сила воспрепятствуют этой дикости, а сам не боролся, не хватило мужества. Не осуждай меня, Дан, тебе останется шикарный корабль на одного. Дан, весь мир тебе останется на одного, не правда ли, многие мечтали бы о таком?

— Я тебе не буду мешать, Вирджил. У меня тоже не хватило сил остановить все это, тоже не верилось, даже после того полета... Вирджил, ужасно смотреть вниз, не могу смотреть туда, не могу туда смотреть, не могу, мне страшно, Вирджил, впервые в жизни страшно. Где мой винук? В камне? В облаке? В каплях дождя? Где, скажи, Вирджил, ведь ты ученик, скажи мне, скажи... Ты надеваш белый скафандр? Ты это здорово придумал, как саван... Да я тебя обниму, мой ученик друг. Ну, а теперь я надену на тебя гермошлем. Иди, Вирджил, иди, а то я не дай бог заплачу, а еще хуже — заплачешь ты, я знаю, ты это умеешь делать. Теперь иди, я закрою за тобой люк. А я, Вирджил, решил умереть там, внизу, я решил посадить наш корабль и умереть там, возле дома, на старом соленом озере, откуда мы начинали. Иди, Вирджил, иди, я тебя буду помнить до конца своей жизни... до скорого конца.

В динамиках тишина... потом опять голос Дана Грема:

— Вирджил, я тебя вижу, ты машешь рукой, прощаешься, прощай, друг, ты стал уже звездой, яркой звездой, Вирджил. Может, пройдет много лет, и тебя найдут, и увидят, какими мы были, они увидят тебя таким же, какой ты сегодня, ты не состаришься для них, Вирджил, прощай, я готовлюсь к посадке.

Из динамика еле слышно прошелестел далекий голос:

— Прощай, Дан, наш корабль красив, как никогда, он огромен, посади его мягко, пусть хоть он останется на планете, пусть через него узнают другие, что мы умели, прощай, я отключаю связь, Дан. Да, Дан, если вдруг кого встретишь там, внизу, расскажи, что это не мы, расскажи, как мы тоже умирали. Прощай, я открываю клапан... Разгерметизируюсь... Прощай...

Щелчок, тишина...

Мы поняли все, мы поняли, что ждать и искать нечего.

— Возвращайся на борт, старт через десять минут, — приказал роботу Тод.

Мы стояли молча, склонив головы. Прощай, планета, мы расскажем о тебе, о твоем разуме, погубившем себя, мы расскажем о тебе всем, носящим разум. Такое не должно повториться.

Конкурс

одного

стихотворения

СЛАВЬТЕ, МОЛОТ И СТИХ, ЗЕМЛЮ МОЛОДОСТИ

Дорогие друзья! Под таким девизом в новом году будет проходить наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принять участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборок их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем!

Николай КУШНИР,
военный строитель,
Москва

Александра ЛОБОДА,
кладовщик,
Днепропетровск

На лугу

До зорьки вставали,
Шли в звездную россыпь,
Манили нас дали
В жемчужные росы.
Мы травы косили
Звянящим размахом,
Как парус, носились,
Вздуваясь, рубаха.
Поил нас средь зноя
Родник у дубравы,
Медовым настоем
Дурманили травы.
Косили,
Сушили
На солнышке с ветром,
В стога уложили
Цветущее лето.

Вдыхаю после жарких трудных дней
Священный запах трудового хлеба.
Он воскрешает в памяти моей
Красу полей и синь родного неба.
Душа моя той радостью полна,
Счастливой песней на свободу рвется.
Любовь, восторг и слезы — все сполна.
И это чудо Родиной зовется!

Иван ГАРАСТЕЙ,
военнослужащий,
Полтава

Так долго тянется война —
Четыре длинных страшных года
Остались в памяти народа
На все земные времена.
Так долго тянется война.

Так долго тянется война.
Так долго женщины рыдают,
И поезда во сне встречают,
И непривычна тишина —
Для них не кончилась война.

Так долго тянется война.
Так долго захивают раны.
И боевые ордена
Так долго ищут ветеранов.
О, сколько тянется война!

Так долго тянется война.
Когда конец ей все же будет?
Покуда живы будут люди,
Не позабудется она!
Так долго тянется война...

Николай КОШКАРЕВ,
рабочий,
г. Кондопога

Карельский камень

Рама ходит торопливо,
Гулом сердце веселит.
Пиль звонкие красива
Режут, словно хлеб, гранит.
За работу любимой
Время молнией летит.
Красоту земли родимой
Открывает мне гранит.
И в карельский чудо-камень,
Что пропитан солнцем весь,
Я вложил и сердца пламень
И души рабочей честь.

Петр ДЕГТАРЕВ,
инженер,
Москва

Дождь

Под немолкнущим дождем
Все в разводах — даже воздух,
Здания светлых окон
И людей, идущих возле,
Силуэты. Под дождем
Город вышил наизнанку
От антенн на серых крышах
До афиши на Таганке,
То бесшумно, то чуть слышно
В беспрерывности шитья
Дождевые льются нити
Поэтических наитий
И земного бытия.

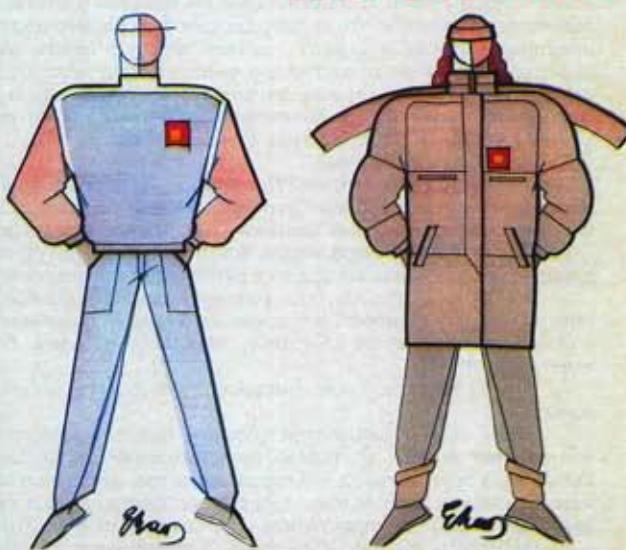
Рубрика «Детский дом — теплый дом» появилась на страницах «Смены» более трех лет назад и с тех пор стала постоянной. Сбор книг для библиотек детских домов, шефство над детьми, лишенными родительского тепла, — это не просто темы выступлений журнала. Это — слово, воплощенное в дело.

Уделять внимание заботам детских домов мы намерены и в нынешнем году. Одна из них — создание красивой, добротной одежды для ребят.

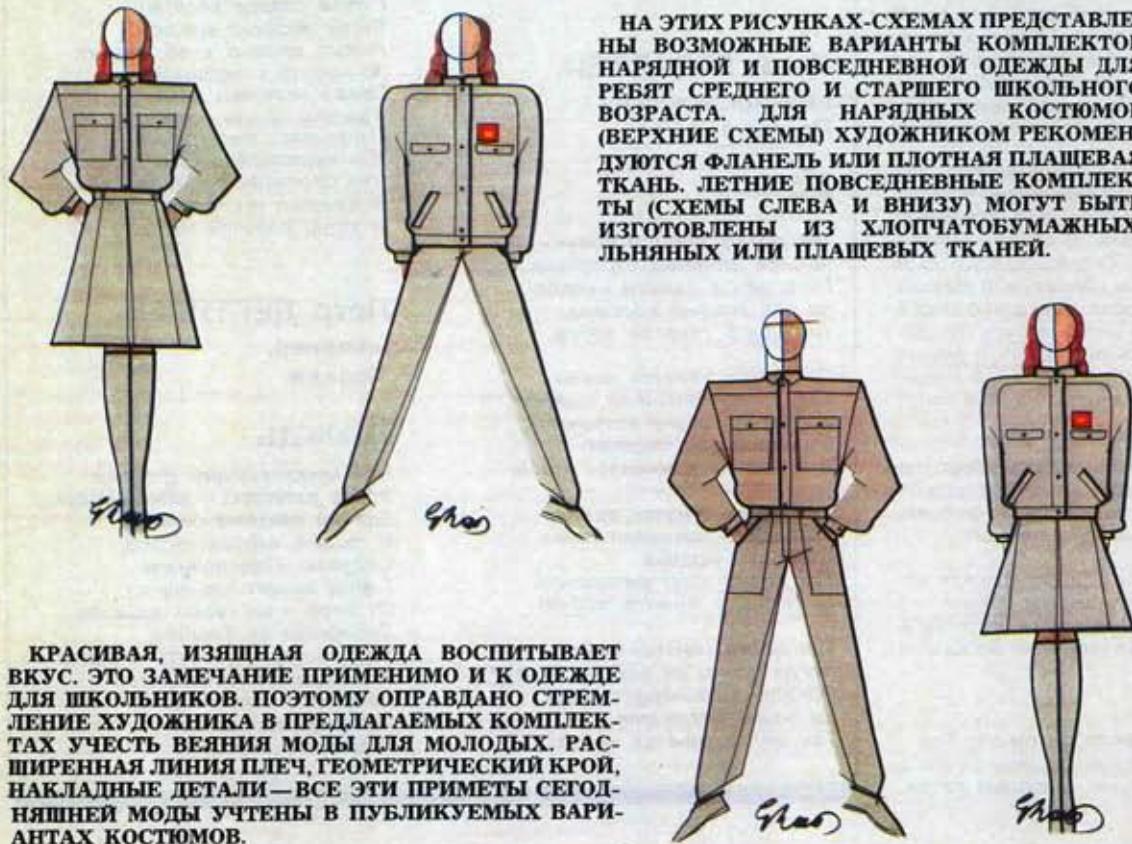
Некоторое время тому назад редакция обратилась к молодому художнику-модельеру Егору Зайцеву, одному из ведущих рубрики «Молодежная мода», с социальным заказом: разработать вариант моделей одежды для детей и подростков.

ДЛЯ ЗАНЯ

Кто возьмется

НА ЭТИХ РИСУНКАХ-СХЕМАХ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ КОМПЛЕКТОВ НАРЯДНОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ОДЕЖДЫ ДЛЯ РЕБЯТ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА. ДЛЯ НАРЯДНЫХ КОСТЮМОВ (ВЕРХНИЕ СХЕМЫ) ХУДОЖНИКОМ РЕКОМЕНДУЮТСЯ ФЛАНЕЛЬ ИЛИ ПЛОТНАЯ ПЛАЩЕВАЯ ТКАНЬ. ЛЕТНИЕ ПОВСЕДНЕВНЫЕ КОМПЛЕКТЫ (СХЕМЫ СЛЕВА И ВНИЗУ) МОГУТ БЫТЬ ИЗГОТОВЛЕНЫ ИЗ ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХ, ЛЬНЯНЫХ ИЛИ ПЛАЩЕВЫХ ТКАНЕЙ.

КРАСИВАЯ, ИЗЫЩНАЯ ОДЕЖДА ВОСПИТЫВАЕТ ВКУС. ЭТО ЗАМЕЧАНИЕ ПРИМЕНИМО И К ОДЕЖДЕ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ. ПОЭТОМУ ОПРАВДАНО СТРЕМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА В ПРЕДЛАГАЕМЫХ КОМПЛЕКТАХ УЧЕСТЬ ВЕЯНИЯ МОДЫ ДЛЯ МОЛОДЫХ. РАСПИРЕННАЯ ЛИНИЯ ПЛЕЧ, ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ КРОЙ, НАКЛАДНЫЕ ДЕТАЛИ — ВСЕ ЭТИ ПРИМЕТЫ СЕГОДНЯШНЕЙ МОДЫ УЧТЕНЫ В ПУБЛИКУЕМЫХ ВАРИАНТАХ КОСТЮМОВ.

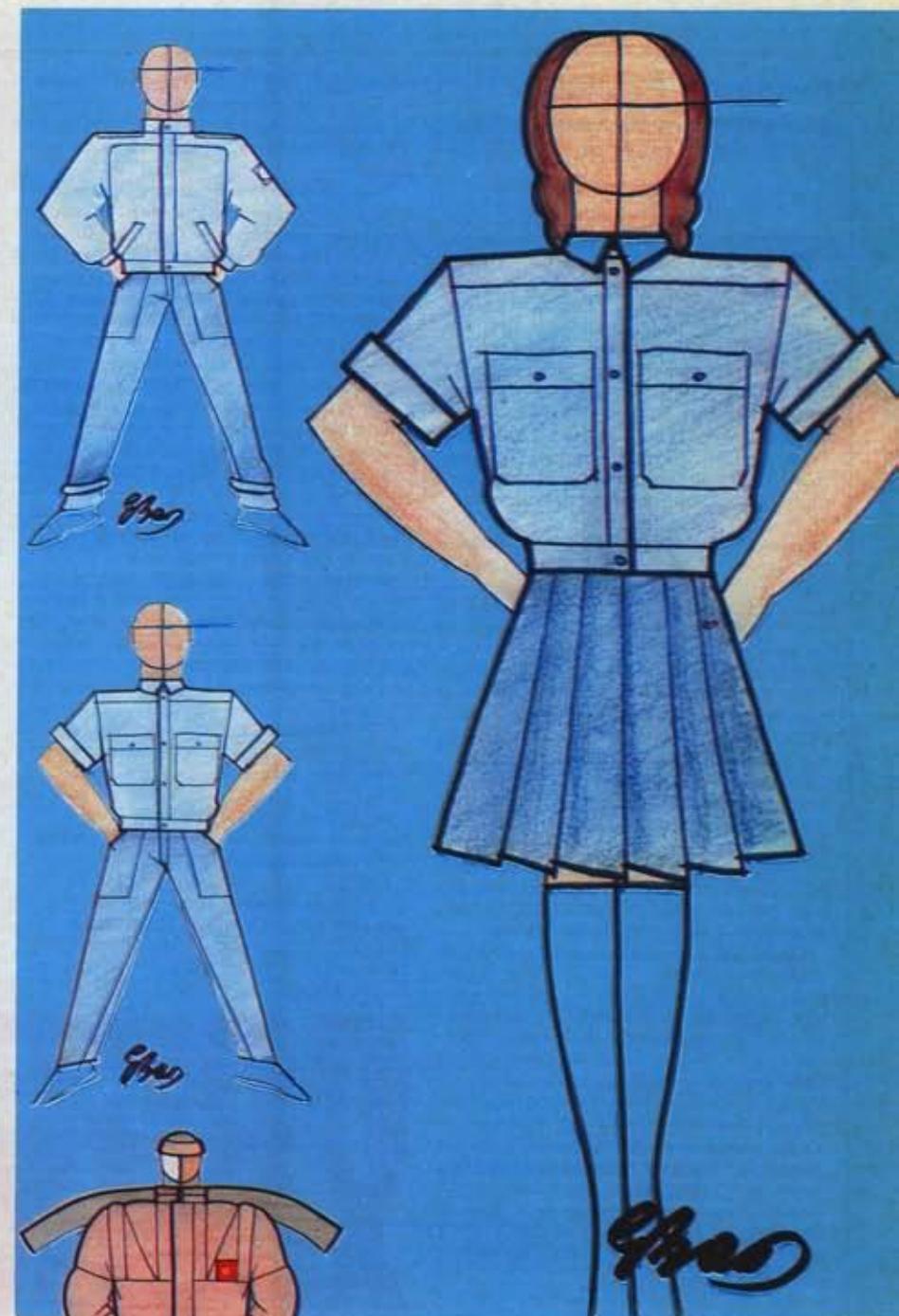
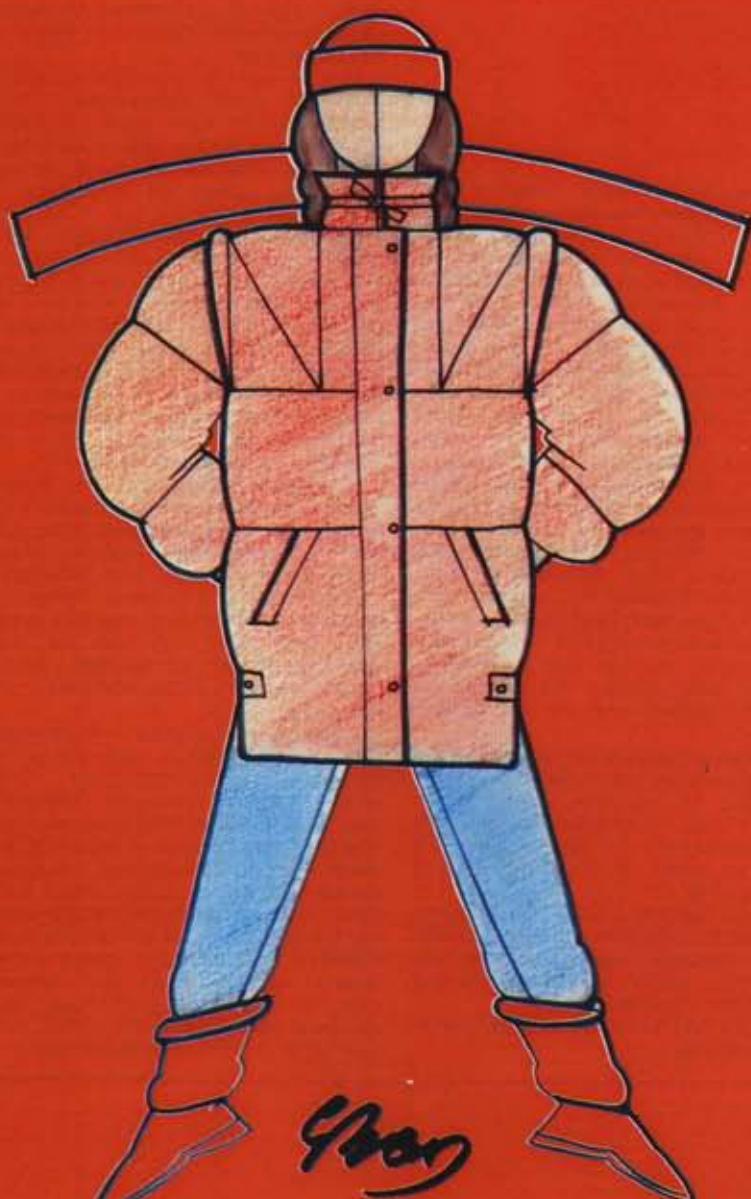
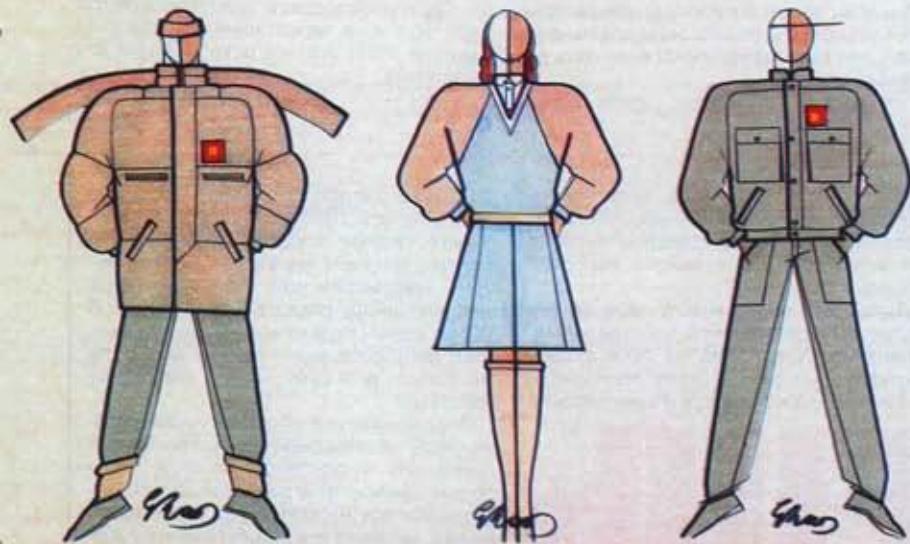
Детский
дом —
теплый
дом

Теперь, когда заказ выполнен, мы публикуем разработки художника. Наверное, не стоит рассматривать эти модели как окончательные. Вероятно, вполне возможны и другие варианты. Но сейчас речь идет о том, чтобы быстрее воплотить эскизы в жизнь.

Редакция «Смены» обращается к комитетам комсомола, молодым работникам предприятий швейной промышленности с просьбой в возможно короткий срок реализовать в материале представленные на страницах журнала эскизы с тем, чтобы затем вынести их на суд педагогов детских домов. Отличное качество — вот главное требование, которому должны отвечать экспериментальные образцы. Итак, кто поддержит это предложение?

ТИИ И ОТДЫХА

ВЫПОЛНИТЬ ЗАКАЗ «Смены»?

ВАРИАНТЫ КОМПЛЕКТОВ
ОДЕЖДЫ ДЛЯ РЕБЯТ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА. ЗДЕСЬ ПРЕДСТАВЛЕНЫ
КОСТЮМЫ ДЛЯ ЗАНЯТИЙ И
ОТДЫХА. МАТЕРИАЛЫ ИС-
ПОЛЬЗУЮТСЯ ТЕ ЖЕ, ЧТО И В
КОСТЮМАХ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ. — ХЛОПОК,
ЛЕН,
ПЛАЩЕВАЯ ТКАНЬ.

Николай ГРУЗДЕВ,
фрезеровщик Владимирского
тракторного завода

Первое впечатление от этих писем — недоумение. А сами-то авторы какую позицию занимают? Один из них не сказал, как воспринял «науку» наставника: как руководство к действию или не приемлет ее? Второй, кажется, колебляется: может, я прав, а может, старший товарищ... Рассудить просит.

Но как со стороны посоветуешь: дай только то, не делай это? Каждому приходится действовать так, как подсказывает собственный разум, собственный житейский опыт. Мне возразят: какой опыт, скажем, у выпускника ПТУ? Ну, чтобы никакого не было — не поверю. Мал — другое дело. Конечно, я могу поделиться своим, рассказать о своих взглядах, но ведь житейский опыт не возьмешь напрокат... Но письма задевают за живое, и я решил попробовать парням ответить. Хочу сразу только сказать, что свой выбор — работать так или иначе — им все же предстоит сделать самим и самим потом отвечать за него перед людьми и своей совестью, но я надеюсь, что мои мысли и примеры из моей рабочей жизни помогут им попроще, пошире взглянуть на случившееся, понять, что многие, очень многие смотрят на работу и жизнь по-иному, подходят к ней с другими мерками...

Одно могу сказать сразу с полной определенностью: таких «наставников», с каким встретился Сергей Пильник, надо гнать в три шеи. Из наставников гнать, разумеется. Ему ведь наплевать, что перед ним человек, едва вступающий в жизнь, который хочет учиться, хочет расти... Поработав с таким шефом подольше — так и останешься на самой низкой ступеньке в своем деле. На одном из заводов выступили с почином: «Каждый опытный рабочий — воспитатель молодежи!» Звучит красиво, но совершенно неверно, если хоть чуть вдуматься. Знаем мы — нет, все-таки не каждый.

Был на одном соседнем предприятии опытный токарь, который обеспечивал весь цех определенными деталями. Уверенно выполнял норму на 110—115 процентов. Но однажды он надолго заболел, и поставили на эту операцию зеленого новичка. Еще сомневались: не подведет ли? Новичок в первый же день дал почти три нормы. Особый талант? Вовсе нет. Когда, заинтересовавшись, разобрались в этом «феномене», оказалось, что прежний токарь искусно водил за нос технологов, нормировщиков, скрывал возможности свои и станка, чтобы, не дай бог, не повысили норму.

Допустим, цеху таких деталей в большом количестве не требовалось. Но ведь этот же человек вполне мог обеспечивать ими и другие цеха или в чем-то помочь товарищам на своем участке. Думаете, такие примеры единичны?

Мои товарищи ездили в командировку на тракторный завод — помочь надо было родственному предприятию. И вот что рассказывают.

Приехали они, встали к станкам и выполнили, не надрываясь, почти две нормы — это на новом месте и чужом оборудовании! Назавтра — и того больше. Как всполошились местные станочники!

— Да вы в своем уме? — говорят. — Вы-то уедете, а нам оставаться. Занимайтесь трудовыми подвигами у себя дома.

Чувствуете ситуацию? Та же самая, что в письме из Минска. Нет, все-таки не по частному случаю, не по пустому поводу написал С. Пильник. Вопрос хоть и не задан прямо, но проглядывает между строк: а стоит ли в самом деле

полностью выкладываться на работе, не лучше ли поберечь силы? Раз меня «в шею не толкают», значит, на заводе все идет нормально, кому нужно мое рвение?

Прежде всего тебе самому нужно. Вот о чем я хотел бы сказать Сергею: допустим, последуешь ты советам своего «наставника», приориориши к его работе. А потом придется тебе работать с требовательным человеком в сильной бригаде. Сам понимаешь, сразу перестроиться не сможешь: руки отвыкли, сноровки нет. Вот тогда будет настоящему тяжело. Представь, если вдруг обнаружится, что ты или лодырь, или неумеха... А рано или поздно люди обязательно это увидят: не сошелся же свет клином на таких, как твой «опытный электрик».

Известно, что хорошие музыканты ежедневно играют по несколько часов, а если сделают «передышку» хоть в день-два, сразу чувствуют — не тот техника... Уверен, это относится к любой профессии: если сегодня ты дал себе послабление — в чем-то, значит, сделал шаг назад, и завтра тебе придется заново преодолевать пройденную было ступень.

...Огинская, собственно, сам отвела на свое письмо: прятать свои способности значит зарывать талант в землю. А это безнравственно, не говоря уже о том, что ни с каких сторон не выгодно самому человеку. Но Огинская что-то недоговаривает, и, мне кажется, понимаю, что именно. «И почему это должно испортить мои отношения с людьми на работе?» — спрашивает он. Вот оно, в чем дело — опасается испортить отношения с людьми! А кто эти люди? Видимо, главный механик, непос

Как бы не перегрузиться!

С недавних пор я постигаю сложную специальность электротехника. Как известно, практика основательно укрепляет знания, почерпнутые из учебников. И вот во время производственной практики я действительно окончательно понял, что такое труд электрика, что в нем самое главное.

Чтобы я как можно лучше изучил

специальность, меня прикрепили к пожилому, опытному электрику, много лет проработавшему в энергосекторе. Он показал мне, как надо заряжать лампы, и мы принялись за дело. С первой я проворился довольно долго, но постепенно у меня стало получаться все быстрее и лучше. Смотрю, я уже ничуть не отстаю от своего наставника, а после обеда я, к своему изумлению, вообще обогнал его. Ну, думаю, дела! А он поглядывает на меня и посмеивается...

Я, честно говоря, ждал похвалы. Но опытный мастер ошеломил меня следующим наставлением:

— Тебя что, в шею толкают? Куда ты гонишь? Кого обогнать хочешь — самого себя? Ты подумай: работа легкая, будем гнать — сделаем быстро, так мастер другое задание даст, глядишь, потруднее. Зачем сюда тебе? Давай-ка помедленнее, посложнее, может, и до конца смены дотянем. А если очень постараешься, так и на завтра останешься. А будешь спешить — заметят и столько на тебя навалят, что не обрадуешься.

Так я узнал первую заповедь электрика. Чуток и не переступают ее довольно многие. Хотя люди в цехе в общем-то и неплохие.

Сергей ПИЛЬНИК,
Минск

ПОСЕЕШЬ ХАРАКТЕР...

редственный начальник... Тогда не надо лукавить: речь скорее всего не об отношениях с людьми вообще, а со своим руководителем. А это не одно и то же.

«Руководитель», видно, хитер. Он «заботится» о подчиненном, предостерегает об «опасностях», которые якобы исходят от некоторых других товарищеских демонстрирует «заботу» о молодом, неопытном. На самом деле вся его забота — исключительно о себе. А вдруг выясняется, что в отделе главного механика появился энергичный, знающий, инициативный работник? Что он талантливее своего начальника, который вечно старается «не высывать носа», держаться в тени, не рисковать, боязь на себя «лишнюю» ответственность? Который боится показывать, как много он умеет, только потому, что умеет-то он мало?

Может, я и преувеличиваю. Но ни один по-настоящему талантливый человек не станет стараться в корне зарубить талант другого. Наоборот, он будет радоваться успехам ученика. Если эти успехи его раздражают, вызывают протест — значит, наставник чувствует свою слабость, либо сравнение с учеником не в его пользу. Он боится, что «навалят» работу не только на подчиненного, но и на него самого.

Думаю, Огинская и сам это понимает, и его проблема — до конца не высказанная — в нерешительности. То есть он свои творческие силы сознает, знает, что способен на большее, чем быть заурядным работником, но опасается

своего начальника: ведь продолжать проявлять инициативу — окончательно испортить отношения с шефом. А стоит ли? А вдруг он в отместку испортит карьеру?

Убежден — стоит! Никто тебе не испортит будущее, если ты действительно талантлив. А вот сам ты себе судьбу испортировать можешь, если поплышишь по течению, послушаешь нашептывания

завистливого человека. Заметьте, такие люди свои «советы» никогда публично, на собрании, например, не высказывают — только по телефону или на ушко. Не ставь же свой талант в зависимость от случайного человека — а настоящие люди тебя всегда поймут. Но это уже вопрос твоего личного мужества, стойкости характера. Посоветовать, понимаю, просто. Отстаивать свое — трудно. Но, кроме тебя, никто этого не делает. Здесь нет «ничего» — или ты победишь, или отступишь...

Сам я обыкновенный молодой рабочий. Фрезеровщик экспериментального цеха. Окончил техникум по специальности техник-технолог. Пока учился, осваивал слесарное дело, токарный, фрезерный станки. В армии получил еще профессию строителя. Приглашали перейти на должность мастера, но пока воздерживаюсь: прежде чем руководить людьми, надо самому поработать за станком, попробовать металлы своими руками.

Работаю в бригаде Павла Алексеевича Баранникова, моего первого наставника. Вот это человек, для которого вопрос, надо ли отдавать работе все силы, прозвучал бы просто дико. Он иначе не умеет. Я и сейчас учусь у Баранникова.

У меня, чувствую, есть еще какая-то суетливость в работе, у Павла Алексеевича — никаких лишних движений, все отработано четко. Хочу перенять все мастерство фрезеровщика.

Правда, не у всякого я стал бы учиться мастерству...

Есть на заводе станочник — золотые руки. Но эти руки — только для себя. Ничего, кроме хорошо оплачиваемой работы, человек не видит. Просят помочь товарищам или, скажем, в подшефную школу ходить — ни в какую. И так во всем. Это я к тому, что и отдавать себя делу до конца — еще не все. Если ты только для себя, чтобы «загрести» побольше...

Выбрали меня в «Комсомольский проектор», в народный контроль. Трудно совмещать с основной работой. Если рейды днем — вечером приходится задерживаться у станка. Но мне самому нужна, интересна и общественная работа. С одной стороны, приношу пользу делу, с другой — постоянно общаюсь с разными людьми, быстро со всеми познакомился.

Есть у меня и нелюбимые работы, например, листы фрезеровать. Сталь вязкая, фреза идет плохо. Стараюсь такое дело сделать побыстрее — поневоле все силы выложишь. А уж если работа по душе — тут и времени не замечашь.

Весь день в цехе — на ногах. А как принял душ после смены, переоделся, всю усталость как рукой сняло. Причем не надо иметь для этого какого-то железного здоровья. Надо просто всегда держать себя в форме. Мне, между прочим, помогает в этом художественная самодеятельность — занимаюсь в танцевальном кружке. На заводском смотре самодеятельности приходила «болеть» за меня вся бригада...

В общем, думаю так: чем больше хлопот, тем веселее и интереснее жить. В самом деле, куда беречь силы, энергию — к пенсии, чтобы клубнику на дачном участке в полную силу разводить?

Был недавно в отпуске: 13-дневная поездка по ГДР и Чехословакии. Думал, как мало дней... А уже на восьмой затосковал по бригаде, станку. Просто не знал, куда себя деть. Честное слово.

...Выывает, что честный, инициативный работник становится «неудобным» кому-то. Пильник — электрику, Огинская — главному механику. Понимаете, они ведь лишь о собственном, тихом благополучии пекутся, а забота об учениках настолько лицемерна, что и невооруженным глазом видно. Надо выбирать: быть ли угодным сомнительному наставнику, или идти все же своей собственной дорогой. Одно следует прочно понять: по этой дороге идет большинство, по ней идут настоящие люди, которым нечего таить от других, которым нечего бояться и стыдиться.

ТАЛАНТ В ЗЕМЛЮ?

На размышления, с которыми я сегодня обращаюсь в «Смену», меня подтолкнул один случай. Как-то мне довелось на работе сделать то, что не входило в мои прямые обязанности. И услышал по этому поводу вечером от старого работника по телефону:

— Вот что я хочу тебе объяснить. Сегодня ты вызвался сделать одно, завтра тебя потянет еще на что-нибудь, потом начнешь предложения подавать по рационализации...

— А что, разве это плохо? — удивился я.

— Как ты не понимаешь! Только откроись на работе со всеми своими талантами и способностями, только покажи, как ты умеешь работать, на тебя сразу столько нагружают, что спина согнется. А не справишься — и премия, и тринадцатая зарплата улетят от тебя далеко-далеко — туда, откуда не возвращаются. А в это время другие, кто не лез в передовики, не хвастал своими способностями, все, что полагается, получат.

Я молчал — слишком все было неожиданно.

— Молчишь? Правильно, лучше послушай опытного человека. Я ведь говорю тебе об этом потому, что ты еще молод, многого не понимаешь. Так вот, не строй из себя комплексную бригаду. Ты — рядовой работник. С тебя спрос невелик. И еще одно запомни. Сейчас к тебе относятся хорошо. Пока. Потому что думают, что ты нормальный человек. А начнешь лезть на глаза, показывать, какой ты умный и деловой, как много ты умеешь, начнут к тебе относиться по-другому. Ты пока еще особых глупостей не наделал, но я хочу предупредить тебя заранее. Ведь нам вместе работать. Подумай обо всем еще раз.

Он положил трубку. Старший посоветовал, я и задумался. Выходит, на работе надо свои способности прятать так, чтобы никто о них не догадывался? Но не значит ли это то, что называется — зарывать талант в землю? Если у человека есть способности, для чего их прятать? Почему не замахнуться на большее? Работы я не боюсь, очень интересно попытаться делать что-то, чего раньше не умел, что не выходило. И почему это должно испортить мои отношения с людьми на работе? Может, «Смена» поможет мне разобраться в этих вопросах?

Р. ОГИНСКАС,
Вильнюс

Виктор ШЕПЕЛЬ,
доктор философских наук,
профессор
Академии общественных наук
при ЦК КПСС

Молодые рабочие получают выговоры за... хорошую работу, инициативу и добросовестность... Опытный электрик из Минска прямо говорит ученику: «Зачем стараешься? Хочешь обнаружить, что у нас нормы заниженные?» Мораль другого немолодого работника еще проще: кто не лезет в передовики — тот тоже внакладе не останется.

Грустные, тревожные факты...

Хорошо, что ребята поделились с редакцией «Смены» тем, что беспокоит. Правда, возникает такой вопрос: почему они не обратились с этим к товарищам, в комсомольскую организацию? Надо уметь опираться на ближайших друзей, на товарищей, на свой коллектив, ведь вопросы, которые волнуют тебя, могут волновать и окружающих. А сообща легче искать и решение.

На мой взгляд, в каждом человеке есть желание полностью раскрыть свои способности. А способности каждого настолько богаты, что мы порой даже не подозреваем о границах человеческих возможностей. Но способности раскрываются и развиваются только в настоящем деле, требующем полного напряжения сил и ума.

Известный хирург, академик Ф. Г. Углов свидетельствует, что среди долгожителей не зарегистрировано ни одного лентяя. Мне представилась возможность ознакомиться с результатами обследования долгожителей Абхазии, и могу твердо сказать: они не просто трудолюбивые люди — они увлечены своей работой. Я видел, с каким азартом и одновременно с сосредоточенностью глубокий старик подрезал лозы винограда! А ведь для кого-то это скучнейшее и нудное дело.

Причем все сказанное относится не к одним лишь жителям отдаленных селений. В Баку живет и здравствует 109-летний Савалан Касумов. В город он переехал в 65-летнем возрасте и тогда же поступил рабочим на Бакинский механический завод. «Не мыслим дня без дела» — вот кредо Касумова.

Задумывались ли «советчики» Пильника и Огинскаса над этим? Смотрели на жизнь с этой точки зрения? Думаю, пока им это не приходило в голову.

сти старших товарищ за свое поведение и на производстве и вне его. Всегда ли, общаясь с молодежью, они проявляют уважение к своему рабочему званию? Лень, нетактичность, равнодушие к делу — все это не может не оказать влияния на психологию молодого рабочего. Но выход есть. Надо научиться создавать в коллективе атмосферу общественного признания незаурядных людей, истинных лидеров, чтобы молодежь равнялась именно на них, впитывала их отношение к работе.

Заметим, что упомянутые негативные факты чаще встречаются там, где царит индивидуальная сделка, где не основаны коллективные формы организации и стимулирования труда. При индивидуальной работе все или почти все зависит от одного человека — как он захочет трудиться, так и будет. И материальные стимулы действуют здесь далеко не всегда — иному достаточно скромного заработка за работу вслопы.

Тем и хороша бригадная форма труда, что предъявляет жесткое требование каждому: работай честно. Бригадные формы повышают общую заинтересованность работников в эффективном труде. Так, при опросе работников восьми уральских заводов 80 процентов ответили, что коллективная форма труда заставляет их более активно искать пути улучшения своей работы.

Но и эта форма еще не гарантирует человеку полное развитие его способностей, если он сам этого не хочет. Очень многое зависит от самой личности. От чувства ответственности, собственного достоинства, силы воли.

Становление человека — процесс сам

утомился, скажем так. Они прекрасно поняли бы предложение отправиться за грибами, ягодами, жарить шашлык, на конец. Но ехать просто так, ни за чем?! Это же просто неразумно. Непрактично.

А если задуматься серьезно: почему же неразумно? Невыгодно — да. Такая поездка не принесет сиюминутной утилитарной выгоды. Но ведь наверняка будет полезной по большому счету. Поэтому что люди смогут отвлечься от текучки, полюбоваться природой, что всегда действует на человека одухотворяюще, вдыхает в него новые силы, помогает по-новому увидеть своих коллег, открыть в них что-то доселе не замеченное.

Речь не о том, чтобы всем немедленно броситься в лес любоваться осенью, весной или зимой. Речь о том, что не увлекаемся ли мы слишком часто поисками немедленной выгоды тогда, когда стоит говорить о пользе в высоком смысле этого слова. Стремиться к большим делам, к работе, приносящей подлинное удовлетворение, полезно для человека. Это стремление обогащает жизнь, наполняет ее смыслом и достоинством, дает возможность прочно стоять на ногах, не бояться будущего.

И я, например, уверен, что жизнь Николая Груздева куда привлекательнее, интереснее, чем у тех «учителей жизни», о которых написали молодые читатели журнала.

Можно уклониться от работы сегодня, увиливнуть завтра, можно постоянно прятаться за спины других... Только что это даст? Разве полезно это для настоящей жизни? Куда потом девять нерастраченные силы? Задуматься об этом нужно, конечно, сразу, пока есть где развернуться, показать себя. А показать себя в настоящем деле — это естественное и здоровое желание человека. Давить его в себе — значит вредить себе.

Конечно, вопрос о том, на каком уровне самоотдачи должен трудиться человек, — непростой вопрос. Наивно сводить все только к самосознанию. В становлении личности велика роль коллектива, его морально-психологического климата, роль общественного мнения. И потому каждой комсомольской организации необходимо знать, какой микроклимат складывается в трудовых коллективах. И не просто знать — и оказывать реальное влияние на его формирование.

Огромное значение имеет вовлечение молодых в общественную деятельность. Исследования показывают, что в тех коллективах, где молодые люди активно привлекаются к общественной работе, их отношение к труду значительно ответственнее, более зрелое.

Наша практика подтверждает и непрерывющую роль наставничества в деле становления личности. Горько, когда встречаются такие наставники, как у Сергея Пильника. Что можно посоветовать в таких случаях? Не проявлять робость в отстаивании своих взглядов.

Конечно, это непросто. Требуется постоянная трезвая самооценка своих действий, умение их контролировать. Скромность и самокритичность должны сочетаться с личным достоинством, основаным на сознании действительной ценности своей личности, своего труда на общую пользу. Принципиальность — одно из ценнейших качеств, придающих характеру деятельную направленность.

Волевые качества можно воспитывать. И. П. Павлов подчеркивал, что человек — это единственная система, которая способна регулировать сама себя в широких пределах, то есть сама себя совершенствовать. Главное — с юного возраста тренировать волю, самообладание, активность, смелость. Да, это трудно. Но только так можно стать настоящим человеком, личностью. Человеком не прозябающим, а живущим в полную силу, уважающим себя, уважаемым людьми.

ПОЖНЕШЬ СУДЬБУ

ненную муку, задавил в себе творческое начало, радость труда...

Время, связанное с работой в коллективе — самый продолжительный отрезок в жизни человека. И самый лучший, самый плодотворный. Когда человек способен утолить свойственные каждому жажду самовыражения, самоутверждения.

Зачастую мы любую группу совместно работающих людей считаем трудовым коллективом. Однако кооперация труда — это лишь объективная предпосылка для создания нравственно здорового коллектива. А каким он будет — зависит от каждого из нас. Своими индивидуальными качествами, талантами люди обогащают потенциал трудового коллектива, и потому любой коллектив заинтересован в талантливых и даровитых людях. Вот что следует помнить и не пугать коллектив с отдельными его представителями. «Затирание» индивидуальности равносильно потере творческого начала в трудовом коллективе, а без такого начала нереальны истинные успехи, достижения. Ведь успех любого дела зависит от людей.

Бригада, компания товарищей, каждая социальная ячейка влияют на настроение человека, формируют его представление о жизненных ценностях. Это естественно. Но бывает, когда тон в коллективе задают люди не с лучшими нравственными ориентирами. Их влиянию чаще всего поддаются молодые работники или слабохарактерные, несамостоятельные. И потому очень остро встает вопрос о личной ответственно-

по себе очень сложный. Он не может протекать в «стерильных» условиях...

Время, связанное с работой в коллективе — самый продолжительный отрезок в жизни человека. И самый лучший, самый плодотворный. Когда человек способен утолить свойственные каждому жажду самовыражения, самоутверждения.

Зачастую мы любую группу совместно работающих людей считаем трудовым коллективом. Однако кооперация труда — это лишь объективная предпосылка для создания нравственно здорового коллектива. А каким он будет — зависит от каждого из нас. Своими индивидуальными качествами, талантами люди обогащают потенциал трудового коллектива, и потому любой коллектив заинтересован в талантливых и даровитых людях. Вот что следует помнить и не пугать коллектив с отдельными его представителями. «Затирание» индивидуальности равносильно потере творческого начала в трудовом коллективе, а без такого начала нереальны истинные успехи, достижения. Ведь успех любого дела зависит от людей.

Бригада, компания товарищей, каждая социальная ячейка влияют на настроение человека, формируют его представление о жизненных ценностях. Это естественно. Но бывает, когда тон в коллективе задают люди не с лучшими нравственными ориентирами. Их влиянию чаще всего поддаются молодые работники или слабохарактерные, несамостоятельные. И потому очень остро встает вопрос о личной ответственно-

В

начале прошлого лета я прошел прекрасную неделю в Ленинграде. Каждое утро, добравшись до Дворцовой площади, я проходил наискосок через скверик у Зимнего и оказывался на Дворцовой набережной. До открытия Эрмитажа оставалось еще много времени, но от главного входа в Зимний вдоль дворца уже тянулась длинная очередь. Подсчитано, что сейчас Государственный Эрмитаж посещают за год более трех с половиной миллионов человек.

Однако еще задолго до того, как главный подъезд Зимнего пропустит первых утренних посетителей, со служебного входа в Эрмитаж входят те, для кого он не просто музей. Тысяча двести штатных сотрудников да еще около двухсот, работающих на договоре, — вот коллектив этого уникального учреждения. Более пятисот научных сотрудников, из них 170 — хранители фондов, сто пятьдесят экскурсоводов, реставраторы, лаборанты разной специализации, методисты, столяры, плотники, сотрудники милиции, пожарной охраны, дежурные в залах, гардеробщики, киоскеры — трудно перечислить все профессии, которые так или иначе связаны с работой Эрмитажа.

С цифр началась и моя беседа с директором Эрмитажа академиком Борисом Борисовичем Пиотровским.

— Установлено, — сказал он, — что если на знакомство с каждым хранящимся у нас экспонатом потратить всего пять минут, то просмотр всей коллекции Эрмитажа потребует более двадцати лет при условии, что

человек будет ходить к нам ежедневно и проводить тут по восемь часов кряду.

Государственный Эрмитаж не только музей и даже не столько музей, сколько крупнейшее научно-исследовательское и научно-просветительное учреждение, где изучается культурное наследие прошлого.

Фонды музея постоянно пополняются. Эта работа ведется по определенной системе. Расширяются наши фонды и путем закупок произведений искусства и исторических реликвий у населения, а также за счет даров Эрмитажу. Кроме приобретения через закупочную комиссию музея, ежегодно в разных районах страны работают по несколько наших собственных археологических экспедиций, которые передают в коллекцию Эрмитажа свои новые находки. Немало экспонатов поступает к нам из экспедиций, проводимых различными научно-исследовательскими и учебными институтами страны.

Эрмитаж — крупнейший хранитель культурных ценностей. Его живописная коллекция не уступает коллекциям Лувра и Британского музея. Зато по универсальности собрания памятников культуры от первобытнообщинного строя до конца XIX века, от археологических находок до живописи и прикладного искусства ему нет равных в мире. Все эти сокровища нужно систематизировать, определить время и место изготовления, реставрировать. Экспонаты, как люди, стареют, болеют. Требуются постоянный уход и забота, чтобы они не погибли, чтобы были сохранены для будущих поколений.

Фонды Эрмитажа полны загадок, которые ждут своего объяснения, со-

держат немало исторических тайн, которые надо изучить и объяснить.

И, естественно, одна из главных наших задач — наиболее, так сказать, внешне зримая и ощущимая, — эстетическое воспитание людей, популяризация тех исторических и культурных ценностей, которые собраны и хранятся в нашем музее. Дело это совсем непростое. Ведь экспозиция должна быть подобрана так, чтобы, с одной стороны, она достаточно полно отражала и раскрывала определенную тему, а с другой — была доступной и понятной посетителям. У нас проводятся тематические и обзорные экспозиции, наши сотрудники выступают с лекциями как в Эрмитажном лектории, так и на предприятиях Ленинграда, области, в других городах страны. Мы выпускаем путеводители по Эрмитажу на нескольких языках, буклеты, каталоги временных выставок.

Изложенный выше рассказ Пиотровского я суммировал воедино из четырех наших бесед, которые велись в его кабинете. Если этот рассказ выглядит несколько суховато, то это моя вина: я выкистал из разговора только информативную часть, опустив эмоции и отступления, которые в принципе тоже несли информацию о внутренней, я бы сказал, незаметной со стороны, деятельности Эрмитажа.

Каждый раз время для очередной нашей беседы назначал сам Пиотровский, выкраивая для этого свободное «окно» в своем напряженном рабочем распорядке. И все-таки в полном смысле свободным такое «окно» можно было назвать лишь условно.

Раз секретарь подала Пиотровскому

какую-то бумагу. Он молча читает и тут же, возмущенный, обращается ко мне:

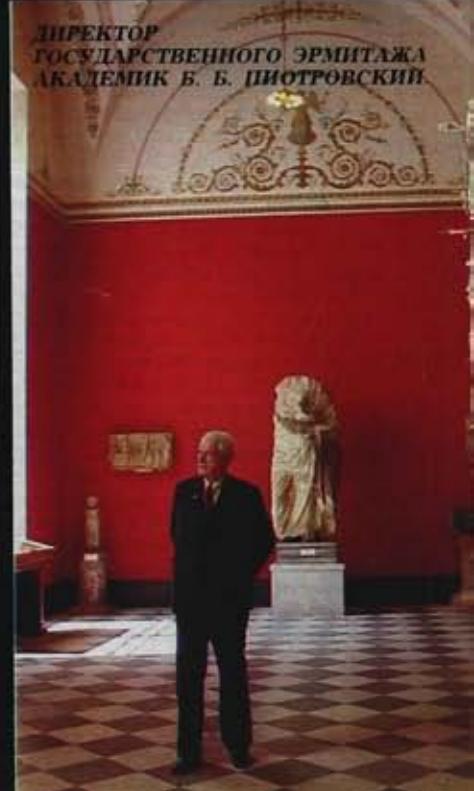
— Ну что вы скажете? Вот требуют в однодневный срок убрать ящики из коридоров около лабораторий. А куда, спрашивается? В кабинетах и без того тесно. Знаете, чтобы по настоящему развернуть экспозицию и создать нормальные условия для работы, нам не хватает тысяч сто квадратных метров площади. Жить во дворце тяжело, работать — тем более. Можете представить: в центре нашего комплекса находятся столярные мастерские и сушилки для досок, необходимых для различных реставрационных работ. В настоящее время принято решение о генеральной реконструкции Эрмитажа, расширении его площади. Кроме постройки здания для технических служб, предусматривается передача нам двух соседних жилых домов по Дворцовой набережной.

— А может быть, Эрмитаж слишком перегружен и часть его фондов следовало бы передать другим музеям, другим городам?

— Этого ни в коем случае нельзя делать. Хотя на первый взгляд такое решение кажется разумным. Сейчас в наших залах выставлено 2316 картин из 16 тысяч, числящихся в фондах, 1585 графических работ из 622 тысяч, 1272 скульптуры из 12 тысяч, 2244 предмета нумизматики из более чем миллиона имеющихся. Как видите, большая часть наших фондов — в запасниках, кладовых, рядовой посетитель их не видит. Ну и раздать бы все другим музеям! Но! Эрмитаж — научное учреждение. Допустим, кто-то решил исследовать историю производства Гарднеровского фарфора в России. Для этого нужно просмотреть

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

ЭРМИТАЖ СО С

И МОЛОТОК
И ИНФРАТЕЛЕКАМЕРА —
ВСЕ ЭТО ИНСТРУМЕНТАРИЙ,
ПОМОГАЮЩИЙ СОХРАНИТЬ
ДЛЯ ЛЮДЕЙ ШЕДЕВРЫ
МИРОВОГО ИСКУССТВА.

все образцы, выпускавшиеся в разные периоды фарфоровым заводом села Вербилки под Москвой. А это тысячи предметов. Простому же посетителю достаточно и ста штук, чтобы получить представление об этом знаменитом производстве. Рассевивание запасников по разным музеям обесценивает научно-исследовательскую ценность фондов, затрудняет работу по изучению культуры России. Так что утверждения, будто в наших клаудовых хранятся много ценных экспонатов, которые недоступны посетителям, беспочвенны. Самые ценные картины, скульптуры, предметы прикладного искусства находятся в экспозиции. В запасниках хранится то, что представляет интерес для специалистов.

Однажды Пиотровский сказал:

— Сегодня я езжу в Москву на заседание Президиума Академии наук ССР. Все знают, что в Ленинграде я должен вернуться в понедельник, но приеду я в субботу. Вот в воскресенье утром с вами и встретимся. А до того повстречайтесь с нашими сотрудниками.

Вулкан, Купидон и другие...

Доктор искусствоведения Ирина Владимировна Линник считается в Эрмитаже чемпионом атрибуции. В буквальном переводе слово «атрибуция» означает «приписать», а если более подробно, то это — установление автора художественного произведения, времени и места его создания на основании анализа стиля, иконографии, сюжета, техники, а также исходя из результатов физиче-

ских, химических и других исследований. Пожалуй, можно сказать, что атрибуция — это возвращение произведению искусства его настоящего имени и родословной. Так вот, на счету Ирины Владимировны более 250 таких произведений.

— Как это делается? — спросил я ее при встрече.

— В принципе все очень просто: нужно иметь большие знания в определенной области искусства, хорошую зрительную память и ассоциативное мышление... Вот свежий пример. Просматриваю сегодня утром в нашей научной библиотеке сборник «Знаменитые итальянские рисунки в Берлинском кабинете графики», изданный в Италии в 1979 году, и вдруг вижу: под номером 71 помещен рисунок «Кузница Вулкана» (перо, кисть, сепия) итальянского художника конца XVI — начала XVII века Франческо Морадзона. И рядом — подробное описание рисунка и достоверное подтверждение, кто его автор. Чувствую, что я это уже видела, не рисунок — картину, масло. Где? Мучилась — вспомнила: в 1965 году в Будапеште. Беру у нас книгу сrepidукциями собрания этого музея и нахожу там «Кузницу Вулкана», автором которой считается немецкий художник Матеус Гунделах, живший примерно в одно время с Морадзоне. Почему произошла ошибка? Оба художника были маньеристами, придерживались одного стиля, к тому же Морадзона по манере письма был более похож на немецкого, чем итальянского художника. Наверное, его картина была неподписанной, и те, кто атрибутировал ее, вполне логично приписали Гунделаху. Однако, видимо, еще при жизни художника с нее

был сделан точный рисунок, к тому же в списке картин художника числилась и «Кузница Вулкана». Публикуя сборник рисунков, итальянцы не знали судьбу картины и ее местонахождение. Венгры же не догадывались, что рисунок с нее хранится в Берлине. Тут было необходимо, чтобы один человек видел и то и другое. Теперь вот напишу в Будапешт, порадую венгров: Морадзона — известный художник, им будет приятно, что его картина есть в их коллекции.

Обычно атрибуция — направленный поиск, чаще всего чрезвычайно трудоемкий, требующий много времени и терпения, но, поверьте, очень увлекательный. «Неизвестный художник» — такое обозначение под картиной могло появиться по самым разным причинам. Например, живописцы XIV века почти никогда не подписывали свои работы, потому что тогда художник не стремился утвердить себя как личность, а его картина — чаще религиозного характера — считалась данью богу.

В XV—XVI веках подписи авторов уже встречаются, хотя все равно довольно редко. Позже подписи стала правилом для законченных, считавшихся удачными работ. И только в XIX веке художники подписывают все свои произведения. Были и другие причины, почему картина теряла имя творца. Подпись художника могла просто стереться или быть отрезанной вместе с частью полотна. Иногда ее нарочно заменяли фальшивой, более «громкой». Всякое могло случиться за долгую жизнь картины. Ведь порой с момента ее создания художником проходят сотни лет. Так что, когда такое «безымянное» произведение попадает в музей, в первую очередь делается все возмож-

ное, чтобы возвратить ему имя автора.

Среди моих собственных атрибуций есть наиболее дорогие мне. Несколько лет назад житель города Таллина предложил нам купить имеющуюся у него картину «Оплакивание тела Христа», принадлежавшую якобы художнику испанского художника Франческо Рибальты. Мне показали фотографию с картиной. Ее композиция, манера исполнения точно повторяли давно известный рисунок Жака Белланжа, находящийся в Музее изящных искусств города Дижона. Было ясно, что дижонский рисунок является эскизом той картины, которая предлагалась Эрмитажу. И предстояло определить: является ли таллинская картина оригиналом мастера или только ее копией?

По моей просьбе картину привезли в Эрмитаж. Выглядела она малопривлекательно: без подрамника, свернутая в рулон, она была сильно загрязнена, закопчена. Видимо, долгие годы она висела в какой-то церкви и прихожане ставили перед нею, как перед иконой, свечи. И все-таки при внимательном рассмотрении даже сквозь слой грязи, многократные лаковые покрытия можно было увидеть, что автор — незаурядный живописец. Между тем, по многочисленным свидетельствам современников Белланжа, известно, что он был замечательным художником.

Так вот. Таллинская картина была приобретена Эрмитажем. Реставрировала ее мастер высшей квалификации Татьяна Дмитриевна Чижова. После долгого, кропотливого труда полотно совершенно преобразилось. великолепная живопись снова увидела свет. Теперь эта картина Белланжа украшает экспозицию французского

СЛУЖБНОГО ВХОДА

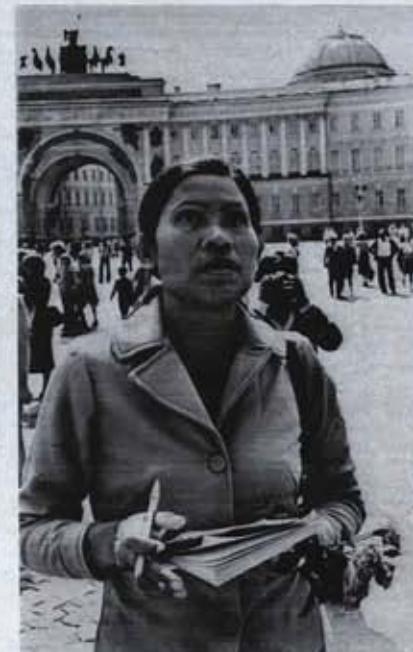
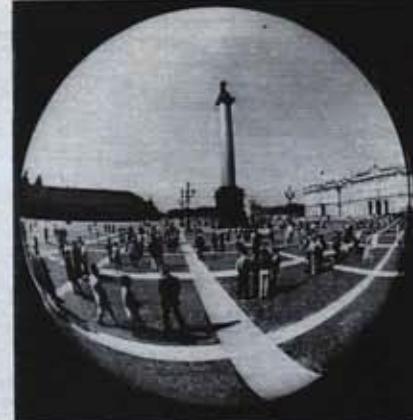

ВИСЯЧИЙ САД ЭРМИТАЖА.

РЕСТАВРАТОР, ИСТОРИК, ХУДОЖНИК
ПОДСАС — ХИРУРГ.
А ЕГО «ПАЦИЕНТЫ» — И ПОЛОТНА
ВЕЛИКИХ ЖИВОПИСЦЕВ,
И СКУЛЬПТУРЫ, И ДРЕВНЯЯ УТВАРЬ.

искусства Эрмитажа. Кстати, это самая совершенная из сохранившихся работ художника...

— Ирина Владимировна, кроме дижонского рисунка, существуют иные доказательства, что это именно Жак Белланж?

— Разумеется. Рисунок только подал мысль, но я искала и другие доказательства. В правой части картины «Оплакивание тела Христа» — поясной портрет мужчины, за которым, склонившись, стоит другой, одетый в кардинальскую мантию. Этот второй покровительственно положил свою руку на плечо первого. В кардинала легко узнать святого Карла Боромея. Канонизирован он был сразу после смерти, поэтому сохранилось множество его портретов — с характерным носом, — сделанных как при жизни, так и сразу же после смерти художниками, которые его хорошо знали в лицо. По этим картинам знаем его и мы.

Далее, правитель Лотарингии герцог Карл Лотарингский считал святого Карла Боромея своим покровителем. В те времена любили дарить церквам картины религиозного содержания. Причем донатор, даритель картины, заказывая ее художнику, требовал обычно, чтобы на полотне была изображена и его собственная персона, дабы ни бог, ни церковь не забывали о его благом поступке. Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что на полотне — портрет Карла Лотарингского, придворным художником которого был Жак Белланж. Отсюда логично заключить, что «Оплакивание тела Христа» как раз и принадлежит кисти последнего. Конечно, можно было бы допустить, что у нее другой автор. Однако в ту пору в Лотарингии и близлежащих к ней землях не было художника столь высокого мастера...

Двести пятьдесят атрибуций — и за каждую своя история, порой сенсационное открытие. К последним с полным правом можно отнести установление авторства знаменитого голландского живописца XVII века Франса Хальса в картинах «Святой Матфей» и «Святой Лука» из собрания Одесского музея западного и восточного искусства, где они числились работами неизвестного художника.

СКОЛЬКО СТОИТ РУБЛЬ?

Отдел нумизматики по числу хранимых предметов занимает первое место в Эрмитаже — более миллиона ста тысяч

СО ВСЕХ КОНЦОВ СВЕТА — В ЭРМИТАЖ.

монет, орденов, медалей — являясь одним из крупнейших в мире собраний. Возглавляет его Всеволод Михайлович Потин.

— Всеволод Михайлович, говорить о нумизматической коллекции Эрмитажа все равно, что пытаться обнять необъятное. Может быть, остановимся только на наиболее интересном?

— В нумизматике все интересно. За каждой монетой — история...

— А если из них выбрать «самые-самые»? Допустим, самые-самые редкие монеты, самые большие или, наоборот, самые маленькие?

— В коллекции Эрмитажа хранятся деньги разных времен и народов — от примитивных «товароденег» в виде раковин каури, кусков соли, металлических прутьев до золотых, серебряных, медных монет Древней Греции, Византии, Рима, средневековой Европы, металлических монет, бумажных банкнот современных государств.

Самые большие по размеру металлические монеты в нашем собрании — шведские плоты (плиты) достоинством в восемь далеров и весом в 16 килограммов. Самые маленькие — западноевропейские (в основном немецкие) серебряные, весом всего в несколько десятых грамма. Их, можно сказать, не чеканили, а штамповали одним ударом из полуженных друг на друга нескольких слоев тонкой серебряной жести. Поэтому у верхних монет рисунок штампа был виден хорошо, у нижних был смазан. Эти монеты настолько легки и тонки, что внешне чем-то напоминают рыбью чешую. Кстати, это часто приводит к потере очень важных с исторической точки зрения кладов. Несведущие люди, найдя их, считают, что такие старинные монеты не представляют ценности.

Настоящей жемчужиной нумизматической коллекции Эрмитажа является дирхем, отчеканиенный в 195 году Хиджры (810—811 год по европейскому календарю) в память пятидесятилетия Умржавад Зубайды, двоюродной сестры и жены знаменитого Харуна аль Рашида. Она славилась поэтическим даром и широкой благотворительностью. Предание приписывает ей основание ряда городов, устройство водоемов и караван-сараев на пути из Багдада в Мекку.

Естественно, наиболее полна по подбору наша коллекция русских монет, украшение которой являются древнейшие русские монеты — златники и серебренники рубежа X—XI веков. Из десяти известных в мире златников семь хранятся в Эрмитаже.

кам, и трудно проследить, что, откуда и почему пришло.

Другое дело клад, да если он еще целиком сохранен.

В 1961 году к нам в Эрмитаж пришел пенсионер Коньков и сообщил, что у его соседей есть небольшая серебряная монета, которую они получили от родственников из деревни Колголема, что стоит на реке Паши в Приладожье. Услышав это, я сразу же беру командировку и мчусь в эту самую неизвестную мне Колголему. Дело в том, что в 1934 году на одном из притоков реки Паши близ деревни Вихмязь два охотника, раскапывая нору барсука под полуистлевшим пнем огромного дерева, наткнулись на большой бронзовый котел, наполненный мелкими серебряными монетами — денариями X—XI веков, чеканенными в различных государствах Европы — от Англии до Венгрии и от Швеции до Италии. Кроме более чем 13 тысяч европейских монет, в Вихмязьском кладе было также некоторое количество восточных (куфических) и византийских монет. Среди европейских денариев были обнаружены ранее вообще неизвестные. После кропотливой атрибуции было определено, что одна монета носит имя голландского графа Флоренция I, правившего в 1049—1061 годах.

Казалось бы, что особенного? Но находка денария Флоренция I на полтора столетия передвигала дату начала голландской монетной чеканки. А это уже было принципиальным с исторической точки зрения уточнением. Дело в том, что в средневековой Европе далеко не каждое княжество, герцогство, а уже тем более графство чеканило свою собственную монету. Чеканка денег говорила прежде всего о довольно высоком экономическом развитии государства и его самостоятельности. Ранее, до вихмязьской находки, Голландия XI века таковым развитым государством не считалась. Между прочим, наше открытие произвело сенсацию и в самих Нидерландах, ведь там, как ни странно, монет Флоренция I нет.

Так вот, приезжаю я в Колголему и узнаю, что весной во время посадки капусты там случайно выпахали котел с несколькими тысячами монет. Весна в тот год выдалась сухой, и тракторы можно было пустить даже по вечно сырой низинке, где раньше никогда не пахали. Увидев впервые в жизни такое множество серебряной «чешуи», овощеводы честно поделились находкой между собой, а вернувшись с работы в деревню, стали одаривать монетами односельчан. К моменту моего приезда со времени находки прошло уже несколько месяцев, и все-таки мне удалось собрать по домам четыре с половиной тысячи монет. Были среди них и денарии Флоренция I, что говорило о род-

ственности обоих кладов на реке Паши: ведь расстояние между ними было всего восемь километров. Известно, что в XI веке эти земли принадлежали Новгороду, что тут проходили торговые пути из европейских и азиатских стран в древнейшее Русское государство.

Доктора от всех болезней

Ничто так не старит человека, как годы. И вещи—произведения искусства в том числе—подвластны этой же закономерности. Время—а с ним в одной упряжке еще и солнце, вода, холод, тепло, ветер—подтачивает их здоровье, заставляет болеть, дряхлеть, ведет к гибели. Мое желание несколько одушевлить неодушевленные предметы появилось после знакомства с реставраторами Эрмитажа, для которых, как мне показалось, все попадающие в их руки и нуждающиеся в помощи вещи становятся как бы живыми пациентами, пришедшиими на прием к врачу. После успешного «лечения», когда отреставрированные предметы становятся экспонатами, реставраторы и вовсе причисляют их к любимым детям, которых они, несмотря ни на какие трудности, все-таки вывели в люди.

Реставрационное дело в России зародилось практически с рождением Эрмитажа.

Основателем национальной школы реставрации можно считать Андрея Федоровича Митрохина, поступившего в Эрмитаж в 1797 году в качестве художника «для смотрения за картинами». В те же годы по инициативе хранителя Эрмитажной картинной галереи Ф.И.Лабенского была организована первая в Европе школа художников-реставраторов, которую с 1819 по 1845 год возглавлял А.Ф.Митрохин. Разработанная им методика укрепления, дублирования и перевода живописи с одной основы на другую с применением нового для XIX века материала—осетрово-медового клея,—развитая его учениками, передавалась из поколения в поколение.

Сейчас в Эрмитаже работают 80 реставраторов, которые восстанавливают около четырех тысяч предметов в год. Сколько разнообразен их труд, можно судить даже по названию подразделений: лаборатории научной реставрации графики, станковой, монументальной живописи, лаборатории реставрации скульптуры и консервации камня, реставрации цветного камня, тканей, предметов прикладного искусства, сто-

авторскую живопись, а также проявление симптомов серьезного заболевания.

Шедевр Джорджоне за долгую свою жизнь перебывал во многих руках, и судьба его оказалась трудной. Первоначально картина была написана на створке шкафа, а не на специально подготовленной для этого доске. Один из прежних ее владельцев распорядился присоединить к ней часть пейзажа. Кто-то обвел все кирпичики и травинки золотом. Две глубокие крест-накрест борозды полоснули по шее Юди. Десятки раз живопись подновлялась, покрывалась лаком. Позже, по моде, существовавшей в конце XVIII—начале XIX века, на картину нанесли желтый, специально подцвеченный лак. Короче, изначальная живопись Джорджоне затерялась под многочисленными наслойлениями лака, дорисовок, пыли и грязи, утратила свою объемность и глубину. В 1898 году в связи с разрушением деревянной основы красочный слой «Юди» был переведен на холст. И хотя известный реставратор Эрмитажа А. Сидоров выполнил эту операцию блестяще, спасенная картина добавила хлопот: как всяко «переводное» полотно, оно болезненно реагировало на тепло и влагу.

И такой «хроник» по решению реставрационной комиссии Эрмитажа был в марте 1967 года передан Александре Михайловне Маловой, мастеру высшей квалификации, имевшей в то время двадцатипятилетний стаж и немалый список ответственнейших работ. Ей предстояло расчистить авторскую живопись, которая, по данным обследования, к счастью, хорошо сохранилась. Для этого ей нужно было снять многочисленные пленки лака, всякие «подновления» и «освежения» красочного слоя, сделанные другими авторами.

Насколько ответственной была эта работа, можно судить хотя бы по тому, что вскоре после начала ее пришлося приостановить. Несколько известных советских художников заявили протест против реставрации «Юди», опасаясь за судьбу замечательного произведения. Целый год длились новые исследования и консилиумы искусствоведов, художников, реставраторов, которые изучали и сравнивали уже расчищенные участки картины со старыми, пока не было решено продолжить реставрацию.

«Юди» прибыла из Парижа в Петербург в 1772 году и навсегда поселилась в Эрмитаже. Уже тогда почтенный возраст картины заставил специалистов внимательно присмотреться к ней. Они отметили вторжение чужой кисти в

Трудоемкая работа длилась два с половиной года. Из них более десяти месяцев Маловой пришлось провести за микроскопом со скальпелем в руках, отвоевывая у более поздних наслойений один квадратный миллиметр джорджоневской живописи за другим.

Труд Александры Михайловны Маловой высоко оценили видные отечественные и зарубежные специалисты. Шедевр, возрожденный к новой жизни ее руками и терпением, стал одним из выдающихся в экспозиции Эрмитажа.

Однако порой хочется узнать о самом процессе работы, о том, как это делается.

Алексей Вячеславович Брянцев—старший художник-реставратор высшей квалификации—работает в Эрмитаже с 1951 года. Был экскурсоводом, старшим методистом. В 1957 году перешел в реставрационные мастерские. Сколько полотен пришлось восстановить с тех пор, он не знает, ибо специально учет не ведет, а запоминаются только наиболее сложные. К таким он относит отреставрированные недавно две картины Винсента Ван Гога «Арена в Арле» и «Арльские дамы». На первую он потратил полгода, на вторую—одиннадцать месяцев.

— Отчего так трудно дался вам Ван Гог? — спрашиваю Брянцева.

— Это очень «неудобный» для нас, реставраторов, художник. И по манере письма, и по тому, на чем он работал. Видите ли, обе картины были написаны на джутовом основании, а такой холст быстро ветшает. Но откуда у бедного Ван Гога деньги на прочные, но более дорогие льняные?

Короче, мне надо было приkleить обе картины к новым холстам. Для этого сначала следовало законсервировать живопись. Дело это в принципе простое, но кропотливое. Осетрово-медовым kleem смазывается небольшой, в пять—десять квадратных сантиметров, кусочек картины, покрывается в несколько слоев папиросной бумагой. Поглаживая это место теплым утюжком, можно добиться, что клей заполнит трещинки, проникнет на всю глубину красочного слоя и грунтков. И когда от тепла влага испарится, краски окажутся связанными между собой и с грунтом. Потом я растигнул картину на раме и провел консервацию тыльной ее стороны. Далее полотно было наложено на проклеенный и отшлифованный новый льняной холст и прижало к нему на специальном вакуумном столе.

Когда оба холста хорошо «хватились», осталась самая занудливая, чрезвычайно трудоемкая и исключительно утомительная работа, настолько испытание внимания и нервов: удаление kleя и грязи с поверхности живописи. Когда я укреплял красочный слой, клей проник во все трещинки, между слоев краски, и теперь каждый мазок оказался покрытым высохшей желатиной. И вот предстояло снять ее, и все предыдущие наслойния грязи, накопившиеся за долгую жизнь картины. Работать пришлось с пятикратной бинокулярной лупой—«намордником». Выдавливали в воде бамбуковые и сосновые щепочки и горячими притирали мазки, снимая таким способом хоть чуть-чуть желатину. Затем на те же щепочки наворачивали ватные тампончики, мочили их в горячей воде, тер о «Детское» мыло и опять отмывали живопись от желатины и грязи. И так каждый мазок, со всеми их, мазков, изгибами и скульптурой. Под конец дня голова раскалывалась от боли... И так полгода изо дня в день. После реставрации полотен Ван Гога я много месяцев старался брать рабо-

СОТРУДНИК ЭРМИТАЖА.
ЭТО ЗВАНИЕ,
КОТОРЫМ
СЕГОДНЯ
ГОРДЯТСЯ ЛЮДИ
САМЫХ РАЗНЫХ
ПОКОЛЕНИЙ—
И ВЕТЕРАНЫ,
И МОЛОДЫЕ.

В МАСТЕРСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ИСКУССТВА
ОБРЕДАЮТ
НОВУЮ ЖИЗНЬ.

ту, не требующую напряжения зрения.

Жизнь с Эрмитажем

И настало воскресное утро, когда я снова встретился с Пиотровским. Спросил Бориса Борисовича, правда ли, что еще пионером он занимался в школьном историческом кружке при Эрмитаже.

— Не совсем так. Я действительно впервые попал в Эрмитаж лет четырнадцати, но никаких кружков тогда не было. «Заболел» Древним Египтом я раньше, еще на «Крыше».

— Где?

— На «Крыше». Так раньше называлась — да и сейчас называется — ресторан под стеклянным куполом гостиницы «Европейская».

Мне придется сделать небольшое отступление. Не возражаете? Мои родители по профессии — педагоги. Отец вел курс математики и механики в высших учебных заведениях, мама — гуманитарные науки. В 1915 году отца перевели в Оренбург. Там нашу семью и застала революция. Когда в 1919 году из Оренбурга были выбиты белые, отец вернулся в Петер и через год выехал к себе и нас.

В стране свирепствовал голод, и всю дорогу — а ехали-то целый месяц — пришлось питаться только пропасенными сухарями да морковным чаем. И вот после месяца голода и холода мы попадаем в нереальный

мир: ковры, зеркала, хрусталь, бронза. Отец поступил преподавателем в карантинно-распределительный пункт для беспризорных детей, и нашей семье выделили там, в бывшей гостинице «Европейская», двухкомнатный «люкс» на втором этаже. Все сверкает, блестит, потрясает. Беспризорники и их учитель живут в номерах, «школа» разместилась в бывшем ресторане. Через его огромный зал со стеклянным куполом были натянуты канаты, на них повесили персидские ковры, поделив таким образом всю площадь на отдельные «классы». Во время уроков ученики восседали в роскошных креслах за ресторанными столиками. Ковры, по идеи, должны были глушить шум. Но в «классах» и так было тихо. Необычная обстановка повергла бывших бездомников в состояние шока. Вчерашние карманники и шпана тут не хулиганили и не воровали. В одних «классах» с ними учились и дети преподавателей.

Герберт Уэллс, посетив нашу школу, был потрясен увиденным.

Однажды наша учительница истории Наталья Давыдовна Флиттнер принесла на урок настоящие древнеегипетские вещи и среди них ушебти. Эти магические фигурки в виде мумий или людей с кирками и мотыгами египтяне помещали в погребения. По их верованиям, ушебти должны были замещать умершего на работах в загробных полях Осириса. Тогда я и увлекся Древним Египтом, стал много

читать о нем, решил изучить иероглифы, чтобы понимать эти загадочные письмена. Получив свидетельство о среднем образовании, я поступил на историко-лингвистический факультет Ленинградского университета.

Еще до окончания университета я был принят на работу в Институт материальной культуры и выбрал научной темой древнее государство Армении. Эрмитаж в те времена был закрыт для молодых сотрудников. Но вскоре директором стал Борис Владимирович Легран, который сразу пригласил на работу большую группу молодых ученых, меня в том числе. С тех пор я работаю здесь...

«С тех пор» — это пятьдесят три года из семидесяти шести лет жизни. А если прибавить время занятий в школьном кружке, то получится более шестидесяти. Практически вся жизнь с Эрмитажем. А последние двадцать лет на посту его директора. Удивительная верность делу и месту работы. А может быть, просто точность выбора профессии?

К лету 1941 года Пиотровский закончил докторскую диссертацию «История и культура Урарту», однако война спутала все планы.

— С ее началом, — вспоминает Борис Борисович, — многие работники Эрмитажа были мобилизованы в армию, а когда фронт приблизился к Ленинграду, большинство оставшихся записалось в ополчение. Отпускали, разумеется, не всех, потому что и

здесь нужны были люди для эвакуации музеиных ценностей в тыл страны. Работали буквально круглые сутки. Успели отправить два эшелона с фондами первой и второй категорий. Третий состав уже не смог прорваться на восток: немцы перерезали дорогу. Вернувшиеся экспонаты пришлось скрывать в Ленинграде.

Как музей Эрмитаж был закрыт, ведь залы были пустыми, на стенах оставались только рамы от картин. Немцы начали методичный обстрел и бомбардировку города. За время блокады на Эрмитаж упало 32 снаряда и три авиабомбы. Правда, они оказались небольшого калибра, но всему нужно было быть готовыми ко всему. Все немногочисленные наши сотрудники были расписаны по боевым постам. Я, например, являлся заместителем начальника противопожарной обороны. В перерывах мы продолжали свои обычные дела: следили за сохранностью помещений, оставшихся экспонатов, вели научную работу. Жили тут же, в Эрмитаже, так как от голода не хватало сил ходить домой.

В архиве музея сохранились приказы директора Государственного Эрмитажа академика Иосифа Абгаровича Орбели, которые он подписывал в ту тяжелую пору. Приведу один, на мой взгляд, наиболее ярко иллюстрирующий состояние духа блокадников:

«Приказ № 251 23.9.41.
Ввиду проявления рядом сотрудни-

ков Эрмитажа упорства и нежелания спускаться по сигналу воздушной тревоги в убежище объявляю, что укрытие в убежище для сотрудников Эрмитажа, не занятых на постах и не выполняющих срочного задания своих руководителей, является не правом, а обязанностью и что в случае нарушения настоящего приказа я буду вынужден увольнять сотрудников независимо от их служебного положения, стажа и ценности.

Настоящий приказ объявить во всех отделах, частях и командах Эрмитажа».

В ту первую, самую тяжелую, блокадную зиму Эрмитаж дал приют не успевшим эвакуироваться семьям работников науки, культуры и искусства Ленинграда — двум тысячам человек.

Наши предшественники любили строить монументально и прочно. Так что подвалные помещения Эрмитажа оказались готовыми бомбоубежищами. Люди бросали свои квартиры ишли к нам, потому что тут можно было надежно укрыться от бомб и снарядов, обогреться, получить кипяток. Люди тянулись друг к другу, так было больше шансов выжить...

Хотите взглянуть, где мы обитали? — неожиданно предложил Пиотровский.

По служебному коридору мы прошли в Двадцатиколонный зал. Вдоль его стен за стеклом стояли роскошные античные вазы, чаши, керамические масляные светильники, амфоры, блюда, на сте-

нах — роспись, сцены из жизни мифических богов и героев. Две шеренги серых, под гранит, колонн придавали залу подчеркнутую торжественность.

— В блокаду в торцах зала, как раз между колонн, было сделано два светящихся глазка, две крошечные лампочки. Когда объявляли тревогу, то по этим светлым точкам мы ориентировались в темном зале, направляясь в убежище. Снаружи их видно не было, — объяснял по ходу Пиотровский.

Напротив тысячепудовой чаши, сработанной полтораста лет назад в Колывани из ревневской яшмы, мы свернули влево и через массивные двери вышли во двор Нового Эрмитажа.

— Это здесь... — Борис Борисович указал на неприметную дверь под низкой дворовой аркой и, толкнув ее, первым стал спускаться вниз.

Представьте себе довольно просторное подвальное помещение с покатым сводом на массивных опорах. Белые стены, вдоль которых бегут трубы каких-то магистралей. В соответствии с промышленной эстетикой трубы выкрашены в разные цвета, поэтому легко определить, по каким идет газ, по каким — горячая или холодная вода. Светло и чисто.

— Ух, как все тут переделали, — не то с удивлением, не то с сожалением заметил Пиотровский. — Раньше стены и потолок были кирзовыми, прокоп-

ченными, а теперь вот... лучше бы ничего не подновлять и оставить нетронутой память о блокадном времени...

— А это мой боевой пост. — Он толкнул дверь, прикрывавшую нишу в стене, но та не поддалась. Сквозь щель я рассмотрел крошечную каморку, где некогда обитал вместе с начальником и его заместителем противопожарной обороны Пиотровский. — Вот тут и в подвале под Зимним были плотно друг к другу установлены нары. Тут мы и жили... А некоторые умирали...

В первую блокадную зиму от голода и болезней здесь умерло только сотрудников Эрмитажа 159 человек. Многие — прямо в рабочих кабинетах. И у живых уже не оставалось сил хоронить их. Через павильонный зал они уносили своих товарищей по винтовой лестнице вниз, на первый этаж, и оставляли в запаснике библиотеки.

Мы прошли с Пиотровским тем скорбным путем, и я удивился, насколько неудобными для спуска были крутые спиральные ступени.

— Зато это был кратчайший путь. Наши силы были на исходе, приходилось экономить каждый шаг. Всю зиму наши товарищи пролежали в запаснике. А весной их отвезли на Пискаревское кладбище.

В марте 1942 года вышел приказ эвакуировать по «Дороге жизни» многих оставшихся в Ленинграде деятелей культуры. В одной из групп, в которую

входили писатель С. Н. Сергеев-Ценский, педагог Ленинградского хореографического училища А. Я. Ваганова, академик И. А. Орбели, ехал на «Большую землю» и Борис Борисович Пиотровский.

Те сотрудники, что остались в Ленинграде до конца блокады, продолжали сражаться с врагом своим оружием, оружием культуры. Их нельзя было сломить ни артобстрелами, ни голодом. В первую весну на территории музея был разбит огород общей площадью девяносто две сотки. Семьдесят пять — в Висячем саду на втором этаже Малого Эрмитажа, еще 17 — на Большом дворе Зимнего дворца. Вся эта площадь была засеяна турнепсом, свеклой, морковью, укропом, луком. В качестве удобрения использовали золу. Семена получили в земельном отделе Дзержинского района города. В архиве музея хранятся соответствующие документы.

Я вспомнил об этом, когда после встречи с Пиотровским шел по залам Эрмитажа в шумном воскресном потоке посетителей, которым, казалось, нет конца. Сверкающий хрусталь, бронза, великолепный паркет, а перед глазами стояли снимки, сделанные сразу же после блокады: рухнувшая люстра в одном из залов, забитые фанерой окна, кучи песка для тушения «зажигалок».

Забота о здоровье молодежи. Нет заботы выше, благороднее, гуманнее. Вот почему вопросы здоровья молодого поколения всегда были и остаются в центре внимания нашего государства и медицинской науки. Да иначе не может и быть. Каждый из нас должен сделать все от него зависящее, чтобы дети наши росли здоровыми, вступали во взрослую жизнь полными сил, энергии. И сегодня «Смена» открывает на своих страницах новую рубрику «Береги здоровье смолоду». В ней мы расскажем о некоторых типичных заболеваниях молодежи и о том, как их предупредить, как бороться с ними. Консультантами рубрики станут известнейшие специалисты медицины, они дадут нашим читателям самые современные практические советы о профилактике детских и юношеских заболеваний, научат верному отношению к своему здоровью, помогут выработать правильный взгляд на свой образ жизни.

СМЕНА

БЕЗОПАСНОСТЬ ЗДОРОВЬЯ

Мы открываем рубрику беседой нашего корреспондента с заведующей отделом НИИ гигиены детей и подростков Министерства здравоохранения СССР, доктором медицинских наук, профессором Л. Т. АНТОНОВОЙ.

— Людмила Тимофеевна, давайте начнем разговор с вопроса несколько необычного. Что же такое здоровье? О нем говорят и пишут, им хвалятся, на его отсутствие жалуются. Есть люди, которым здоровье не позволяет выполнять служебные и профессиональные обязанности. В наш просвещенный век все чаще и чаще можно услышать древнее изречение: «Здоровье ни за какие деньги не купишь». Здоровье — главная ценность. Состояние здоровья тех, кому принимать в будущем в руки страну, быть строителями и солдатами, врачами и инженерами, пахарями и шахтерами, волнует сегодня всех. Так что же такое здоровье?

— Если говорить языком научным, это состояние человеческого организма, когда все его функции и системы уравновешены с внешней средой и при этом отсутствуют какие-либо болезненные проявления. У здорового человека не должно быть не только заболеваний, но и никаких функциональных отклонений. Сказать это легко, но добиться этого очень непросто.

— Людмила Тимофеевна, последние годы ваш отдел занимается исследованием здоровья учащихся ПТУ. В недалеком будущем они станут главной рабочей силой страны. От нынешнего их физического состояния зависит, как они будут работать через десять, пятнадцать лет. Пожалуйста, охарактеризуйте итоги исследований.

— Мы начинали исследования, имея конкретную задачу: определить влияние трехгодичного профтехобучения на здоровье подростков. Исследование проводилось по всей стране и по единой программе. При этом учитывались и профиль ПТУ, и климато-географические условия, и национальные особенности, и место, откуда прибыли учащиеся. Было проанализировано состояние здоровья более трех тысяч человек, прошедших весь цикл обучения.

Мы обследовали механизаторов сельского хозяйства, горняков, металлургов, химиков, стекольников, слесарей, обувщиков, швейников и строителей. Отмету, что при поступлении 85 процентов были отнесены к первой (абсолютно здоровые) и второй (здоровые с незначительными функциональными отклонениями) группам здоровья. В число 15 процентов (третья и четвертая группы) попали учащиеся, имеющие нарушения здоровья и хронические заболевания. А ведь они только что окончили школу! Это обстоятельство не может не волновать их родителей, педагогов, школьных врачей и гигиенистов.

Исследовав здоровье учащихся за весь период обучения, можно сделать определенные выводы. Главный вывод заключается в том, что на здоровых юношей и девушек обучение в ПТУ отрицательного воздействия не имеет. Что же касается других отдельных наблюдений, то, например, в конце первого года обучения у ребят (независимо от профиля ПТУ) несколько снизился вес. Это объясняется сменой жизненного стереотипа, ребята занимаются производственной деятельностью, а многие переезжают в общежитие, или, проживая дома, тратят на дорогу больше времени. К концу второго года обучения этот показатель вернулся к исходному уровню. Правда, отрицательная динамика еще наблюдалась среди учащихся горной промышленности, у металлургов и

химиков. После наших рекомендаций были проведены изменения в учебно-производственном процессе.

— Пятнадцать процентов ребят все же были отнесены вами в третью и четвертую группы. Как обстояли дела прежде всего у тех, кто был принят с нарушениями в здоровье и хроническими заболеваниями?

— Ухудшения состояния мы не отметили. Однако смена жизненного стереотипа — серьезный фактор, который способствует временным заболеваниям. И это неудивительно. Многие школьники не приучены к жизненным трудностям, которые их ожидают не только в ПТУ, но и в армии и во время учебы в институте. Пройдет определенный период, прежде чем организм приспособится к новым условиям и выработает защитную реакцию на непривычные обстоятельства. Так, и у учащихся ПТУ обнаружен большой процент сезонных заболеваний (ОРЗ, грипп, ангин). В то же время меньше других болели, например, механизаторы сельского хозяйства. Находясь круглый год на свежем воздухе, часто в плохих погодных условиях, они болеют реже городских ребят.

Вы спросили о тех, кто поступил в ПТУ, имея отклонения в здоровье. Мы предполагали, что эти нарушения в период учебы могут привести к развитию патологии у учащихся. Наше предположение не подтвердилось. Все подростки с новоприобретенными отклонениями относятся к той категории, где ведущую роль на их состояние здоровья оказывали микросоциальные условия (семья, ближайшее окружение) или нарушение режима.

Наряду с этим существенно увеличилась частота заболеваний уха, горла, носа, желудочно-кишечного тракта и нервной системы. Заболевания ЛОР-органов прежде всего отмечены у строителей, что объясняется профессиональным воздействием и условиями их обучения. Рост хронических заболеваний желудочно-кишечного тракта отмечен во всех профессиональных группах.

Представьте себе рабочего, имеющего язвенную болезнь. Низкая производительность труда, оплата государством лечения, возможная операция. Любую болезнь легче предупредить, нежели потом излечить. Этот принцип имеет непосредственное отношение к организации питания в некоторых ПТУ. И решить этот вопрос крайне необходимо.

— В процессе обучения в ПТУ подростки подвергаются воздействию сложного комплекса профессиональных и социальных факторов. Они оказывают избирательное воздействие на растущий организм. Хотелось бы узнать ваше отношение к отклонениям в здоровье подростка вне зависимости от того, где он учится.

— Среди учащихся ПТУ в ряде случаев отмечалась отрицательная динамика состояния здоровья, которая, как правило, нивелируется к третьему году обучения. Более выраженный характер это имело у металлургов, горняков и химиков. Они не были готовы к работе в условиях базовых предприятий в отличие от производственных мастерских ПТУ, где санитарно-гигиенические условия значительно лучше.

Наши данные послужили основанием для серьезного разговора в соответствующих министерствах и

ведомствах и стали основанием для принятия конкретных улучшений по всем вопросам.

Все отклонения в подростковом возрасте надо обязательно фиксировать и, определив причины их возникновения, принимать соответствующие меры. А причины иногда найти не так просто. Среда, окружающая подростков, включает много факторов, и не всегда удается разобраться сразу. Но, доскивайся, надо обязательно поставить «знак опасности» и не терять время, пока отклонение перерастет в болезнь.

Что же порождает отклонения в сердечно-сосудистой системе подростков? Например, артериальная гипертония. По нашим данным, у ребят в возрасте 12—13 лет она отмечается у 12 процентов обследуемых. Если дети имеют давление выше нормы, это не означает, что у всех возникнет гипертоническая болезнь, но у половины — да! Эти данные — результат задачи, поставленной в рамках СЭВ в связи с ростом сердечно-сосудистых заболеваний.

Какие же факторы риска могут привести к этому заболеванию у части подростков? Неблагоприятная микросреда — неблагополучие в семье (конфликтные ситуации, алкоголизм). Наследственное влияние чаще по материнской линии, иногда и бабушки. Избыточный вес! Кстати, вес — ведущий фактор риска в возникновении ишемической болезни сердца у взрослых. Сегодня проблему веса трактуют как последствие переедания. По нашим данным, избыточный вес подростков (будущих взрослых!) оказался генетически детерминирован. Мы опросили матерей тех детей, которые были здоровы, и тех, у которых отмечена артериальная гипертония. Оказалось, что дети с повышенным артериальным давлением имели больший вес уже при рождении. Факт очень сложный и ждет своего толкования. Можно ли этого избежать? Это тема другого разговора, но молодым женщинам, готовящимся стать материами, имеет смысл знать и помнить об этом. Вес должен соответствовать норме. Чем раньше начнется контроль за ним, тем лучше. В этом заинтересованы все родители, мечтающие видеть ребенка здоровым.

— Людмила Тимофеевна, можно ли думать, что сочетание практической трудовой деятельности с обучением дает меньше отрицательных изменений, нежели только учеба?

— Вероятно, да. Не только наши исследования, но и данные, полученные коллегами, работающими параллельно, показывают: состояние здоровья школьников несколько хуже, нежели учащихся ПТУ. Правда, есть маленькое «но», и его нельзя сбрасывать со счетов даже теоретических рассуждений. При поступлении в ПТУ обязательно оценивают состояние здоровья. Для этого существует перечень медицинских противопоказаний, и они довольно существенны. Сегодня мы располагаем тысячами профессий и при отборе в ПТУ учитываем более ста статей, включающих различные заболевания. Врач смотрит, какая патология у подростка и может ли он обучаться в избранном им ПТУ. А если нет, подбирает ему такую профессию, чтобы она не оказывала отрицательного влияния на его состояние здоровья. При прочих равных обстоятельствах профессиональный отбор имеет значение.

— Не имеете ли вы в виду то, что профессиональные требования к рабочему XXI века ужесточаются? Не придет ли время, когда в отдельные ПТУ будут принимать только с отличным здоровьем? Вопрос можно трактовать и иначе: становятся ли наши подростки здоровее или слабее?

РЕГИОН

ОВЬЕ

19

УВАЖАЕМЫЕ
ЧИТАТЕЛИ!
ЖДЕМ ВАШИХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ,
СОВЕТОВ,
ПОЖЕЛАНИЙ.

— Если говорить о тяжелой патологии, то ситуация не изменяется и цифры остаются на одном уровне. В большей степени это обусловлено генетическими заболеваниями, врожденными недостатками. А тех подростков, кто не поддается выздоровлению, конечно, становится меньше! Для этого существуют профилактические осмотры — своеобразный заслон проникновению болезней в старший возраст. И процесс всемерно развивается на всех этапах: дети, школьники, учащиеся ПТУ, студенты.

Мы хотим, чтобы в XXI веке было максимум здоровых людей. Науке хорошо известно, что надо делать человеку и что не надо. Вопрос в другом: как сама молодежь будет относиться к рекомендациям ученых и врачей? Сумеем ли мы доказать молодым необходимость укрепления собственного здоровья? Сознательно! Целеустремленно! Постоянно! Молодость — явление прекрасное, но, к сожалению, проходящее... А здоровье должно оставаться с человеком всю жизнь. Пример стариков, даже не хочется называть их стариками, бодрых, жизнерадостных, бегающих, плавающих, эластичных молодцов с сединой, убеждает в том постоянно. Их сердца нельзя сравнять с сердцами прокуренных и пропитых кандидатов в кардиологические отделения больниц в возрасте тридцати — сорока лет.

— Вы сказали о том, что на здоровых подростков обучение в ПТУ не оказывает отрицательного влияния. А можно ли во время обучения в ПТУ улучшить весо-ростовой показатель, стать развитым более гармонично?

— Безусловно! Что для этого нужно? Нормальное питание, режим, организованность. Мы специально интересовались и тем, как занимаются учащиеся ПТУ различными видами спорта. Так, в горнорудной промышленности — 62 процента, а среди тех, кто осваивает обувное дело, — только 38. Хотя логика подсказывает, условия работы обувщика — сама рабочая поза, в которой учащийся находится и будет находиться после окончания училища, — требуют движений, активного отдыха, физических упражнений.

Среди учащихся строительных ПТУ спортом занимаются 57 процентов, но и они же имеют наименьшее количество спортивных разрядов — 18 процентов. Лучше других развиты физически механизаторы сельского хозяйства. Гиподинамия (или гипокинезия — отсутствие движений) — бич всех подростков, и учащихся ПТУ и школьников особенно! Занятия спортом — это время, свободное от обязательных часов учебы и производственной практики, и его надо использовать с максимальной эффективностью для укрепления здоровья.

— Но свободное время потому и называется свободным, что каждый вправе распоряжаться им по своему усмотрению. Означают ли ваши предложения, что руководство ПТУ обязано брать под контроль свободное время воспитанников и не только в плане воспитательном, но прежде всего для укрепления здоровья учащихся?

— Несомненно! Занятия спортом — это не только досуг, но и значительный резерв в укреплении здоровья именно в свободное время. Мы специально интересовались этим вопросом, и выводы, скажем прямо, неутешительные. Если здоровье рассматривать в широком плане, анализируя все аспекты, влияющие на это состояние, вот цифры для размышлений. 67,4 процента учащихся регулярно смотрят телевизор, причем абсолютное большинство затрачивает на это до 2 часов в день! Значит, практически

они не бывают на свежем воздухе. А утреннюю зарядку делают только 32 процента учащихся.

Проблема архиважная — сон! Более 50 процентов учащихся ПТУ спят менее 8 часов. Обратите внимание, как расположились причины, оправдывающие их недосыпание: 30 процентов — телевизор, 20 — встречи с друзьями, 16 — выполнение домашних заданий, 6 — посещение театра и кино, 5 — занятия спортом. Родителям и руководителям ПТУ надо не забывать, что юный организм и без того испытывает массу затруднений, находясь в стадии роста, и если не помогать ему, а, наоборот, способствовать истощению за счет элементарного недосыпания, перспектива ухудшения здоровья станет реальной в ближайшие годы. Выход один: надо создавать режим, где каждому развлечению выделены свой день и свое время. Развлечения остаются с человеком на всю жизнь, а здоровье закладывается в детском и подростковом возрасте.

Каникулы! Организованно отдыхают только 10 процентов учащихся ПТУ. Непростительно и неоправдано мало! А вот как распределится по категориям отдыха: 3,7 процента — в спортивно-оздоровительных лагерях, 3,7 — в турпоходах, 1,6 — в домах отдыха и 0,8 — в санаториях. И здесь надо акцентировать важное положение: здоровые идут в турпоходы, а больные обязательно едут в санатории! Возможностей для этого в системе профтехобразования и на предприятиях, куда придут выпускники базовых училищ, достаточно! Учащиеся, живущие в сельской местности, уезжают на каникулы домой, а это серьезное преимущество перед городскими ребятами, 30 процентов из которых остаются на каникулы дома. А это не только нерациональное использование времени, отпущеного для отдыха, но и в ряде случаев — отрицательные последствия. Руководству ПТУ должно быть небезразлично, какими они будут специалистами и работниками. Будут ли они физически здоровыми, а значит, добьются больших производственных успехов, или физически ослабленными — будет хуже трудиться и больше болеть.

— Правомочно ли ставить вопрос так, чтобы предприятия, получая квалифицированных рабочих, по истечении времени давали оценку не только профессиональным умениям молодых специалистов, но и оценивали уровень их здоровья, социальный облик, то есть все, что мы вкладываем в понятие «передовой рабочий»? Такая оценка могла бы значительно активизировать деятельность ПТУ, выделяя из них лучших, имеющих право на Знак качества, знак рабочей гарантии.

— Так должно быть. Когда мы давали оценку работе ПТУ со своих позиций, то акцентировали внимание прежде всего на отрицательных положениях. Если, допустим, у строительных ПТУ хуже обстоит дело с питанием, то надо говорить о здоровье тех, кто завтра придет на стройки. Если лучшая успеваемость в учебе среди ПТУ горнорудной промышленности, то надо сказать и о гарантии подготовки хороших специалистов. Наверное, и в оценке состояния здоровья учащихся должно быть больше гласности. Речь о рабочем классе — будущем нашей страны.

Параллельно с нами огромную работу проделали и гигиенисты, изучая режим обучения и программу как способ его построения. У них есть хорошо обоснованные рекомендации, как наиболее оптимально построить режим ПТУ. Это имеет важное значение для улучшения здоровья учащихся. Кстати, сейчас при создании режима обучения строго учитывается соотношение между физической и умственной деятельностью.

— Хотелось бы услышать ваше мнение по принципиальным вопросам, имеющим отношение не только к учащимся ПТУ, но и ко всей молодежи. Курение! Как вы оцениваете общественный фактор риска для будущего здоровья молодежи? Ваше личное отношение как женщины и врача к курящим девушкам.

— Наши исследования десятилетней давности уже показали, что среди учащихся ПТУ курят 58 процентов. Передо мной лежат данные, полученные среди подростков Москвы, — 68 процентов. Следовательно, число курящих увеличивается, принося с собой тяжелые последствия, которые, к сожалению, не представляет молодежь, а в ряде случаев и родители.

Что делать? Во-первых, бить тревогу, неустанно акцентируя общественное мнение на принятии единных мер. Во-вторых, искать причины и бороться с ними.

Причина курения? Сегодня подростки утверждают, курение помогает им сосредоточиться или разрядиться. Но девушки курят даже не из этих соображений. Все чаще говорят о моде. Курение — модное увлечение... Любая мода проходит, а курение, если его не остановить, гарантировано необратимые изменения и особенно в девичьем организме.

Если у подростков курение начинается в 11—12 лет, и процент курящих держится на одном уровне до 18 лет, то у девушек за этот период процент курящих возрастает в три раза. Помните, мы говорили о том,

что дети нередко наследуют болезни родителей? Так вот, курящая девушка обрекает будущего ребенка на серьезные последствия. Я понимаю, когда ребенка еще нет, говорить о нем трудно. Но мне приходилось видеть отчаяние молодых матерей, умоляющих что-то сделать для больного ребенка. Если бы все девушки помнили о святом предначертании — материнстве и о будущем ребенке, многое можно было бы избежать.

Почему курение в подростковом возрасте — серьезный фактор риска? Никотин оказывает отрицательное действие на нервную и сердечно-сосудистую системы, впоследствии это приводит к ишемической болезни сердца, атеросклерозу. Предвестником этого является артериальная гипертония. Перспективы у юных курильщиков неутешительны... У них мы неоднократно фиксировали нарушение метаболических процессов в миокарде, что является предпосылкой к будущей болезни. Лет десять — пятнадцать назад подобных фактов мы не наблюдали. Во всех странах мира внимание общественности сейчас акцентируется на возрасте 30—40 лет. Мы уже выделили признаки болезни, к которой стремительно приближается курящая молодежь. Если, к несчастью, у некоторых еще есть и наследственность, отягощенная подобным заболеванием, ишемическая болезнь сердца может настигнуть их в более раннем возрасте. Вот, например, весьма печальные данные, полученные коллегами... При обследовании почти двух тысяч студентов медицинского института, имеющих артериальную гипертонию, курящие юноши составили 78,4 процента, причем 66,4 курят с 13 лет... Число курящих в группе девушек составило 29,7 процента, а через два года их стало почти вдвое больше.

**— Извините, профессор, я не слышался?
Речь о будущих врачах?**

— Да, к сожалению...

— Тогда разрешите обострить вопрос. С одной стороны, Министерство здравоохранения предупреждает курильщиков, печатая напоминания об опасности для здоровья, которые, как известно, курильщики не читают. С другой стороны, в стенах учреждения, где готовятся врачи, установлены факты, о которых вы говорите. Не абсурд ли? Врач предупреждает больного о вреде курения и при нем выкуривает сигарету...

— Вопрос серьезный, хотя логика подсказывает неумолимое правило: «В стенах медицинского института ЗАПРЕЩЕНО КУРИТЬ».

— Еще об одном факторе риска. Алкоголь! Не сомневаюсь, что этот вопрос нашел место в ваших исследованиях, и я не вижу необходимости закрывать на это глаза. Уж коль ведем серьезный разговор с читателем, то почему не дать ему возможность задуматься?

— Многочисленные исследования показывают: среди хронических алкоголиков абсолютное большинство тех, кто начал пить в молодом возрасте. Когда организм растет и жизненные силы его могут справиться со многими недугами, в том числе и с алкогольным отравлением, регулярное употребление алкоголя еще не провоцирует другие болезни, но проходит этот период, и начиная с 30 лет реальной угрозой становится цирроз печени, глубокое поражение центральной нервной системы — белая горячка и так далее. Нельзя, конечно, не сказать и о том, что на фоне алкоголя развиваются хулиганство и преступления. Нам известны многочисленные случаи, когда подросток после окончания ПТУ приходит на производство и взрослые люди, работающие рядом с ним, приобщают его к алкоголю. Вот за что нужно не наказывать, а карать самым строгим образом!

Вопрос алкоголизма в среде молодых тревожный и... очень деликатный. Здесь чаще надо использовать авторитет врача, особенно среди молодых пациентов. Не всегда у нас хватает терпения... И я не исключение. Долгое время в нашем институте было клиническое отделение для подростков. Работа с ними дала нам очень много. Если с подростком найден общий язык, установлен контакт, лечение и профилактика отрицательных привычек проходят гораздо успешнее. Именно на этой базе мы поддерживаем дружеские отношения с некоторыми нашими пациентами, которые уже сами стали родителями. И однажды ко мне пришел наш бывший больной, уже отпустившийся в нетрезвом состоянии, со словами: «Людмила Тимофеевна, вы меня помните? Помогите мне, я погибаю!» Я предложила ему привести себя в нормальное состояние и прийти в следующий раз. Он больше не пришел. Прошло несколько лет, до сих пор я помню и до сих пор жалею...

От нас, врачей, многое зависит. Но проблема здоровья — это не только забота органов здравоохранения, но и государства в целом. Владимир Ильич назвал здоровье «казенным имуществом», тем самым подчеркнув нашу общую повседневную заботу.

Здоровье — самое ценное из всего, чем располагает молодежь. Именно состояние здоровья определит в будущем выполнение всех жизненных планов.

Беседу вел Александр ФЕДОРОВ.

Владимир
ПОРУДОМИНСКИЙ

Одннадцати лет от роду он уже студент Московского университета; к семнадцати годам оканчивает его по трем факультетам — словесному, юридическому и физико-математическому; с отечеством он владеет четырьмя новыми и двумя древними языками (позже к ним прививается несколько восточных), серьезно занимается музыкой, пробует силы в сочинительстве; едва разразилась гроза двенадцатого года, он, подобно лучшим своим сверстникам, добровольцем зачисляется в полк; после Отечественной войны, «после дорого купленных побед» желает употребить свои способности «по статскому ведомству», служит в коллегии иностранных дел (где и Пушкин числится, только что выпущенный из Лицея), живет поначалу в Петербурге (позже служба забрасывает его на Восток, на Кавказ), проводит время в кругах литературных и театральных, среди его приятелей немало замечательных представителей тогдашней молодежи — выдающиеся умы и горячие сердца, он (по его же слову) много «дурачится», «я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор», — признается он, но мы-то теперь знаем, какие споры велись «между Лафитом и Клико» (литератор и декабрист Александр

УМ И ДЕЛА ТВОИ БЕССМЕРТНЫ...

Бестужев, он же Марлинский, сообщает: «С Грибоедовым, как с человеком свободомыслящим, я нередко мечтал о жалании преобразования России»); после 14 декабря 1825 года он мог сказать о себе вместе с Пушкиным, что «был в связи с большею частью нынешних заговорщиков».

Накануне восстания пошла в списках комедия «Горе от ума» (позволение печатать будет дано годы спустя, после смерти автора), все читают, «грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет», свидетельствует сам сочинитель, рукописная комедия, по замечанию Пушкина, произвела «неописанное действие» и вдруг поставила Грибоедова «наряду с первыми нашими поэтами».

Последние годы его жизни ознаменованы успехами на дипломатическом поприще: весной 1828 года, после подписания Туркманчайского договора с Персией, Грибоедов привозит мирный трактат в Петербург, здесь встречает его, по собственному ироническому выражению, «атмосфера всяких великолепий» — пушечный салют, царская аудиенция, чин статского советника, орден Анны с бриллиантами, четыре тысячи червонцев и назначение на высокий пост полномочного министра (посланника) в Персии. На этом посту он и погибает, исполнив свой долг: «самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя... была (по слову Пушкина) мгновенна и прекрасна»; юная Нина Чавчавадзе, дочь известного

грузинского поэта, едва полгода успевшая быть женой Грибоедова, погребла его прах в Тифлисе, на горе святого Давида и начертала на камне слова, скоро сделавшиеся знаменитыми: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»...

Но все не так ладно, не так складно, как видится на первый взгляд. Проницательный Пушкин призывал друзей создателя «Горя от ума» взяться за его жизнеописание, сетовал, что «замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов», — и провидел трудности на пути будущих биографов, жалел, что Грибоедов не оставил записок, хотя несколькими годами прежде горячо убеждал прияте-

ля не жалеть о потере записок Байрона: исповедь английского поэта — в его стихах. Но как проникнуть в тайное тайных грибоедовской души и помыслов!.. Горестный упрек — «люди верят только славе» — вырвался у Пушкина также в связи с раздумьями о Грибоедове, о неоцененности его.

Обширнейшие познания, которые Грибоедов не устает приобретать с малолетства и до последнего своего дня («он много читал по всем предметам наук и много учился», — рассказывает близкий его друг), дают пищу уму и сердцу, но в огромной своей части не находят применения для пользы соотечественников. Не стихают споры о связях Грибоедова с общественными движениями эпохи: если вообще его «декабризм» теперь не подвергается сомнению, то мера принадлежности к тайным обществам, его отношение к программам и планам будущих декабристов, их стратегии и тактике вызывают разногласия (скоро после бунта Грибоедов доставлен в столицу с Кавказа, где в ту пору служил «секретарем по дипломатической части» при генерале Ермолове, почти четыре месяца содерхится на гауптвахте Главного штаба как подозреваемый в причастности к делу 14 декабря, но в числе немногих оправдан и освобожден «с очистительным аттестатом»). Дипломатическая деятельность Грибоедова, замечательная и по сути своей и в конечном счете по завоеванному признанию, с одной стороны, увлекает его, с другой, представляется ему «посторонним делом», чуждым поприщем, да и направляют и оценивают эту деятельность вчерашние палачи друзей, братьев, товарищей, — он мечтает возвысить службу до славы (народу, отечеству) среди молчаливых и скалозубов, среди тех, для кого «служить» означает не более как «прислуживаться». Наконец, главная, быть может, загадка, главный камень преткновения при всяком прикосновении к грибоедовской судьбе — великая и единственная комедия: сколько ни рассуждай о ранних, в общем-то не слишком значительных произведениях как о «творческой лаборатории» писателя или о «беспредельных», по собственному его определению, позднейших замыслах, оставшихся неосуществленными, и там и здесь непросто увидеть след руки создателя «Горя от ума». Великое страдание — сознавать, чувствовать, что оставшись автором одной-единственной комедии, при том, что комедия эта не случайность, не «обмоляка» среди иных, главных твоих трудов — недаром же при самом своем появлении она названа современниками «народной книгой», поставлена «в число первых творений народных», при том, что поэзия продолжает неудержимо манить тебя («люблю ее без памяти, страстью»)...

«Есть внутренняя жизнь, нравственная и высокая, независимая от внешней» — строки из послания, отправленного в катаржные норы декабристу Александру Одоевскому, поэту и другу, нередко относят к самому Грибоедову, их написавшему. Но мысль, высказанная применительно к человеку, томящемуся «в узах и в заточении», совершенно иначе читается и развивается, когда ее «берет на вооружение» человек деятельный и действующий: «Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает... Наблюдать деятельность других можно не иначе, как лично участвуя в делах», — занес однажды Грибоедов в свой путевой дневник. Жизнь внутренняя и внешняя неизбежно вступают в различного рода сцепления, приходят к согласию или сшибаются в противоречиях. Пушкин это пророчески осознавал, когда говорил о «пылких страсти и могучих обстоятельствах», затемнявших жизнь Грибоедова. Слова Пушкина читаются многозначно: не только перечисление — пылкие страсти плюс могучие обстоятельства, не меньше — противопоставление могучих обстоятельств пылким страстям.

Тут очень важно это — «пылкие страсти»... «Одним из самых умных людей в России» назвал Грибоедова опять-таки Пушкин, другой из самых умных людей в России. Всякий, кто хоть однажды встречался с Грибоедовым, непременно отметил в нем громадный ум, необыкновенный, поражающий независимостью, глубиной и силой. Личность Грибоедова представляется многим из тех, кто знал его, могуществом ума, разума, воли, торжествующих над страстями. С годами, с десятилетиями величие ума, «горе от ума» становятся преобладающими чертами создаваемого современниками и потомками образа Грибоедова. Почти через полвека после его смерти поэт Петр Андреевич Вяземский, приятель и соавтор Грибоедова, скажет о нем: «Вообще, не был он вовсе, как полагают многие, человеком увлечения: он был более человеком обдумывания и расчета». Но в дни общения с Грибоедовым тот же Вяземский пишет по горячим следам: «Он умен, пламенен» — «ум» и «пламя» поставлены рядом. И декабрист Александр Бестужев, не успевший еще испытать на себе груза привычки, с которой будут вследствии рисовать портрет автора «Горя от ума», вспоминает: «Кровь сердца всегда играла у него на лице». Наконец, вот

самого Грибоедова слова — и в них драгоценный ключ и к этому понятому одними современниками и не осознанному другими стремлению спрятать за неотразимыми суждениями ума пламень сердца, и к кажущейся подчас неожиданности выбора жизненных путей, и к приводившей иных в недоумение странности речей и действий («говорил вещи странные и удивлял других неожиданностью своих поступков»): «Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов?.. — напишет, выкрикнет пламенно, почти в отчаянии через год после бунта на Сенатской площади, через пять месяцев после казни вождей восстания, через полгода после собственного освобождения из-под ареста. — Мучены быть пламенным мечтателем в kraю вечных снегов...» (И следом: «Холод до костей проникает, равнодушие к людям с дарованием...»)

В канун Отечественной войны 1812 года Грибоедов уже приобрел обширные познания во многих науках, точных и гуманитарных, по свидетельству близкого друга писателя, вкус и мнение его о литературе также уже сложились. Но, похоже, в не меньшей степени сложились к этому времени и другие его мнения и вкусы.

По духу времени и вкусу Он ненавидел слово «раб»...

выдохнулся из сердца «экспромт» в те самые роковые дни, когда следственный комитет по делу о заговорщиках 14 декабря решал его судьбу (далее в стихах: «За то попался в Главный штаб И был притянут к Иисусу...»).

«Детьми двенадцатого года» называли себя декабристы: в походах и сражениях Отечественной войны, как никогда прежде, явственно предстали перед ними величие, благородство и мощь родного народа и вместе вся несправедливость общественного устройства, узаконившего рабство народа. «Мы проливали кровь, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа» — вот мнение народное, от которого сердце сжалось болью, и краска стыда выступала на лице, и душа звала к решительному действию. Это на всю жизнь, отказаться от этого невозможно, ни ум, ни чувство здесь не ищут и не в силах найти примирения с действительностью. В бумагах Грибоедова сохранился план трагедии о 1812 году; герой трагедии — некто «М», крестьянин-ополченец, совершивший на войне множество подвигов, а по окончании ее отпущенний «восвояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию». Последний раздел плана: «Прежние мерзости. М» возвращается под палку господина... Отчаяние... Самоубийство».

При размышлении о декабристских взглядах и связях Грибоедова всего важнее, что гениальная комедия вся, от первого до последнего стиха, «рифуется» с декабризмом. Герцен едва ли не первый назовет слово, поставит точку над «и»: «Образ Чацкого, меланхолический, ушедший в свою иронию, трепещущий от негодования и полны мечтательных идеалов, появляется... накануне восстания на Исаакиевской площади, это — декабрист»; слово в комедии не произнесено, еще не могло быть произнесено — до 14 декабря 1825-го, но все узнали — и друзья, и враги, узнали по силе протеста, с которым «век нынешний» восстает против «века минувшего», и по непримиримому осмеянию минувшего века, и по острой злободневности мыслей, которые вчера горячо обсуждались на собрании тайного общества, а сегодня оказались представлены в ярком свете рампы, и по речам, в которых эти мысли высказаны.

Писатель и критик П. А. Катенин, приятель автора «Горя от ума», видный деятель первых тайных обществ, полагает даже невероятным, «чтобы Грибоедов, сочиняя свою комедию, мог в самом деле надеяться, что ее русская цензура позволит играть и печатать». Но великое сочинение само необходимо для своего появления, силой мысли и слова побеждало запреты властей. «Горе от ума» с невиданной скоростью распространялось в рукописных экземплярах, даже газета того времени должна была признать, что «ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где бы не было списка сей комедии»; другая газета называет цифру — 40 тысяч списков!..

За полгода до восстания, весной 1825 года, деятели Северного общества решают использовать предстоящие отпуска офицеров для распространения «Горя от ума»: завтрашние декабристы под диктовку переписывают текст комедии, чтобы потом увезти его в разные города страны. Несколько месяцами раньше один из руководителей Северного общества, «друг бесценный» Иван Иванович Пущин, доставляет рукопись «Горя от ума» в подарок запертому в Михайловском Пушкину.

Замечания, сделанные Пушкиным после чтения

комедии (в письме к Александру Бестужеву), хорошо известны: «В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? Ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, проводивший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, — очень умно. Но кому говорит он все это?..» Замечания сделаны Пушкиным, многое уже заново обдумавшим и передумавшим, в политических и исторических воззрениях своих в чем-то уже обогнавшим многие суждения своего века. (Но еще недавно секретный агент доносил о поведении сосланного на юг поэта: «Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство».) «Трудно назвать эпоху русской жизни, в которую устная речь — разговоры, дружеские речи, беседы, проповеди, гневные филиппики — играла бы такую роль, — пишет о времени декабристов современный исследователь. — От момента зарождения движения... до трагических выступлений перед следственным комитетом декабристы поражают своей «разговорчивостью», стремлением к словесному закреплению своих чувств и мыслей». Ну, конечно же, умное лицо в комедии — сам Грибоедов, и подлинно пламенная душа в комедии тоже у Грибоедова; Пушкин не знает, что Александр Бестужев, с которым он делится своими замечаниями, впервые прочитав комедию, тотчас говорит себе: тот, кто написал эти строки, не может быть иначе, как самое благородное существо, — и хотя были уже знакомы, но по-светски, без души, не откладывая, скажет к Грибоедову:

— Александр Сергеевич, я приехал просить вашего знакомства. Сердце, которое диктовало стихи комедии, не могло быть тусклым и холодным.

И Грибоедов, умница, пламенное сердце, отвечает, дружески скимая ему руку:

— Очень рад вам, очень рад! Так должны знакомиться люди, которые поняли друг друга...

Историк В. О. Ключевский считал «Горе от ума» самым серьезным политическим произведением русской литературы XIX века, в образе Чацкого видел полное и зримое воплощение типа декабриста. Но самое серьезное политическое произведение написано первом вдохновенным поэтом, оно вместе с тем и величайшее лирическое произведение, в каждом его слове весь духовный и душевный опыт автора, опыт ума и сердца. Принят Грибоедов в тайное общество, нет ли, «Горе от ума» рождается в пору замечательных надежд и ожиданий — казалось, пламенная мечта способна растопить вечные снега, — в пору редкого соответствия жизни внутренней и внешней, страстей и обстоятельств. Один из ближайших друзей Грибоедова на вопрос о действительной степени участия автора «Горя от ума» в заговоре 14 декабря много лет спустя отвечал убежденно: «Да какая степень? Полная». После 14 декабря, в дни, когда чудилось иным, собственная фортуна улыбнулась Грибоедову (с почетом и славой он отправляется полномочным посланником в Персию), он говорит другу, что никогда больше не пишет комедии: веселость исчезла.

Есть сведения, что во время царской аудиенции Грибоедов просил Николая Первого, не терпевшего даже упоминания о бунтовщиках, смягчить участь декабристов. По словам одного из них, Грибоедов во время пребывания на Кавказе «явно и тайно старался быть полезным» сосланным участникам восстания. «Очистительный аттестат», выданный следственным комитетом автору «Горя от ума», не очистил его от подозрений в неблагонадежности, высокий чин, бриллиантовый орденский крест вовсе не означают, что его попытка служения Отечеству (Грибоедов говорил, что готов «голову положить за соотечественников») видится властью предержащим благонамеренной царской службой («прислуживанием»). Грибоедов и не пытался убеждать кого-либо в противном. «Уважение к России и ее требованиям, вот мне что нужно», — пишет он о своей деятельности царскому наместнику на Кавказе за несколько недель до гибели. И в том же письме: «Главное... Помогите, выручит несчастного Александра Одоевского...» Все вокруг поздравляют его с царской милостью, а он пронзительно точно угадывает в последнем своем назначении «политическую ссылку», и ссылку гибельную. «Он был печален и имел странные предчувствия», — вспоминает Пушкин последнее свое свидание с Грибоедовым. Полномочный посланник навсегда прощается с друзьями. (Не пройдет полугода десятилетий — с тем же предчувствием скорой гибели отправится в последнюю свою поездку на Кавказ, к месту службы, Лермонтов.)

В июне 1829 года на пути из Тифлиса в Арзрум Пушкин встречает на крутой горной дороге арбу, запряженную двумя волами, — это везут тело убитого Грибоедова. Тремя месяцами раньше российский министр иностранных дел спешил изложить официальную версию «горестного события»: «Его величеству отрадна была уверенность, что... сие происше-

ствие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова..."

Грибоедов признавался, что в обыкновенные времена никуда не годится; оттого, наверно, цели в жизни назначал, опять-таки по собственному признанию, наперекор судьбе. Он мечтает о покое и сам же опровергает свою мечту. В одном и том же письме он пишет про «игру судьбы нестерпимую: весь век желаю где-нибудь найти уголок для уединения, и нет его для меня нигде» — и несколкими строчками ниже, отрицая только что произнесенные слова, горячо убеждает друга: «Верь мне, чудесно всю жизнь свою прокататься на 4-х колесах; кровь волнуется, высокие мысли бродят и мчат далеко за обыкновенные пределы пошлых опытов; воображение свежо, какой-то бурный огонь в душе пылает и не гаснет... Но остановки, отдыхи двухнедельные, двухмесячные для меня пагубны, задремлю, либо завьюсь чужим вихрем...» Он, должно быть, понимал, чувствовал, что творческий заряд, которого он всю жизнь жаждал, а после «Горя от ума», единственного, неповторимого, вдесетеро, во сто крат больше, чем прежде, жаждал и ждал, возникает лишь в условиях высочайшего жизненного напряжения, что великое рождается в борении, вопреки устоявшемуся и неподвижному, вопреки снегам, холоду, равнодушно, ломая пределы обыкновенного и устремляясь от века минувшего и нынешнего в век грядущий.

...«Стихах не говорю, половина — должны войти в пословицу», — пророчил Пушкин, едва познакомился с комедией. Половина стихов вошла в пословицу, образы «Горя от ума» тотчас сделались нарицательными, все вдруг увидели, осознали, что вокруг живут, действуют фамусовы, скалозубы, молчалины, и также как бы нарицательными стали, как бы «вошли в пословицу» положения комедии: Чашкий — Софья — Молчалин, Чашкий — Фамусов, Чашкий — Репетилов и прочие. Но, быть может, самая замечательная черта грибоедовского творения — его неисчерпаемость, его поразительная обращенность к будущему.

Лишь десять лет пройдет с тех пор, как завершена комедия. Пушкин из нового, последекабристского времени, из николаевского царствования уже назовет ее «печальным анахронизмом», утверждая, что нет больше в Москве ни Фамусова, ни Хлестовой, ни Репетилова. Но комедия продолжает жить. С годами и десятилетиями расширяется, углубляется и понятие «грибоедовской Москвы», и пластическая нарицательность выведенных в комедии лиц; идеи, образы, положения — все становится многозначное, все постоянно обновляется временем. Комедия, с величайшей точностью запечатлевшая духовную, нравственную жизнь определенной эпохи в развитии русского общества, запечатлевшая, выражившая полностью свое время, свой век, оказывается настолько необходима уму и сердцу новых поколений.

«Горе от ума» держится каким-то особняком в литературе и отличается моложавостью, свежестью и более крепкой живучестью от других произведений слова... — заметит Иван Александрович Гончаров через полвека после появления комедии. Она «все живет своей нетленной жизнью, переживает и еще много эпох и все не утратит своей жизненности».

Нечто новое, привлекательное и тревожащее прочитываем мы всякий раз в этом вечном творении, сюжет которого, казалось бы, может быть изложен одной фразой, а образы выведены с такой простотой и ясностью. Годы проходят и десятилетия, счет уже пошел и на века, новые читатели и зрители, в чем-то так же, как и те, кому довелось первыми знакомиться с грибоедовской комедией, но в чем-то совершенно по-своему, во многом глубже, значительнее осознают, чувствуют, применяют к себе и драму любви, развернувшись в доме Фамусова теперь уже сто шестьдесят с лишним лет назад, и тяжкий труд утверждения независимости, собственного достоинства, высоких идеалов среди карьеризма и чинопочтания, искусствства, лицемерия, себялюбия, и любви к Отечеству, не показанную, не ту, что на мундире — крестиками, выпушками, петличками, но любовь подлинную, ту, что под мундиром, в сердце, полнявшимся радостью, болью, надеждой, и заботу о дне грядущем, не понятую, осмыслившую бескрылой «житейской мудростью», и одинокую обиду непризнанного дарования, и горестную муку пламенного мечтателя, изведавшего холод вечных снегов...

Александр Блок верил, что будущие поколения неизбежно станут еще и еще раз возвращаться к трагическим прозрениям Грибоедова, глубоко задумаются и проникнут в источник художественного волнения создателя «Горя от ума», волнения, так часто переходящего в безумную тревогу. Эта вечная неисчерпаемость, как бы вечная незавершенность комедии, так же как неисчерпаемость личности ее создателя и незавершенность жизнеописания его, — непременный удел великого творения и великой судьбы.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ СССР 1984 ГОДА ПРИСУЖДЕНА ЕВГЕНИЮ ЕВТУШЕНКО ЗА ПОЭМУ «МАМА И НЕЙТРОННАЯ БОМБА»

ПОЭТ И ПЛОЩАДЬ

Андрей
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Aх, площадь, как холодит губы твой морозный микрофон, как сладко томит колени твой тревожный простор, твоя черная свобода, как шатко ногам на твоем помосте, слова окутаны облачком пара, микрофон запотевает, и внизу ты, площадь — тысячеголовая, ждущая, окутанная туманным дыханием, оно плывет над ночными головами сизой пленкой, чувствуется, что не все слова слышны, динамики резонируют, да и не нужны они, слова — площади нужно Слово.

Страшно стоять над площадью Маяковского. Ветерок пробивает. Мы, несколько поэтов, жмемся на дощатом помосте, специально склоненным по этому случаю. Евтушенко, худой, по-актерски красивый, в цветастом шарфе, в пальто «в елочку», с коротковатыми рукавами, рубит осенний воздух ритмическим, митинговым жестом. Голос его, усиленный репродукторами, гремит над многотысячной толпой. Над гигантской трибуной-сценой горит, извиваясь, бледная, готическая или даже эльгрековская маска его лица. Не случайно впоследствии он выбрал это фото на суперблажку своей книги.

Наблюдателям с пролетавшей неzemной тарелочки эта черная переполненная площадь с освещенной фигурой в центре казалась гигантской ритуальной плошкой с извивающимися светоносным фитилем.

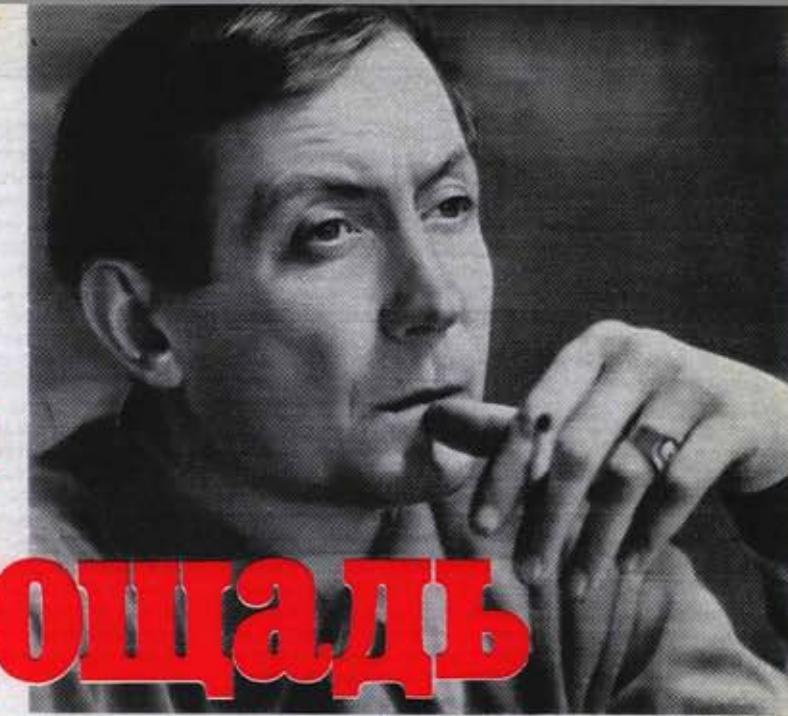
Маяковский мечтательно и масштабно пошутил:

*Если бы был
Вандомская колонна,
Я бы женился на
Place de la Concorde!*

Разные времена и поколения ставили разные категории связи: «Поэт и Муза», «Поэт и царь», «Поэт и слово», «Поэт и родник», «Поэт и усадьба», «Поэт и одиночество». Впервые стала реальностью категория связи «Поэт и Площадь».

Евтушенко — поэт-оратор. Дар его огромен. Его муза — полемическая публицистика. Она лирически вибрирует политический нерв мгновения.

Его знают в Мадриде и Магнитогорске. Его ждали. Многие пришли из-за него. В достоверном фильме «Москва слезам не верит» оператор, пытаясь воспроизвести площадь Маяковского тех лет, почему-то пока-

зал жалкую кучку недоуменно жмущихся слушателей. В те времена площадь была забита до отказа. Равнодушных не было. Позднее ее разливали до краев в чаши Лужников. Машины не могли проехать. Отчаясь сигнализировать, шофера и седоки присоединились к толпе, становились толпой поэзии. До сих пор поэтическое слово, хотя и называвшее себя вольным, как ветер, в реальности было комнатным, кабинетным, находилось взаперти, под крышей мансард, дворцов, лекционных залов. Поэты писали и читали о небесах, отграживаясь от неба крышей. Впервые ныне поэтическое слово реально обрело Площадь. Оно стало размером с площадь, и вот, обиваясь об угол зала Чайковского, его относит направо, вдаль — к Пушкину.

(Поэты 20-х годов, конечно, адресовались площади. Лишь сейчас микрофоны и динамики дали возможность всей площади слышать Слово. Да и самый слушатель сейчас иной, чем в 20-х.)

30 ноября 1962 года поэзия впервые в истории вышла на стадион Лужников. Это стало датой рождения стадионной поэзии.

Евтушенко рожден 60-ми годами, когда русская поэзия вырвалась на площади, залы, стадионы. Захотелось набрать полные легкие и крикнуть. 60-е годы нашли себя в синтезе слова и сцены, поэта и актера. Для них характерна туманная, «женственная рифма» с размытыми согласными. Так рифмовали Слуцкий, Межиров, Луконин, Ахмадулина, а еще ранее Кирсанов, Сельвинский.

Они как бы предчувствовали площадь, где многотысячное эхо размытывает окончания строк. У Евтушенко это стало основой поэтической манеры.

А еще далее традиция эта уходит к народным песням, в которых время и протяжные пространства полей стираются согласные, как плывущие цвета акварели «по-сырому», вне четких очертаний. Так, например: «шубу — шуму», «легенд — лелемой», «женщина — жемчуга».

Евтушенко вернул затрапанным словам трепет. Сказанные размашисто, импрессионистически эзби, торопясь, с рисковой свежестью молодого жеста, они сохранили веющий воздух безоглядного времени. Воздух был талантлив и нетерпелив.

На днях я распахнул створки первого тома его собрания сочинений и вновь ощутил этот до печенок проникающий, жаждый, нетерпеливый озон надежды, душевный порыв страсти, дроглую капель на Сущевской, наше волнение перед Политехнической

ским, медноволосую Беллу, вспомнил и остро пожалел об общем воздухе, об общем возрасте, о вечерах «на пару», о юной дружбе с ним — с неуверенным еще в себе и дерзостно верящим в свою звезду юношем с азартно сведенными до точек глазами, тонкими белыми губами, осанкой трибуна и беззащитной шеей подпротекты.

Без его гигантской энергии не было бы многих поэтических чтений. Он увлекал не только зрителей, но и администраторов. Героини его лирических плакатов щемящие дрогнули на ветру, как маревые вербные веточки. Его жанровый диапазон бескрайен — от лирики, эпики до политического романа.

Тысячи знакомых и незнакомых называют его «Женя». Его молниеносный галстук мелькает одновременно в десятке редакций, клубов, вернисажей. Он поистине чувствует себя заводом, вырабатывающим счастье. Если сложить тиражи всех его публикаций, они, наверное, покроют площадь Маяковского.

Лучшие его, щемящие, искренние стихи — «Смеялись люди за спиной», «Москва-Товарная», «Баллада о лотосе». «Со мною вот что происходит...». Читал он эти стихи распахнуто, люди светились, слыша их, будто сами их только что написали.

Мы были братьями по аудитории. Когда-то на вечере в Московском университете Илью Эренбурга спросили о Евтушенко и обо мне. Усталый мэтр, тончайший дегустатор мировой поэзии, горько усмехнулся: «Что у них общего?» И ответил притчей.

«Однажды разбойники поймали двух путников. Сначала одного, потом другого. И привязали их вместе к одному дереву одной веревкой. Так вот, общее у них — это одно и то же дерево, та же веревка и те же разбойники».

К сожалению, разбойники, увы, до сих пор существуют.

Сейчас стало модой пренебрежительно говорить о нем. Дефицитники, путающие Северянина с Сервилем, переключились на АББА.

Увы, его есть в чем упрекнуть, но недостатки простираются из его достоинств.

Вспомните ночную площадь Маяковского, взволнованный воздух дышащих многотысячных толп, худую фигуру и хватающий воздух жест — будто человектонет! — вспомните бледное, искаженное мукой и упоением лицо поэта и стон его: «Граждане, послушайте меня!» Человек тонет. Человек тонет на площади.

* площадь Согласия (франц.).

Наталья КИСЛОВА

Напишите о «Детском альбоме» — попросили меня. И я легкомысленно согласилась. А что, подумала, сяду в какой-нибудь из свободных вечеров за стол, вспомню, как и в связи с чем написана каждая пьеса этой тоненькой тетради. Что может быть проще?..

Сборник был запрятан глубоко в шкафу, как и все другие нотные издания, принадлежащие перу моего дяди, композитора Арама Ильича Хачатуряна. Там лежали фотографии, слайды, письма, книги. Одним словом, архив. Ни разу с тех пор, а прошло уже более шести лет, как не стало «Дярама» (так я всегда, с самого детства, называла дядю), не прикасалась к этим вещам. Кажется, даже как-то интуитивно старалась не подходить близко к этому шкафу. И вот теперь предстояло открыть его, вынуть одну за другой каждую книгу, каждую нотную тетрадь, связки писем, перебрать массу фотографий.

Я вынимала из шкафа свою жизнь — год за годом, час за часом. Как будто вынимала из груди свое сердце, долго-долго рассматривала его, стараясь не слишком травмировать прикосновением. Каждая точка остроболезненна... Вот и «Альбом».

Открываю титульную страницу. Строки посвящения:

«Любимой племяннице Наташе с уверенностью, что она победит. Дярам».

Листаю дальше. Нот не вижу, нет. Само детство властно, неудержимо врывается в душу. Здравствуй, детство, далекие послевоенные годы...

«Детский альбом» был издан впервые в 1947 году. В предшествующие два или три года создавались его пьесы. Они наполнены сюжетами нашей детской жизни, радостным драматизмом детской повседневности. Арам Ильич Хачатурян, как всегда, талантливо и ярко рассказал на этот раз о своих близких — детях и племянниках, которые постоянно вились вокруг, беспредельно любили его за одаренность, самобытность, непохожесть во всем и всегда — в творчестве, в отдыхе, в застолье, в минуты домашнего покоя, если таковые когда-нибудь случались, в часы занятий с нами, детьми, — музыкой ли (почти все мы учились играть на рояле, виолончели, скрипке), композиции ли (Арам Ильич считал, что дар сочинительства заложен в каждом человеке), дирижированием ли, просто играя с нами и с Лядо — крошечным белым королевским пуделем-щенком, подаренным Араму Ильичу и всем нам другом семьи профессором Опариним. Кстати, имя щенку тоже придумал дядя — из двух нот: Ля и До.

Что творилось в маленькой дядиной квартире на Миусской! В старом теперь композиторском доме на улице Гоголя, когда по всем комнатам, кухне, коридорам впереди бежал дядя, за ним Лядо, а мы — все дети — гуртом, кувырком, с криком и визгом неслись следом, переполненные какой-то фантасмагорической радостью от сознания, что наш любимый дядя — такой веселый, шумный, неистощимый на выдумки и проказы. Тетя, тоже композитор, Нина Владимировна Макарова, хохотала до слез, глядя на нас, называла мужа «взрослым ребенком»... Кто-то прекрасно сказал, что художник — человек, который носит

детство в кармане. Применительно к Араму Ильичу очень точное определение.

Сейчас мне кажется, что вот так мы носились по дому каждый день. Сколько было игр, забавных историй, смеха! Пуделя Лядо любили все. Купали, водили гулять, расчесывали дивных его белых кудри, трепали за уши — он особенно это любил. Одно лето, помню, мы жили в Барвихе. Лядо, который уже здоровко подрос, носился по поселку, защищая слабых, маленьких, играя с детьми. Детей он любил и никогда не сердился на них. Зато сильных и злых собак терпеть не мог, бесстрашно кидался в бой. «Великий гуманист», — называл его в шутку Арам Ильич. А когда Лядо время от времени заболевал, всем было грустно.

Пьеса, посвященная Ренику — сыну

лету зубами, быстро разгрызая, бешено мотая хвостом. Это означало одно — счастье. Не от съеденного кусочка сахара — от полноты чувств, взаимной любви с родными людьми, большими и маленькими, которые окружали его. Мы все смеялись, дурачились. А мне, помнится, все было мало. Я просила, требовала, почему-то подпрыгивая: «Дярам, Дярам, ну, посмешите, посмешите...»

«Этюд» — эта пьеса посвящена мне, Тале. Таким уменьшительным именем от полного — Наталья — звали меня все родные. Интонация в пьесе повторяется и повторяется, в ней и просьба, и смех, и слезы, и требовательные нотки, и снова просьба...

Наши детские огорчения, видимо, очень трогали, задевали, расстраивали Арама Ильича. Плачет Реник: нельзя

сумятицу в конину брата, путая позиции армии и неприятеля... «Конница» — эта пьеса посвящена Владику. Ее воинственный дух — веселый и бесшабашный. В энергичной моторности, активности музыки великолепно передана беспечная детская удаль брата.

Рита — старшая племянница Арама Ильича. Она с самого раннего детства хорошо рисовала. Ее картины, карандашные наброски заполонили квартиры и Дярама, и нашей бабушки, где жила сестра. В три года она осталась без матери. Отец погиб на фронте. И Арам Ильич воспитал Риту, она стала художницей. Ей посвящена пьеса «Музыкальная картина», рассказывающая весьма серьезно о художественных увлечениях нашей сестры, ее сосредоточенном внутреннем мире. Раздумчивая, созерцательная музыка очень тонко, ненавязчиво раскрывает поэтическую душу подростка, юной девушки.

Мне думается, самое ценное в этих детских миниатюрах дяди то, что автор не пошел по пути нарочитого снижения, упрощения музыкального языка. Эстетические критерии, как всегда, безупречны и высоки. Сююканья никакого. Характерные для стиля Хачатуряна ритмическая острота, красочность и сущность гармоний, мелодическое богатство отличают каждую пьесу.

«Подражание народному» — эта миниатюра создана для Нуне, дочери Арама Ильича. Она была старшей из нас, училась тогда уже, помнится, на первом курсе музыкального училища при Московской консерватории. Ей же посвящена и следующая пьеса — «Фуга» — серьезная заявка, обращенная к юной пианистке.

Обе пьесы, посвященные Нуне, и еще самая первая и самая короткая миниатюра цикла «Андантино» наиболее, пожалуй, исполнены национального колорита. Хотя говорить о той или иной степени присутствия в музыке моего дяди интонаций его родины, Армении, — задача неблагодарная. В этом художнике все было органично, он никогда не высчитывал, не взвешивал, не конструировал музыку. Он ее сочинял и записывал на бумагу, потому что не мог не делать этого — просто бы умер иначе. Он пел ее — естественно и вольно — своим добрым и щедрым сердцем. И каждая пьеса «Детского альбома» написана именно так.

И еще. Я вспоминаю, как старались все родные и особенно Арам Ильич отметить весело и шумно день рождения каждого из нас. Мы принимали это как должное, как само собой разумеющееся. Радовались, хохотали, пели, танцевали. И пьеса — вальс «В день рождения» — об одном из таких семейных торжеств. Только сейчас понимаю, в какой чудесной атмосфере душевного тепла, обожания, постоянной заботы, внимания к нашему интеллектуальному и эмоциальному развитию росли мы. Поэтому стараюсь сейчас сохранить в своем доме такой же микроклимат добра и любви, словно эстафету, передать уроки человечности, полученные мной в детстве, своим собственным детям.

В 1947 году «Детский альбом» Арама Хачатуряна был выпущен на стеклографе Музфондом. Исполнители — дети и взрослые — нашлись быстро. И вот уже почти сорок лет они не оставляют своим вниманием этот тоненький сборник фортелийных пьес.

Всего лишь через месяц после выхода в свет стеклографа пьесы уже исполнялись на весенних экзаменах в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории. Реник и я учились в этой школе. Играли пьесы на экзамене. А потом вместе с другими ребятами нашей школы, которые тоже их играли, мы пришли в студию Всесоюзного радио. Был с нами и автор музыки. Сначала мы исполняли пьесы из «Детского альбома», и нас записывали на пленку. Потом мы все сфотографировались на память. Эту фотографию вы и видите...

ДЕТСКИЙ

АЛЬБОМ

композитора, моему двоюродному брату, называется «Лядо серьезно заболел». В печальных аккордах столько детских слез — нам жалко заболевшего пуделя, жалко себя, потому что нельзять шуметь и веселиться в полную силу: дядя расстроен. Арам Ильич лечил пуделя заботливо, трогательно, воспитывая в нас невольным своим примером доброту, гуманное отношение к слабому, занемогшему — неважно, человек или животное.

Ну, а о том, как Лядо любил хозяина, можно слагать поэмы. Он смотрел на Арама Ильича преданнейшим, всепонимающим взглядом, безропотно разрешая подшучивать над собой, класть, например, кусочек сахара на мокрый свой собачий нос. По команде Дярама пудель подбрасывал сахар, хватал на

Конкурс «Подвиг и память»

В этом году советский народ, все прогрессивное человечество отмечают 40-летие Великой Победы. Беспримерному подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны, спасшему планету от фашистского порабощения, «Смена» совместно с Бюро Международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ посвящает конкурс читателей. Вопросы объединяют одна тема: беспримерный геройзм советских людей, в едином порыве вставших на защиту социалистического Отечества. И мы надеемся, дорогие читатели, что, разыскивая ответы, вы задумаетесь о многом, что связано с историей четырех незабываемых лет.

ВОПРОСЫ КОНКУРСА:

1. В самые первые дни Великой Отечественной войны по радио звучало большое музыкальное произведение, звавшее на борьбу с врагом. Назовите это произведение и его автора.

2. Комсомолец, студент Московского юридического института из-за несчастного случая потерял кисти обеих рук. Летом 1941 года в ЦК ВЛКСМ, куда он обратился с просьбой послать его в тыл врага, юноши сказали: «Но ведь никто еще не прыгал в вашем положении с парашютом...» «Но ведь в мире нигде, кроме нашей страны, нет и Советской власти!» — ответил юноша. Он был принят в партизанский отряд и стал хорошим разведчиком. Назовите этого комсомольца.

3. Участник спасения летчиц Гризодубовой, Осиенко и Расковой, он двое суток не покидал отделения связи и стал первым среди своего народа орденоносцем, а позже — первым летчиком. Назовите этого человека и его национальность. За какой подвиг в 1941 году он посмертно был удостоен ордена Ленина?

4. Почему на памятнике народному герою Югославии, члену Союза молодежи Югославии Велизару Станковичу написана двойная фамилия — Станкович-Корчагин?

5. Шел напряженный бой в Сталинграде. Несколько немецких танков двигались к окопу комсомольца Михаила Паниако. Отважный воин уже израсходовал все гранаты, у него остались только две бутылки с горючей смесью. Он высунулся из окопа, размахнулся, рассчитывая поджечь ближайшую ма-

шину. Но тут пуля пробила бутылку, и пламя охватило героя. Тогда он поднялся из окопа, подбежал к фашистскому танку и ударил второй бутылкой по решетке моторного люка. Языки пламени и клубы дыма поглотили героя вместе с подожженным им танком. Как его называли за этот подвиг?

6. В боях на Курской дуге особо отличился летчик, коммунист, сын белорусского крестьянина. Он, единственный в мире, в одном бою сбил девять вражеских стервятников. Назовите героя. Какая надпись украшала фюзеляж его самолета?

7. Когда и где была создана в годы Великой Отечественной войны первая комсомольско-молодежная фронтовая бригада? Кто ее руководил? Что вы знаете о работе этих бригад?

8. Единственный военный летчик и композитор, автор многих музыкальных произведений, лауреат Государственной премии СССР, он во время войны командовал эскадрильей штурмовиков, награжден 13 боевыми наградами. Назовите его.

9. Украинский пионер в годы войны повторил подвиг Ивана Сусанина. Об этом рассказал спектакль, премьера которого состоялась в 1969 году. Назовите пионера, автора пьесы и театр, где состоялась премьера спектакля.

10. 8 февраля 1945 года десять советских военнопленных во главе с летчиком убили конвоира, захватили бомбардировщик Хе-III и поднялись в воздух. Растрелявшиеся

от неожиданности гитлеровцы не смогли задержать беглецов, и самолет приземлился в расположении наших войск. За этот выдающийся подвиг — побег из концлагеря — летчику было присвоено звание Героя Советского Союза. Назовите летчика и аэродром, с которого он уgnал самолет.

11. Кто и где в годы войны был инициатором сбора средств на строительство танка «Малютка»? Кто водил этот танк?

12. Назовите воинов, которым посвящена поэма Р. Гамзатова «Солдаты России».

13. Кто первым закрыл своим телом вражескую амбразуру? Сколько человек совершили этот подвиг в годы войны?

14. Кто был самым юным среди награжденных медалью «За отвагу» в годы войны?

15. На 14-метровом постаменте-стебле раскрыл лепестки гигантский цветок. На лепестках надпись: «Пусть всегда будет солнце». Где в нашей стране и в чью память установлен этот памятник? Кто его авторы?

Ждем ваших писем,
дорогие читатели.
Последний срок отсылки
конкурсных работ — 10 марта.
На конверте,
пожалуйста, пометьте:
Конкурс «Подвиг и память».

Итоги первого тура подведет компетентное жюри, председателем которого является А. П. Слантьев, маршал авиации, Герой Советского Союза, председатель секции туристской экспедиции «Моя Родина — СССР» Центрального штаба Всеобщего похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа.

Председатель жюри:

«Надеюсь увидеть среди авторов писем-ответов участников всесоюзной поисковой экспедиции комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников «Летопись Великой Отечественной», экспедиционных отрядов «Моя Родина — СССР», молодых рабочих, студентов, воинов».

Жюри обращается к вам, дорогие читатели, с просьбой оформлять свои работы аккуратно, четким почерком, писать на одной стороне листа. Работа должна состоять из двух частей. В первой части надо строго, в том порядке, как они заданы, дать предельно краткие, но точные ответы на вопросы. Во второй части, также по порядку, вы должны с возможной полнотой прокомментировать свои ответы, изложить все, что вам удалось узнать по тому или иному вопросу. Ответы и комментарии желательно излагать в тетрадях или альбомах. Будем вам признательны, если вы укажете источники своих ответов на вопросы. Участникам конкурса необходимо указать точный адрес, фамилию, имя и отчество, возраст, место работы или учебы, профессию.

Для победителей установлены призы:

5 путевок во Всесоюзный героико-патриотический клуб «Подвиг» (Волгоград);

20 годовых подписок на «Смену»;

50 книжных призов и сувениров.

Каждый призер будет награжден почетными дипломами «Смены» и БММТ «Спутник».

Желаем вам успехов!

ПОВЕСТЬ

ВИДУЛКА

В ЛОВУШКУ

Глава первая

Генерал Анфилов покрутил диск с цифрами на сейфе, набирая нужное число, повернул ключ в замке и распахнул тяжелую стальную дверь. В темном чреве массивного шкафа лежали на полках папки разного цвета с бумагами. Он взял тонкую красную, тщательно запечатанную сейф, развязал тесемочки и выложил на письменный стол десятка два листков с разведывательной информацией.

Он отдал сведения за прошлый месяц от новых данных, разложил на столе, как игральные карты, и стал сравнивать. Машинописный текст почти всей свежей, апрельской информации был замаран красным карандашом — жирно подчеркнутые строчки, галочки, вопросительные знаки, сделанные им самим, тогда как старые, мартовские сведения, как и более ранние, не вызывали у него никаких сомнений ни прежде, ни теперь. Проверка подтвердила их полную достоверность.

Перебирая листки, уже неоднократно читанные, Анфилов снова подумал: «Так что же все-таки это означает? Что там произошло?»

Это была информация о гитлеровской армии, пересыпаемая по радио одной из его разведывательных групп, временно обосновавшейся в Швейцарии. Анфилов придавал ей особое значение. Он перебросил часть своих людей туда для того, чтобы обеспечить им большую безопасность. Разведчики, действующие в самой Германии и некоторых оккупированных странах, работали в очень трудных и опасных условиях, под постоянным давлением гиммлеровских репрессивных служб. Перевод же нескольких людей в соседнюю с Германией страну в какой-то мере гарантировал их неизвестность и успешную деятельность. Это оправдало себя: от группы непрерывно поступали важные сведения о вермахте, получаемые от источников в рейхе. Донесения представляли для советского командования значительную ценность.

Швейцарская группа вышла на эти источники почти четыре месяца тому назад, в январе сорок третьего года. Фортуна, несомненно, улынулась одному старому сотруднику Анфилова, когда тому удалось установить деловой контакт с Хосе — офицером секретной службы, который и связал наших людей с законспирированными антифашистами в Германии. Правда, связал не напрямую: информация поступала сперва какому-то человеку, пожелавшему остаться в тени, некоему господину ИКС, а затем через Хосе передавалась нашему связному.

Анфилов знал, что оппозиционная фюреру часть военной элиты всегда предпочитала иметь дело с западными державами, а отнюдь не с Советским Союзом. Однако полное бездействие в Европе англичан и американцев, с одной стороны, и недавний сокрушительный разгром вермахта на Волге, с другой стороны, очевидно, сильно повлияли на умонастроение тайной антинацистской группы в Берлине. Впрочем, ее представитель в Швейцарии господин ИКС сам ответил довольно ясно о причинах, побудивших его к сотрудничеству. Через своего посредника Хосе господин ИКС сообщил, что он и его друзья в Германии видят пока единственную силу в мире, которая способна сокрушить гитлеровский рейх — Красную Армию: она доказала это своей героической борьбой на фронте. Поэтому его единомышленники готовы помочь командованию Красной Армии.

Анфилову предстояло принять сегодня важное решение. В сущности, он уже принял его. Оставалось доложить начальнику о продуманном плане операции и получить согласие. И теперь, сидя за столом в кабинете, он в последний раз проверял себя.

Позвонил дежурный офицер и сообщил Анфилову, что генерал-полковник Самохин только что прибыл и ждет его.

Собрав со стола бумаги и уложив в кожаную папку, Анфилов взглянул на ручные часы. «Без пятидесяти. Пунктуален, как всегда», — подумал он о Самохине.

Миновав комнату дежурного и двойные двери, обитые кожей, Анфилов вошел в просторный кабинет начальника. Генерал-полковник Самохин разговаривал

вал по телефону. Он, молча кивнув, указал глазами на кресло у стола.

Выглядел Самохин неважко. Бледное, с тонкими чертами лица было сероватым, под глазами набухли мешки. И во всей его сухой, костистой фигуре и в голосе чувствовалась усталость.

Анфилов раскрыл свою папку с отобранными для доклада листочками с информацией.

Константин Иванович, продолжая телефонный разговор, поглядывал то на листочки, где машинописный текст был исчеркан красным карандашом, то на сосредоточенное лицо Анфилова, но к бумагам не прикасался. Он не любил заниматься сразу двумя делами. Зато, взявши за что-то, изучал вопрос с присущей ему доносительностью со всех сторон.

Самохин ценил этого опытного помощника. Анфилов прекрасно знал свое дело, был хорошим аналитиком, обладал исключительной профессиональной памятью. С тех пор как Самохин назначил его руководителем ведущего участка, работа здесь заметно улучшилась: разведывательные группы активизировали деятельность, поступающую от них информация отличалась достоверностью, грамотным освещением военных вопросов. В анализе и отборе сведений чувствовалась уверенная рука специалиста.

Начальник нажал кнопку звонка. На пороге кабинета появился дежурный лейтенант.

— Я занят, — произнес Самохин. — Никого не впускайте. По всем вопросам — к заму.

— Слушаюсь, товарищ генерал-полковник! — Офицер исчез, притворяя двойные двери.

— Я готов, Константин Иванович, — сказал Анфилов, поглядывая на радиограммы.

Он кратко напомнил начальнику, каким образом и когда удалось вступить в контакт с посредниками немецких информаторов — с Хосе и неким не пожелавшим называться господином ИКС. Высказал предположения о тайных целях этой законспирированной антинацистской организации, охарактеризовал радиостанцию Зигфрида и Анжелику, иначе — супругов Кинкель, сообщил, как устроена связь между ними и Хосе.

Генерал Самохин слушал, откинувшись к спинке кресла. Бледное, тонко вырезанное лицо было бесподобно. Только узкие кисти рук мягкими, замедленными движениями поглаживали лакированное дерево на подлокотниках.

— Начинай с января, вы знаете, всю информацию от этих источников я регулярно включал в сводку, — продолжал Анфилов. — Но в апреле их будто кто подменил. Вот смотрите. Расплывчато, неинтересно. Почти все конкретное пропало: цифры, числа, номера соединений — все, чем так цenna была их информация... Это я вам уже докладывал раньше... А вот совсем свежая радиограмма...

Анфилов подавал начальнику один за другим листочки с текстом.

— Пользоваться такой информацией, разумеется, нельзя. Сравните ее с январско-мартовской — совсем иная картина!

— Я хочу посмотреть все, от аза.

Генерал Самохин снова стал читать старую, доапрельскую информацию.

7.02.43. Центру.

От ИКС, через Хосе.

Сведения о тотальной мобилизации в Германии:

С 1 января 1943 года на строевую службу в вермахт призвано 286 тысяч человек. До 1 июня будет мобилизовано еще 290 тысяч новобранцев, уже прошедших медицинское обследование. Кроме того, для несения гарнизонной службы, строительных и других работ — 85 тысяч. В январе почти 50 тысяч солдат пополнили войска СС.

Зигфрид. 20.03.43. Центру. 02 час. 28 мин. Молния.

От ИКС, через Хосе.

Ход боевых действий в районе Курска, Купянска, Ростова вынудил командование вермахта изменить свои первоначальные планы. Главное командование намерено воздержаться от введения в сражение 3-й танковой армии для взятия Курска до тех пор, пока коммуникации Брянск — Льгов не окажутся под контролем немецких войск.

До начала штурма Курска командование хочет быть уверенными, что сумеет, если потребуется, быстро вернуть обратно танковые дивизии, переброшенные из-под Брянска. В результате изменения планов задержалось развитие боевых операций на этом участке фронта. Это дало возможность русским ускорить строительство укреплений вокруг Курска.

1-я танковая армия еще не переформирована. В начале марта в нее должны были вливаться пополненная 13-я танковая дивизия и 3-я танковая дивизия, но это до сих пор не сделано, ввиду чего отложено наступление на Ростов.

Зигфрид.

29.03.43. Центру.

От ИКС, через Хосе.

В марте танковые заводы Германии выпустили 320 танков «Т-3», 400—410 танков «Т-4» и 90 машин «Б-1» («тигр»). Кроме того, вермахт получил еще 950 танков других типов.

Зигфрид.

Затем Самохин прочитал апрельские сообщения. Некоторые были такого содержания:

5.04.43. Центру.

От ИКС, через Хосе.

Учитывая возможность перехода к стратегии обороны на советско-германском фронте, главное командование рейха наращивает производство истребителей и других самолетов ближнего поля боя. Нехватка бензина препятствует введению в действие на фронте всей авиации.

Зигфрид.

8.04.43. Центру.

От ИКС, через Хосе.

Около месяца назад создан совет министров по обороне. В него включены высшие чиновники, возглавляющие важные оборонные учреждения, а также министры финансов и юстиции. Президентом совета назначен Геринг, его заместителем — Гебельс.

Зигфрид.

— Как видите, Константин Иванович, очень мало конкретного, не идет ни в какое сравнение с тем, что было прежде, — проговорил Анфилов. — Либо шлют, что нам известно, либо то, что не составляет особого труда выяснить по другим нашим каналам... А вот, пожалуйста!.. Это уже просто грубая деза!.. Он пропустил радиограмму с коротким текстом.

17.04.43. Центру.

От ИКС, через Хосе.

Вермахт имеет сейчас на советско-германском фронте почти 30 тысяч танков.

Зигфрид.

— Ого! — Самохин усмехнулся. — Какая липа!

— Я послал запрос, указав, что такие неправдоподобные сведения ставят под сомнение всю апрельскую информацию, — хмурился, сказал Анфилов.

— Ну, и что они, интересно, ответили?

— Зигфрид ответил, что допустил ошибку.

— И часто он ошибается?

— Таких ошибок никогда не делал. Радист он прекрасный...

— Да-да... — тихо отозвался Константин Иванович, думая о чем-то и собирая со стола прочитанную информацию. Он передал пачку листков Анфилову. — Вы правы, Петр Федорович, этой информации верить нельзя. Явно кто-то пытается водить нас за нос, подсовывая фальсифицированные сведения.

— Да, Константин Иванович. Если в первые дни после того, как стала поступать такая информация, у меня еще были сомнения, то теперь их нет. За две недели накопилось достаточно материала, чтобы провести тщательный анализ.

— Но будем осторожны с выводами. Эти берлинские источники слишком важны для нас, чтобы от них отказываться. В особенности сейчас, когда назревают решительные события в районе Курска. Вы согласны?

— Безусловно, товарищ генерал-полковник. При такой напряженной боевой обстановке консервировать эту разведгруппу было бы большой ошибкой.

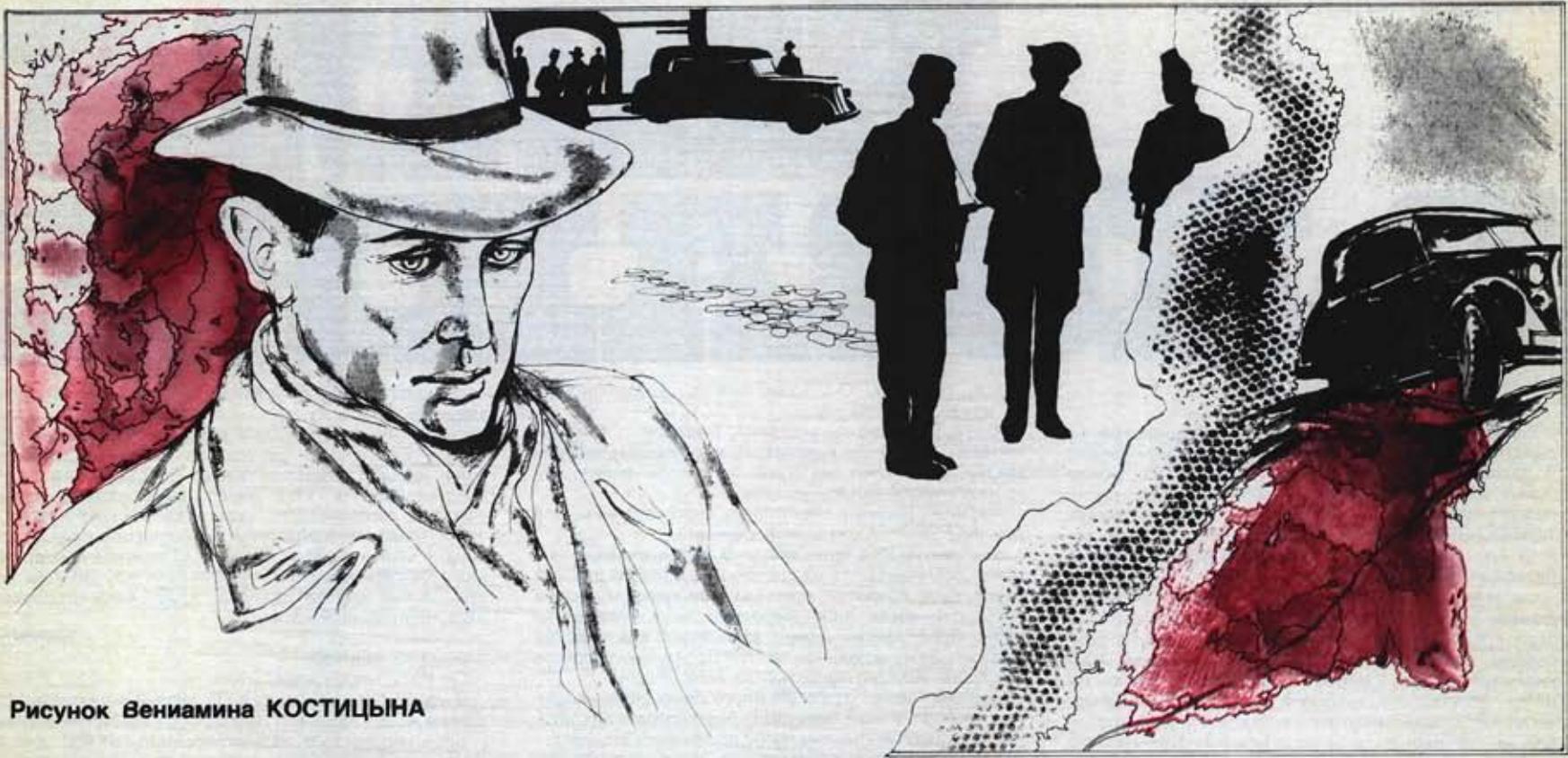

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

Необходимо предпринять все меры, чтобы сохранить ее. Конечно, при условии, если берлинские источники будут давать, как прежде, ценные сведения.

— Вот именно, Петр Федорович, только при таком условии.

Генерал-полковник положил перед собой схему с названиями городов и псевдонимами и, слушая объяснения Анфилова, поглядывал изредка на листок. По ходу рассуждений Петра Федоровича Самохин ставил на схеме красные крючки тревожных вопросов.

Как пересыпалась информация из Берлина, было неизвестно. Если по радио, то чужое вмешательство в тексты на этапе от берлинского радиста до господина ИКС отпадало. Однако оно могло быть в том случае, если сведения переправлялись с помощью дипломатических курьеров и германская контрразведка, вскрыв подобную связь, контролировала ее. Правда, для этого нужно знать ключ к шифру перехваченной информации, а курьерам он неизвестен. Далее сообщения расшифровывались господином ИКС и попадали в руки Хосе. А сами господин ИКС и Хосе? Могут ли они подсовывать разведанные? Полностью отрицать трудно. Мотивы могут быть разные: сотрудничество с гестапо или, скажем, деньги — продажа ценной информации другим иностранным разведкам. Впрочем, оба предположения, по мнению генерала Анфилова, весьма шатки. Даже если допустить, что немецкая агентура каким-то образом вышла на господина ИКС и Хосе и принудила их к работе, то это означало бы, что вся группа берлинских информаторов, а также радиостанция Зигфрид уже ликвидированы. Однако пока таких доказательств нет: анализ радиограмм показывает, что их отстукивает не кто иной, как Зигфрид, а по стилю текстов ясно, что частично их пишет та же знакомая рука в Берлине. Значит, группа антифашистов вроде бы продолжает действовать, сохранив конспирацию. Вроде бы...

Анфилов умолк, снял очки и, словно умываясь, потер широкими ладонями выпуклый лоб с залысиной, виски, заросшие волосом щеки. Потом он сказал, усмехнувшись:

— Может быть, абвер, СД или гестапо ведут с нами радиоигру? А чтобы это выглядело убедительно, арестовали не всех — сохранили пока Зигфрида в Лозанне и кое-кого из информаторов в Берлине. Но работают они, разумеется, под присмотром гестапо. Тогда все объясняется, нет никаких загадок... Полный провал.

Петр Федорович взглянул на Самохина. Генерал-полковник сидел, прикрыв веками глаза. Казалось, он дремал. Но Анфилов знал, что эта странная поза указывает не на расслабленность, а, наоборот, на то, что Самохин в крайней сосредоточенности. Так, отключившись внешне, ему, очевидно, легче собираться с мыслями.

Самохин всегда находился в более сложном положении, чем другие. То, над чем его подчиненные имели возможность работать дни и недели, он обязан был обдумать в короткий срок и дать указания. И чем важнее дело, тем ответственнее принимаемое по нему решение и, следовательно, тем труднее оно давалось начальнику.

Петр Федорович видел, что опасность, если не

гибель, нависшая над лучшими информаторами, взволновала генерала. Только огромная выдержка позволяла Самохину выглядеть спокойным. Он стойко переносил неудачи, сослуживцы считали его человеком бесстрашным и на редкость упорным. Когда случались срывы в работе, он говорил своим обычным тихим голосом: «Ничего. Проведем операцию по-иному... Думайте, фантазируйте! Только не изобрейте велосипед».

Самообладание не изменило Самохину. Когда он заговорил, лицо его было бесстрастно, только голос стал еще тише:

— Давайте, Петр Федорович, будем верить только фактам и анализу. В чем мы уверены? — Генерал-полковник поднялся и пошел по кабинету своим особенным, мягким, словно бы замедленным шагом. — Мы уверены в том, что в группе произошел серьезный срыв, вероятно, провал. Кто-то пытается нас водить за нос, ведет игру. Вместо ценной информации, как было раньше, нам подсовывают второстепенный, малозначительный материал, иногда даже липу. Кто этим занимается — германская контрразведка или секретные службы третьих стран, чьего исключения нельзя, — нам неизвестно. Какими фактами мы еще располагаем? Их очень мало. Мы знаем только, что в целом швейцарская группа Зигфрида действует, но какое-то ее звено взято под контроль теми, кто заинтересован дезинформировать нас. Верно?

— Совершенно верно, товарищ генерал.

— Безусловно, пользоваться информацией этой группы нельзя. Надо разобраться, что же там произошло. У нас есть два пути: либо законсервировать группу, пока не разберемся, либо включиться в игру, дабы обмануть противника и выиграть время для проверки. В данной сложной ситуации я предпочел бы второй путь. Вы, Петр Федорович, очевидно, такого же мнения?

— Конечно, Константин Иванович. Консервация группы встrevожит дезинформаторов. А игра даст нам преимущества.

Самохин сел в кресло, хмуясь, сказал медленно:

— Да-а, консервация их встrevожит... Значит, решено: ведем радиоигру через Зигфрида до тех пор, пока не закончим проверку. Какие у вас предложения по этой операции? — Опустив руки на подлокотники, Самохин выпрямился в кресле, внимательно взглянул на Анфилова.

— Я продумал несколько вариантов, товарищ генерал. Все, за исключением двух, пришлося отбросить. Швейцария сейчас — островок в оккупированной Европе, со всех сторон она обложена немецкими и итальянскими войсками. Пробраться туда трудно — границы заперты крепко. Но возможности у нас все-таки имеются.

Самохин кивнул седой головой, сухо покашлял в кулак.

— Давайте ваши варианты. Слушаю.

Анфилов изложил свой план операции. Для проверки положения в группе Зигфрида он предлагал послать опытного сотрудника Центра. Это капитан Рокотов, руководитель группы в оккупированной Франции, псевдоним Ришар, паспортная фамилия Шардон.

Глава вторая

Они подошли к узкой расселине между скал, и все трое присели на корточки в зарослях кустарника.

— Обожди здесь, брат, до границы двести метров, — тихо сказал Рокотову пожилой рослый крестьянин. — Покури, если хочешь. — И, подмигнув, похлопал Леонида по плечу тяжелой рукой, как бы успокаивая.

— Мы быстро — не успеешь сигарету выкурить! — заулыбался щербатым ртом второй проводник, худой парнишка, совсем еще мальчик.

Ночь была лунная, и Леонид видел, как они бесшумно скользнули вниз по белой тропинке, петляющей среди скал, и исчезли в кустарнике. Кругом было тихо. Только блестел ручей и слышался плеск падающей воды. От каменных круч и деревьев тянулись синие тени. Рокотов посмотрел в сторону границы, которую ему предстояло перейти, но ничего не увидел, кроме гор и чащобы леса. Со слов проводников он знал, что на швейцарской территории вдоль границы протянуты проволочные заграждения и по ним пущен электрический ток — перелезть через них практически невозможно. Однако люди священника нашли другой путь — сделали подкоп под заграждения и пользовались этой «кrottовой норой», как они называли, для своих нужд. Теперь по этому подземному ходу проведут по просьбе кюре Леонида.

От настоятеля сельской католической церкви Рокотов и узнал, с какой целью здешние жители прорыли тайный лаз и почему пограничная стража на той стороне не воспрепятствовала этому. Оказывается, и те, и другие были заинтересованы в данном предприятии, имея от него материальную выгоду. Связи между местными крестьянами и швейцарскими пограничниками впервые установились, когда Франция была полностью захвачена гитлеровцами. Жизнь на оккупированной территории резко вздорожала, многие продукты и товары можно купить только на «черном рынке» за высокую цену. Городское население Франции голодало, а в свободной Швейцарии еще жилось сытно, как в мирное время. По инициативе какого-то предпримчивого мошенника начались сделки между здешними жителями и закордонными пограничниками. Пограничники передавали французам различные дефицитные товары — сигареты, консервы, шоколад и прочее — на взаимовыгодных условиях: треть — себе, остальное — для реализации на «черном рынке». Отправляясь в город, дабы продать излишек продуктов своего хозяйства, крестьяне обменивали заграничный дефицит на ценные вещи, получая от этого свой барыш. Сперва товар просто перебрасывался с той стороны через два ряда колючих проволок. А когда объем контрабанды возрос, пришлося вырыть подземный ход сообщения. Сами заинтересованные лица, разумеется, этому новшеству не препятствовали, а на этой части французской земли, прилегающей к границе, в ту пору немецких солдат уже не было: почти вся Верхняя Савойя находилась под контролем отрядов маки. Подземным ходом сообщения со свободной нейтральной страной и стали с успехом пользоваться, когда возникла нужда спасти от расправы человека, преследуемого извергами-бошами, как сказал кюре.

...Укрывшись за огромным валуном, Леонид докурил сигарету. Да, он подготовился к переходу границы как надо, вроде бы ничего не упустил из того инструктажа, который получил неделю назад. В радиограмме Центра было указано, как и что он должен делать. Охотничий штаны и куртку швейцарского производства, именно поношенные и по его росту, купил у здешних крестьян, они же продали ему ружье. Ведь на той стороне он должен выглядеть как человек, приехавший сюда поохотиться. Разъятая двусторонка, пропертая на сажи, была уложена в чехол, патроны — в патронташ. Леонид проверил карманы куртки: деньги и документы, удостоверяющие, что он, Жан Шардон, проживающий в Лионе и приехавший для лечения в одну из курортных клиник Швейцарии, были на месте. Теперь дождаться проводников — и в путь.

Пока дело у него идет без сучка и задоринки, как сказал бы по-русски Рокотов там, дома, в России, где он не был, как казалось ему, уже ох сколько лет! До священника месье Пати он добрался благополучно. Правда, на пути из Лиона были две проверки, первая в поезде, вторая на станции, где он сошел. Во время последней могли произойти осложнения с непредсказуемыми последствиями, если бы у Леонида были поддельные документы. Но у него имелись настоящий французский паспорт с выездной визой в Швейцарию и врачебное свидетельство о необходимости соответствующего лечения.

По этому паспорту на имя Жана Шардона Леонид жил в Лионе последние несколько месяцев. Военный разведчик капитан Рокотов (Ришар) был переброшен сюда, в оккупированную зону Франции, по решению руководства Центра в период самых ожесточенных сражений под Сталинградом (до этого он работал в южной Германии под иной фамилией, имея надежное прикрытие). Центр располагал данными, что гитлеровское командование намерено перебросить на советско-германский фронт некоторые дислоцированные во Франции дивизии. Требовалось срочно установить номера и состав этих соединений, точное время их отправки на Восток. Задание поручили капитану Рокотову. Хорошо сочиненная легенда и авторитетные рекомендации помогли ему устроиться коммивояжером в солидную лионскую фирму по продаже медицинских инструментов. Эта работа предоставляла Леониду возможность ездить по городам оккупированной страны, открывала двери различных служебных кабинетов, помогала завязать полезные знакомства в немецких военных учреждениях и госпиталях, поскольку кривая спроса на медицинское оборудование, инструменты в канцеляриях вермахта неуклонно ползла вверх. В этих ведомствах и госпиталях Рокотову удавалось по крупицам собирать нужную информацию. Сведения о передислокации фашистских дивизий на Восток были своевременно переданы в Центр по радио.

За годы работы во вражеском тылу Леонид научился обеспечивать свои действия максимально правдивыми объяснениями или документальным подтверждением, а при внезапной критической ситуации иметь, кроме того, про запас нечто такое, что давало ему полное алиби. Именно подлинные документы, а также небольшая посыпка для одного влиятельного чиновника спасли его и на этот раз.

На железнодорожной станции в департаменте Савойя, где, по плану операции, Рокотов сошел с поезда, он подвергся вторичному контролю. Облавы и проверки документов гитлеровцы устраивали здесь часто, так как неподалеку находился район боевых действий карателей против французских партизан. Со станции Леонид должен был пройти в деревню и встретиться в церкви с католическим священником месье Пати. Но на платформе его остановил военный патруль.

Два солдата с автоматами на ремнях, перекинутых через шею, и офицер в черном эсэсовском мундире с серебряным погончиком на плече преградили ему путь.

— Проверка документов, месье, — сказал лейтенант, кинув два пальца к лакированному козырьку фуражки. — Предъявите ваши документы!

Рокотов достал из кармана пиджака паспорт и врачебное свидетельство о болезни. Немец долго рассматривал на последней странице паспорта штамп с выездной визой. Не отдавая документов, прищурившись, эсэсовец спросил:

— Судя по медицинскому свидетельству, господин Шардон, вам рекомендовано пройти курс лечения в клинике, не так ли?

— Совершенно верно.

— Почему же вы не едете за границу, а оказались здесь? Здесь ведь не место для лечения! — Офицер усмехнулся, не спуская с него изучающего взгляда.

Леонид предвидел возможность такой проверки и был готов к ней.

— До выезда за границу, господин лейтенант, я должен выполнить одно поручение, — спокойно ответил он. — Мне необходимо повидать префекта полиции этого города месье Молижона, чтобы передать посыпку от его старого приятеля месье Фуше, поли-

цейского чиновника города Лион. Вот, прошу убедиться! — И, распахнув свой большой кожаный чемодан, Леонид вынул увесистый пакет в оберточной бумаге с написанным адресом и фамилией префекта (тут все было подлинно: Рокотов-Шардон, бывший в весьма тесных отношениях с месье Фуше, в застольной ресторанной беседе сам предложил инспектору закинуть попутно посыпку с дефицитной снедью его добруму старому приятелю, услуга, мол, пустяковая, коль он все равно будет проезжать мимо этого города).

Лейтенант повертел в руках тяжелый сверток, перевязанный нескользко раз крест-накрест бечевкой, немного подумал, но вскрывать не стал. Уложив обратно посыпку в чемодан и принимая от эсэсовца свои документы, Леонид говорил с легкой, как бы извиняющейся улыбкой:

— Если бы не эта просьба уважаемого мной человека, господин лейтенант, я бы не тащился сюда местным поездом, а сел бы в экспресс и сегодня же был за границей, тем более что времени у меня для этой поездки маловато. А теперь, увы, я попаду на скорый только завтра!

Офицер, по-видимому, был разочарован. Однако, желая довести до конца свою роль, он приказал солдату из патруля проводить месье Шардона в полицейское управление и удостовериться, действительно ли посылка предназначается для господина префекта. Леонид вручил в присутствии сопровождающего сверток полицейскому чиновнику вместе с коротким письмом от его лионского друга, высушив слово благодарности и извинения за неприятный инцидент и принял приглашение переночевать в доме префекта. А за ужином они с хозяином выпили несколько рюмок отличного «Мартини», извлеченного из присланного пакета, в котором оказалась еще одна бутылка коньяка, шоколад, немецкие галеты и сыр рокфор.

Поутру Леонид простился с гостеприимным префектом, послонялся по городку, проверяя, нет ли за ним слежки, потом, купив билет, сел в скорый поезд Лион — Берн. Уезжать далеко от этих мест ему не следовало: хотя для встречи с товарищем за кордоном выделялись запасные дни, Центр просил приступить к операции как можно скорее. Убедившись, что «хвоста» за ним нет, Рокотов сошел с поезда на первой же остановке. Теперь у него уже не было никакого алиби на случай очередной проверки, если зададут вопрос, почему он возвращается назад, так и не доехав до пограничного контрольно-пропускного пункта. При посадке на встречный пассажирский Леонид уже заготовил убедительное объяснение и знал, как поступить дальше. Он миновал злополучный городок, где удачно «сыграл» на посыпке, и на следующей станции сдал в камеру хранения свой массивный дорожный чемодан (потом его заберет кто-то из людей священника). Рокотову предстояло сделать изрядный крюк, прежде чем достичь нужной деревни, тайком обходя лесом все населенные пункты. На этот раз происшествий не случилось. Сильный и жиличистый, Леонид отмахал два десятка километров по бездорожью довольно быстро.

Сельского священника он застал у гроба с усопшим — кюре служил заупокойной мессу. Крохотная церквушка была полна людей, возле гроба толпились в черных одеждах родственники покойного. На вошедшего Леонида никто не обратил внимания. Из сказанных полуслепотом слов соседей он понял, что отпевают молодого парня, односельчанина, застреленного в городе при гестаповской облаве на базаре. Когда месса окончилась, Рокотов подошел к кюре, назвал себя, сказал, от кого он, и произнес две условленные фразы. Месье Пати, сухонький, с седым клинышком бородки, но совсем не старым, энергичным лицом, быстро ощупывал пришельца живыми карими глазами. Потом удовлетворенно, светло улыбался, однако улыбка кюре предназначалась не столько Леониду, сколько была отражением каких-то его мыслей.

В небольшой жилой церковной пристройке, где обитал в одиночестве священник, они обо всем переговорили. В беседе, когда заходила речь о тяготах оккупации, об унижении народного духа, кюре не мог сдержать своего гнева, видно было, что ненависть к нацистским насилиникам переполняет его. Он не скрывал от месье Шардона, посланного его личным другом, что исподволь научает свою паству неповиновению оккупантам и поощряет тех из своих прихожан, кто не боится помочь восставшим маки. Сам же он давно оказывает приют тем, кого преследуют боси, кто ищет у него защиты.

— Я многих переправил через границу, месье. — Живые карие глаза кюре блестели и от возбуждения, и от выпитой деревенской «сливяники». — Среди них были разные люди, но не было ни одного предателя! Истинно так! — Месье Пати перекрестился быстро, словно отмахнулся. — Вас проведут честные французы! Это ничего, что они занимаются контрабандой — ведь они бедняки, им надо кормиться, — зато дело творят хорошее, богоугодное: помогают ближнему своему спастись от рук кровавых убийц.

Следующим утром кюре познакомил Рокотова с рослым пожилым крестьянином по имени Мишель (тем самым, что ушел теперь к границе вместе с мальчиком). Он оказался угремым, несловоохотливым, но опытным и спокойным проводником. Ночью они втроем — Мишель взял с собой сына Пьер — глухими охотничими тропами обошли посты карателей, оцепивших весь лесной район, и вышли в нужное место.

Подготовительный этап операции прошел сравнительно гладко. Завтра, пятого мая, то есть уже сегодня (Леонид взглянул на часы, стрелки показывали без четверти час), он должен быть за кордоном — там его ждут... Он погасил сигарету о камень, прислушался... Нет, не идет. Но тут же заметил мелькнувшую в кустарнике фигуру, и через минуту на тропинке у ручья появился поднимающийся к нему мальчик.

— Небось, зайдется? — сказал Пьер, растягивая в улыбке широкий рот с щербатыми зубами. — Когда волнуешься, время ползет, как улитка, по себе знаю. Все готово. Пошли! Отец ждет нас. Сегодня на той стороне на постах наши ребята.

Рокотов поднял с земли зачехленное ружье, перекинул ремень за плечо, и они пошли, Пьер впереди, он на пару шагов сзади. Рослый Леонид был на две головы выше юного проводника.

Приворно шагая и прыгая через камни, мальчик все время вертел головой, посмотревая по сторонам и оглядываясь назад, чтобы убедиться, не отстал ли его спутник. По уверенности, с какой двигался Пьер, было ясно, что он здесь не в первый раз. Вдруг мальчик резко остановился. Леонид едва не столкнулся с ним.

— Пригнись — вон ты какая каланча! — шепотом сказал Пьер. — Тут надо пройти малость лощиной, с той стороны могут увидеть, кому не надо. Луна-то, как фонарь, светит! — И он исчез на повороте тропы, за склон.

Леонид, скинув ремень с плеча и перехватив в руку чехол с ружьем, пригнулся, как мог, и последовал за проводником. Они быстро пересекли открытое место — только мелькнули по камням их кривые тени — и нырнули в кустарник, прошуршав ветками. И почти сразу, сделав несколько бесшумных шагов, Пьер опустился на корточки.

— Садись. Пришли, друг.

Рокотов присел, оглядываясь. Перед ним в склоне горы, заросшей густым подлеском, зияла дыра диаметром с метр. Рядом валялись крупные камни, которыми ее закрывали. Сбоку послышался шорох, и Леонид увидел вылезшего из кустов Мишеля. Рослый крестьянин быстро подсел к нему и, приставив ребром к руку широкие ладони, подражая филину, глухо прокричал:

— Ух! Ух! Ух!

С той стороны границы проухали дважды.

— Полезешь с Пьером, — тихо сказал Мишель, — я буду здесь. На той стороне, как вылезешь, сразу уходи подальше. Пограничник — наш парень. Когда ты пройдешь, он закроет нору. Даст мне сигнал, что все в порядке. Он ждет. Удачи тебе, брат! — Мишель скрупульно улыбнулся и похлопал Леонида по спине.

«Кротовая нора» оказалась довольно просторной, шире, чем входное отверстие, и, хотя разогнуться в ней было нельзя, на четвереньках передвигаться можно было свободно, не задевая стен и потолка. Тянуло сыростью и холодом, но земля была сухая. Прорванный маленький Пьер быстро полз впереди. Леониду пришлоось передвинуть зачехленное ружье на грудь, и теперь оно качалось на ремне под ним, мешая движениям. Впереди появился слабый свет, обозначивший фигуру Пьера.

— Все, приехали, — прошептал Пьер.

У выхода нора была прорыта пошире, и они вдвоем смогли уместиться рядом. Прислушались... Тихо.

— Гляди не кури! — озабоченно сказал мальчик. — Потерпи до рассвета.

Леонид серьезно сказал:

— Да уж постараюсь.

— Ну, будь здоров!.. Может, еще увидимся. — И он похлопал Леонида по спине, как отец.

— Спасибо тебе, дружок. Ползи назад, ты свое сделал.

— Не, я подожду. Отец велел. Ну, иди...

Рокотов вылез наружу и лег ничком на траву, прислушиваясь. Потом осторожно приподнялся, огляделся. Полная луна ярко освещала окрестные лес и горы, от них тянулись размытые тени. Тот же холодный, строгий пейзаж, а земля уже швейцарская. «Как все условно в мире», — невольно подумал Леонид. И в эту минуту увидел позади себя, метрах в сорока, высокие колья снатянутой на них колючей проволокой. Заграждения, обозначавшие пограничный рубеж, уходили вправо и влево, то теряясь из вида среди деревьев и кустарника, то выползая на оголенные скалистые кручи.

Все это длилось, вероятно, не более минуты — как вылез из норы, как лег ничком и осмотрелся, — но сколько мыслей и чувств родилось в нем и погасло за один миг! Он взглянул через плечо назад. В черном зеве подземного хода бледным пятном маячило лицо

Пьера. Леонид пружинисто вскочил на ноги и, закидывая за плечо ремень ружья, бросился бежать длинным мягким шагом, не смотря по сторонам, а только под ноги, думая лишь о том, как бы не оступиться в неверном свете луны, не упасть. Отбежав немногого в лес, он остановился и послушал ночь. Где-то шумела вода, падая с высоты и разбиваясь о камни. И больше ни звука. И вдруг неподалеку резко крикнул филин. Через промежуток с французской стороны трижды проухал Мишель.

Леонид вынул из чехла ружье, соединил приклад со стволом. Посмотрел на часы — до назначенной встречи с Папашей было еще много времени. Он стянул с куртки и штанов прилипшие травинки и землю, подтянул высокие охотничьи сапоги. Сориентировался, намечая себе путь. Высоко в небе над лесом и окружающими горами сияли серебром вечные сугна вершин Монблана. Вид у прославленного исполнителя был царственный. Казалось, он стоит совсем рядом. Леонид определил направление на Женеву. Пройти он должен не более трех километров.

Дощатый транспарант с гербом — широкий белый крест на красном поле — и надпись «пограничная зона». Рокотов отыскал без труда. Рядом журчал ручей, а за ним — два огромных камня-близнеца. Здесь кончалась пограничная зона. Приметы места встречи, сообщенные в инструктаже Центра, в точности совпадали. Теперь надо подождать до шести утра.

Отойдя в сторону от камней-близнецов, Леонид забрался в густой подлесок и сел на траву, оперившись спиной о ствол сосны. Ружье и чехол положил возле.

Как было указано в радиограмме Центра, необходимые отметки в паспорте обеспечит ему Папаша: при встрече Леонид передаст этому человеку свой паспорт. В случае непредвиденных обстоятельств, если по какой-то причине их свидание не состоится, у Рокотова имелся запасной вариант: прибыв в Женеву, он явится по адресу, который дал Центр. Но тогда ему придется жить тайно, что в военное время опасно и значительно осложнит операцию.

Конечно, можно было попытаться попасть в Швейцарию обычным путем: официально запросить въездную визу для лечения пошатнувшегося здоровья — справка о болезни у Леонида есть. Однако это слишком рискованно. Даже если ему разрешат въезд, такая процедура чревата серьезными последствиями. Во-первых, любой приезжий из другой страны обязан зарегистрироваться в полицейском отделе для иностранцев, а это не исключает, что за Рокотовым-Шардном будет установлено наблюдение. Во-вторых, нет никакой гарантии, что он беспрепятственно пройдет введенную сейчас гитлеровцами на границе строжайшую проверку документов, как нет также уверенности, что швейцарская полиция не запросит петеновскую полицию, работающую в тесном контакте с гестапо, что представляет собой мсье Жан Шардон... Да. Анфилов правильно спланировал переход границы. А дальнейшее теперь зависит от Папаши. В инструкции Центра, которую Леонид получил, человек, встречавший его здесь, назывался только этим псевдонимом.

...Вырвавшееся из-за гор солнце брызнуло слепящими лучами, ярко озарив и лес, и скалы, и далекие, до того скрытые в утреннем тумане очертания крошечных домиков лежащих в долине деревни. Глетчиры Монблана нестерпимо сверкали. Леонид с наслаждением повалился на траву, глядя в чистое небо. Теперь он может немного расслабиться, просто вот так полежать, это необходимо. Но немного. Потом лучше походить по лесу, размяться, умыться. Всда в ручьёв ключевая, холодная, вмиг взбодрит...

Утираясь платком, Леонид расслышал сквозь щебетание и посвистывание птиц легкое покашливание. Он тоже покашлял в кулак, указывая идущему направление. Из густого орешника выбрался мужчина с двусторонкой в руках и остановился, всматриваясь в долговязого незнакомца в альпийской шляпе и охотничьем костюме. Затем неспешным шагом человек направился к Леониду. Он был низенький, крепко сбитый, с внушительными кулаками и лицом рабочего. В зубах зажата потухшая кривая трубка. Одет в куртку и штаны, какие носят охотники в Альпах.

Приблизившись, мужчина сказал, не вынимая трубки изо рта, со знакомым Леониду марсельским выговором:

— Доброе утро, мсье. Удачной охоты!

— Спасибо. Вам — тоже, — ответил Леонид по-французски.

Они смотрели пристально друг на друга. На широком, посеченном морщинками лице пришельца лежало выражение простоты и дружелюбия, в рыже-серых прокуренных усах таилась улыбка, а черные глазки под кустиками бровей остро блестели.

— Не желаете ли, мсье, угоститься табачком? Вы, наверно, такого не пробовали. — И охотник с ленцой вынул из кармана куртка серебряный портсигар.

— Благодарю. Я курю только сигареты. Нельзя ли взглянуть на ваш портсигар?

— Пожалуйста. Старинная вещичка — от моего деда.

Это были слова пароля, по которому они должны опознать друг друга. Леонид, улыбаясь, протянул товарищу руку. Тот пожал ее с ощущением силой.

— Меня зовут Ришар, — назвался Леонид.

— Папаша.

— Вам привет из Центра.

— Спасибо. На днях получил оттуда радиограмму вас, — сказал Папаша. — А теперь пойдемте. Надо подстрелить что-нибудь для отвода глаз. Я тут знаю хорошие местечки. По дороге поговорим.

Зарядив ружье, они пошли лесом, отыскивая полянки, где кормятся рябчики. Папаша шел впереди валкой, как будто ленивой походкой, но Леониду не приходилось сбавлять своего привычного широкого шага. По временам низенький крепыш оглядывался на напарника, прикладывая толстый палец к губам. Затем, посвистывая в манок, по-кошачьи крался между стволами на ответный свист рябчика, держа двусторонку наготове. Через минуту раздавался выстрел, и очередной пернатый трофей отправлялся в охотничью сумку Папаша. К концу охоты на двоих у них набралось с десяток рябчиков.

— А теперь мне нужен ваш паспорт, чтобы сделать в нем отметку, как это полагается у порядочных людей. Не беспокойтесь, все будет чин по чину! — Крепыш подмигнул Леониду насмешливым черными глазом.

Закинув за плечи ружейные ремни, они стали спускаться по петлявшей среди камней тропинке в долину, к лежавшей внизу деревне.

— Сейчас нам самое время познакомиться как следует, благо мы одни, — сказал Папаша, остановившись и присаживаясь на гладкую каменную глыбу. — Садитесь, мсье Шардон, передохнем. — Полистав и внимательно осмотрев паспорт гостя, он произнес: — Паспорт и виза у вас, как я вижу, настоящие — это хорошо!

— Да, и паспорт и виза настоящие. Товарищи позаботились, — с улыбкой ответил Леонид. — Можете не сомневаться.

— Да я и не сомневаюсь! Подделку сразу бы отличил, ведь я по профессии таможенник. Служу в пограничной таможне, звание — капрал. Зовут меня Луи Фонтэн.

Когда они продолжили спуск по косогору, Фонтэн объяснил, что предстоит сделать дальше.

— В деревне мы зайдем к одному крестьянину — человек надежный, мой старый дружок, — говорил Луи, пропустив Леонида вперед и шагая за ним по узкой тропке. — Вы, Жан, побудите в этом доме, а я съезжу в Женеву, поставлю нужные отметки в вашем паспорте. Тогда вы спокойно можете ездить по стране и проживать в гостиницах как иностранец, не нарушая законов военного времени, — дело это серьезное, ну, да вы сами знаете! Паспорт я вам верну сегодня. Потом мы поедем дальше, но как совершенно незнакомые люди.

— Я получил по своему каналу такое же указание, Луи, — отозвался Рокотов.

— Так вот, Жан. В городе, на квартире, — адрес я сейчас дам — вы переоденетесь, купив костюм и прочее, а затем переберетесь в гостиницу, потом мне позвоните. Как велено Центром, с этого часа я поступаю в ваше распоряжение.

Глава третья

Договорившись накануне со своим таможенным начальством, Фонтэн на следующий день взял отпуск в счет не использованного им отпуска в прошлом году (тогда, по сведениям швейцарской разведки, ожидалось вторжение в страну германских войск, и всякие отпуска для военнослужащих были отменены) и отправился в Лозанну. Жене он сказал, что едет по делам, и она, верившая мужу во всем и приученная к его внезапным отлучкам, которые, правда, случались нечасто, не стала расспрашивать, только попросила известить ее, если он надолго задержится.

Рокотов, прибывший в Лозанну утренней электричкой, сообщил Луи по телефону, что занял № 83 в гостинице «Централь-Бельвю». После этого Фонтэн связался по международной с другим лозаннским отелем и заказал комнату для себя. Они будут жить с мсье Шардном по соседству, но в разных местах, как совершенно незнакомые люди, и вместе с тем при необходимости смогут переговорить.

«Центр» напрасно так беспокоится за меня, — думал Луи, входя в вагон лозаннской электрички. Свою роль он прекрасно отрешировал — не первый год этим занимается. Сколько людей прошло через его руки! Кого-то он переправлял через границу, кого-то укрывал от слежки, кому-то доставал надежные документы. Одни уходили, появлялись другие — смельные товарищи, единомышленники по борьбе. И каждому он помогал, а сам оставался в тени. Фонтэн отлично сознавал — и без напоминаний Центра — важность своей работы для общего дела и потому стремился не запятнать служебную репутацию, быть на лучшем счету у таможенного начальства женевского кантона. А когда получал очередное задание Центра, Луи, наделенный природной хитростью, пускал в ход такие лисьи уловки, пользуясь приобретенными знакомствами с влиятельными чиновниками, что всегда добивался, чего хотел.

...Сидя у вагонного окна, Фонтэн рассеянно глядел на Женевское озеро, по берегу которого мчался электропоезд. Он посасывал свою кривую трубочку, в задумчивости не замечая, что она погасла и седой пепел сыплется на его шевиотовый kostюм, купленный по настоянию жены ко дню его рождения незадолго до войны. То ли воды голубого озера, то ли мысли о прожитом подтолкнули память Луи и увели его далеко, далеко. Вспомнились детские годы, отчество, когда он, деревенский мальчишка из-под Марселя, с ватагой сверстников купался и играл на берегу теплого синего моря, с восхищением глядел на большие корабли у горизонта и мечтал стать матросом, чтобы уплыть в Индию или другую сказочно незнакомую страну. И упрямый паренек, вопреки родительской воле стал матросом. Но детская мечта не сбылась: Индии он не увидел. Походив два года на рыбачих парусниках вдоль побережья, юноша нанялся кочегаром на пассажирский пароход, курсирующий между Марселеем и Неаполем. Однако ему удалось совершить только несколько рейсов: Луи призвали на службу в военно-морской флот, так как началась первая мировая война и вся французская молодежь была поставлена под ружье. До конца войны Фонтэн прослужил орудийным наводчиком на крейсере. А потом с морем пришлось распрощаться навсегда: ранение, полученное в одном из боев, пошатнуло здоровье, и Луи ссыпал на берег. Его не брали даже матросом на суда местных марсельских линий. Тогда он, не желая расставаться с морем, стал докером.

Когда в Испании вспыхнул мятеж франкистских генералов и против республики началась итalo-германская агрессия, старшие товарищи из профсоюза докеров поручили Фонтэну важное дело. В порту Луи возглавлял одну из бригад грузчиков, поэтому знал многих членов экипажей судов, заходивших в марсельскую гавань. Ему были известны все закоулики порта, все кабаки и тайные притоны. Половина портовых рабочих и служащих была в приятельских отношениях с общительным, любящим шутку Луи. А потому ему не стоило больших хлопот прятать от полицейских ищущих прибывающих в Марсель добровольцев, чтобы затем с помощью знакомых матросов и бомбардиров тайно переправлять их в трюмы кораблей, уходивших в Испанию.

В Лозанне Фонтэн вышел из вагона на перрон. Набив табаком свою трубочку, прикурил и с дорожным чемоданчиком стал подниматься по бесчисленным лестницам, которые вели в верхнюю часть города. Там находились гостиница «Централь-Бельвю», где проживал теперь Ришар-Шардон, а неподалеку — отель, в котором Луи заказал номер.

Резко зазвонил телефон. Леонид снял трубку. Послышался хрипловатый голос:

— Мсье Шардон? Добрый день! Вам привет от вашего Папаши. Да, я только что прибыл, уже устроился в гостинице.

Через четверть часа они встретились в условленном месте.

В отглаженном шевиотовом костюме, с торчащей изо рта трубочкой под рыжевато-прокуренными усами Луи был похож на зажиточного крестьянина, приехавшего в город повеселиться.

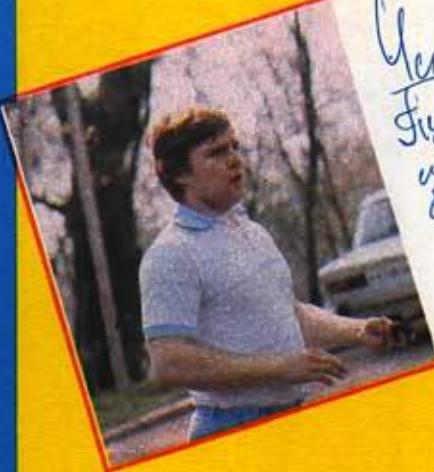
Рокотов решил, что сейчас пора посвятить Фонтэна в замысел операции, и рассказал ему все, что имел право рассказать.

— Сегодня я приступаю к проверке Зигфрида, — закончил Леонид. — Сперва нужно убедиться, все ли в порядке в этом звене цепочки, а потом подумаем, как действовать дальше.

— Вы предварительно позвоните Кинкелю или пойдете к нему без предупреждения? — спросил Фонтэн, взглянув снизу в худое лицо товарища.

— Ни то, ни другое. Я хочу сначала понаблюдать за самой виллой и ее хозяевами. Кто входит туда, кто выходит. Так сказать, ознакомиться с обстановкой. Осторожность не помешает.

Спортивный автограф

Читателем Синен
Будет будем сведе
шевое долевое, а
больше хоккеистов.
Синенко

Дорогие читатели! Напоминаем вам, что материалы этой рубрики мы готовим по вашим просьбам. О Владимире Крутове просили рассказать В. и Н. Степановы (г. Уварово), К. Хрущев (Темиртау), В. Плотникова (Краснодар), Т. Морозова (Астрахань), Ф. Ф. Канджи-оглы (Гагра), М. Потапов (Брянск), Л. Маслова (с. Беляевка Волгоградской обл.), Т. Пархоменко, А. Синенко, Н. Никаноров, О. Рябичева (Ангарск) и многие другие (всего 129 читателей).

Владимир Крутов

Кто — гений дриблинга, кто — финта, а он вонзается, словно финка, насквозь защиту пропоров». Так Евгений Евтушенко написал о Всеволоде Боброве. Тот же стихотворный образ представляется точным при описании действий Владимира Крутова с той лишь поправкой, что он вклинивается, разрывает оборонительные редуты подобно небольшому маневренному танку.

Может быть, кто-нибудь посчитает преувеличением такое восприятие форварда ЦСКА и сборной страны? Но, с одной стороны, за Крутова — его заслуги: «золото» и «серебро» олимпийской пробы, звание трехкратного чемпиона мира, и это в 24 года! Такой вертикальный взлет брали, пожалуй, лишь Валерий Харламов и Александр Мальцев. Примечательно, что у обоих Володя успел поучиться хоккею. С другой же стороны, важней титулов то, что Крутов узнаваем с любого ряда трибун в любом матче и в любой форме. А своеобразие — это ключ к сердцам миллионов, к признанию.

Свой твердостью и цельностью Володя похож на отца, человека рабочей закваски; от матери, работницы детского сада, впитал доброжелательность и простоту в общении. Его боевитость велика даже по хоккейным меркам, он готов при необходимости броситься под шайбу, подыграть партнерам, а надо, так и «соло» исполнит — на удивление дерзко, красиво и продуктивно. Забросив шайбу, Володя не устроит танец с клюшкой, в случае неудачи не бросится с попреками в чужой адрес. Первое он считает итогом совместных усилий, а разочарование заставляет искать в себе слабинку. Знаю Володю несколько лет и не припомню случая, чтобы достигнутые высоты в спорте возносили его над окружающими. Природная скромность сочетается с ясным пониманием, что совершенствованию нет предела.

Володя редко говорит о себе. Приведу несколько записей, относящихся к разным периодам его становления:

«На коньках я столько, сколько помню себя. Тогда мы на улице Чайковского жили. С лыжными палками выходил, чтобы не упасть. И сначала — на утоптанном снегу. Около подъезда потопал, потопал — и домой. А в пять лет уже катался, «былся» в дворовый хоккей.

...После тренировки, сделаю уроки и

собираю во дворе мальчишек. Я один, а их — сколько есть поблизости. И возимся до темноты.

...Когда в школе ЦСКА первый раз форму получал, слезно просил: «Мне только № 17!» Но не достался, опередили. Взял 18-й, чтобы поближе к Харламову. Потом были и другие номера.

...Мне очень повезло, что целых полгода играл вместе с Михайловым и Харламовым.

Я страшно радовался и беспокоился, как бы не подкачать. Я «собирался» все время — до, во время и после игр. И они помогали мне, чем могли. А еще повезло, что вскоре на Олимпиаду взяли — из молодежной почти сразу в первую сборную. О таком и мечтать боишься».

Чудеса бывают не только в сказках, бывают и в спорте. Только тут счастливый билет надо заслужить. Крутов трижды защищал спортивную честь страны на юношеском и молодежном уровнях. Это говорит о многом, в то же время ничего не гарантируя. Из состава, добившегося успеха на мировом молодежном первенстве 1979—1980 годов, лишь Крутов и Ларионов подтвердили впоследствии свои «амбиции».

Володя был лидером тех сборных. Воля, самоотдача, мобилизованность ковались в жарких баталиях. Однажды в решающей встрече с финскими сверстниками пришлось выяснить отношения пять периодов, играли до заброшенной шайбы. После «щелчка» защитника шайба угодила ему в лицо. Боль резкая, нежданная. И Володя покатил к скамейке. На считанные секунды капитан получил численный перевес и незамедлительно его использовал. Что пришлось услышать тогда виновнику, знает только он. Спустя два года снова финал и снова против финской сборной. А у нас осложнения: накануне получил травму рижанин Головков, капитан. Вечером, когда тренеры ломали головы над тем, как им выйти из положения, в дверь поступили Крутов и Ларионов: «Ставьте Головкова, а мы за него так отработаем, что никто и не догадается, каково ему». И слово ребята сдержали.

Предолимпийским летом Володя признался, что ждет не доjdется Игр в Сараево, чтобы вернуть нашему хоккею высшее спортивное звание. А через неделю его свалила тяжелая болезнь. Под вопросом оказалось участие в Олимпиаде. И как переживали за Крутова хоккеисты других команд, те, кем он бескомпромиссно соперничает на льду! Но уважение к мастеру выше межклубного противостояния. Говорили: «Выкарабкается, сдюжит, у него характера на пятерых хватит». Действительно сдюжил. И был, как прежде, заметен с любого ряда трибун — в форме ЦСКА или сборной СССР.

Была когда-то добрая традиция: расставшийся со спортом хоккеист передавал свой свитер юному одноклубнику.

Но Валерию Харламову не довелось совершить этот ритуал: остался неизвестным его выбор, его наследник. Я же уверен, что Харламов наследником выбрал бы Крутова.

Леонид ЛЕОНИДОВ

Фото
Анатолия БОЧИНИНА

